ВАДИМ СУХАЧЕВСКИЙ

ТАЙНЫЙ СУД

ЗАПРЕТНЫЕ ДВЕРИ ТАЙНОГО СУДА ВПЕРВЫЕ РАСПАХНУТСЯ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В тридцатые годы XX века в Москве действует загадочное тайное общество, на самом деле существовавшее в средневековой Германии. Итальянская мафия – лишь одно из его отделений. Тайный суд оставался единственной надеждой бедняков на справедливость. И в советской России, погрязшей в беззаконии и страхе, для него тоже находится работа.

Сын «врага народа» получает приглашение в ячейку московского Тайного суда. Оказывается, его отец занимал в могущественном Ордене высокий пост! Теперь Юрий облечен властью вершить судьбы высокопоставленных преступников. Однако НКВД чрезвычайно озабочен загадочными смертями своих коллег и выходит на след Тайного суда. Но главное испытание вершителей справедливости впереди: они переходят дорогу еще более древней и смертоносной организации…

- Вадим Сухачевский
  -
  - Глава 1,
  - Глава 2,
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8,
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13,
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

Вадим Сухачевский
Тайный суд

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Сухачевский

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1, позволяющая увидеть лишь поверхностную сторону некоторых весьма загадочных событий

Если бы кто-нибудь из знакомых майора государственной безопасности Степана Акимовича Чужака в то весеннее утро 1938 года увидел его в лубянском кабинете, когда он положил телефонную трубку, то был бы весьма удивлен, ибо на волевом, никогда не затуманивавшемся сомнениями лице Чужака отражалась непривычная растерянность.

Но никто в этот момент его не видел, майор был в кабинете один. Однако и оставаясь наедине с собой, Степан Акимович умел держать себя в руках, посему то, что кто-нибудь принял бы лишь за растерянность, в действительности было подлинным смятением. Прежде нечто подобное случилось с Чужаком лишь однажды в жизни, лет восемь назад, в Одессе, во время служебной командировки, когда одна смазливенькая бабенка, которую он после ресторана увлек в свой гостиничный нумер, вдруг при потушенном свете, в самый *тот* миг оказалась самым что ни есть мужиком. И смятение было тогда вовсе не потому, что подобные мерзости на свете иногда-таки встречаются, а просто потому, что ждал одного, а на поверку вышло настолько вот иное!

Если же не считать того одесского случая, то и не припомнить, чтобы Чужак ошибался когда-либо в жизни, хоть бы даже в самых пустячных мелочах. Играя в преферанс, всегда предчуял, какой прикуп лежит, отчего никогда не бывал в проигрыше. И во время допросов помогало: всегда знал, когда расколется нелюдь. Нынче, допустим, и усердствовать без надобности, пустое дело; а вот через два дня нужно уж как следует постараться: во всем сознается, ни от чего не отвертится, сукин сын! Или, к примеру, с Любочкой, машинисткой. Неделю назад – здрасьте-пожалста: «Подзалетела я опять, кажись, товарищ майор. Похоже, снова придется к бабке Лукьяне идти, так что уж готовьте, как в прошлый разик, сто пятьдесят рубликов». А он в одно ухо впустил, в другое выпустил. На сей раз даже и денег от жены, от Клавдии, заначивать не стал, не сомневался – обойдется. И точно! Нынче же утром Любочка сообщила: ошиблась я, Степан Акимович, напрасные страхи.

Даже изменения погоды чуял загодя. Вот нынешнюю капель предугадал еще вчера, когда на дворе стоял лютый мороз. Небось

теперь все, кто в соседних кабинетах парятся в теплых поддевах, а он, Чужак, в одной летней маечке под гимнастеркой, в полной поэтому комфортабельности. Была в нем, видно, такая какая-то особая жилка, дарующая человеку это чутье. А от большой беды сколько раз эта жилка уберегала, от самой что ни есть погибели! Так, в Гражданскую, в девятнадцатом, от лютой смерти спасла. Всего-то и надо было двум эскадронам ЧОНа, его и Петьки Кувалдина, объехать деревню Пантелеевку для присоединения к бригаде. Кувалдин говорит: «Лучше слева объехать, у речной балки, так выйдет короче», – а он ему: «Ну а мы давай-ка – справа, вокруг леска, вот и поглядим». Вроде просто так, на спор сказал.

Ан нет! Она, точно, она, *жилка*, подсказала! Потому как слева от Пантелеевки наткнулся тогда кувалдинский эскадрон на большой отряд белоказаков, на другой день всех нашли порубанными. Если б не она, не жилка, лежать бы и ему, Чужаку, там, в речной балке, разрубленному, как Петя Кувалдин, казацкой шашкой от плеча до крестца.

А когда взяли на работу сюда, в ОГПУ! Тоже ведь жилка, поди, подсказывала. Вроде бы пустяк подсказывала: с теми выпивай, балагурь, а с теми – ни-ни! Но вышло, что оно вовсе и не пустяк. С кем «ни-ни» – те уже давно постреляны, вражье семя, а с кем сошелся – те вон как в гору пошли! А за собой и его потянули. Потому-то он сейчас и сидит за большим столом в большом кабинете, а не кормит червей в безымянной могиле, а в петлице – ромбик высшего комсостава, генерал по-старому[1]. А за дверью, в приемной, Любочка-прелесть на «ремингтоне» пальчиками наманикюренными тюк-тюк-тюк.

Жилка у него потому как!..

Но что ж она, жилочка-то заветная, два дня назад не подсказала ему ничего?

Когда два дня назад узнал, что найдены мертвыми старший майор госбезопасности Буцис и майор Ведренко, нисколько это его, Чужака, не встревожило. Смерть обоих, правда, вызывала некоторые вопросы. Ведренку обнаружили в Мытищах, где ему ровным счетом делать было нечего, в незамерзающем пруду возле ТЭЦ, с пудовым камнем на шее, а Буциса (вовсе уж странно!) нашли висящим на дереве в Нескучном саду с фанерной табличкой на груди, и написано на этой табличке было рукой самого же Буциса вот такое: «Люди! Я – гад распоследний! Простите меня!»

Горевать об их гибели было не с чего – оба служили в другом отделе, Ведренку он не знал вовсе, а с Нюмкой Буцисом пересекся когда-то лишь раз, давным-давно, по смутному одному дельцу… Ладно, что теперь вспоминать! Здесь, *в конторе*, где вместе после

очутились под крылом сперва у врага, у Ягоды, а теперь вот у Ежова Николай Иваныча, ни в какие разговоры он с ним никогда не вступал: жилка подсказывала, что Нюмка из тех, с кем – *ни-ни*. Поэтому тогда, узнав по сводке об обоих жмуриках, только лишь подумал: зачем же так по-хитрому-то убрали этих двоих? Не хотели шлепнуть как вражин (на то у наркома, у Ежова, у Николай Иваныча, могли быть свои какие-то высокие резоны), так можно бы устранить попроще – вон, хотя бы как в прошлом месяце того же комиссара 3-го ранга Шептунова. Шел к Фроське, к любовнице своей, в подъезде получил маслину в лоб, и все дела.

А почему? А потому, что, видно, знал этот самый дурень Шептунов слишком много такого, чего ему, по всему, знать не следовало бы, да только никакой жилки не имел, чтобы сие уразуметь. Но это Чужак лишь для себя вывел, да и выкинул из головы как для нее, для головы, совсем лишнее. А по делу комиссара Шептунова доложил народному комиссару Николаю Иванычу, что пал-де Шептунов в результате разветвленного вражеского заговора, и они, враги, числом шесть человек, уже во всем сознались и теперь ждут, когда их покарает справедливая рука пролетарского возмездия.

Улыбнулся тогда Николай Иванович, сказал: «Молодцом. Хорошо работаешь, Чужак». Не подвела, стало быть, жилка!

Ну а раз так, то с делом этих двоих, Буциса и Ведренки, разбираться тоже поручили ему. Дело, конечно, было похитрее шептуновского, в том смысле похитрее, что заговор недобитых вражин должен был быть куда как разветвленнее. Уже семнадцать человек участников сидели по этому делу во внутренней лубянской тюрьме. За первые же сутки двенадцать из них уже давали признательные показания, а оставшиеся пятеро, главные злыдни (два инженера, профессор, бывший поп и Усачов, врач-стоматолог этот хренов, что на Аглайке, чужаковской старшенькой, жениться в прошлом годе передумал), – эти пятеро не то чтобы вовсе упорствовали про вражий Центр, который ими руководил, сразу как на духу все выложили (а отделения того Центра оказались и в Париже, и в Лондоне, и в, мать ее, Аддис-Абебе, и еще хрен знает где), да вот ни в какую выдавать не желали, каким образом им удалось заставить старшего майора Буциса, не трусливого вообще-то мужика, перед гибелью написать на фанере те глупые слова.

Решил: пытками, должно быть, принудили, не иначе. Оставалось до малого дознаться: где пытали и как. Вот в этом «как» и была пока что самая заморочка – следов-то на теле у покойного никаких! Однако товарищу Ежову он, Чужак, еще вчера

направил рапорт: так-де и так, раскрыт злодейский… разветвленный… с участием…

И вот нынче утром звонок по внутреннему. Николай Иванович самолично! Да вдруг:

– Ты что мне, Чужак, баранья башка, что ты мне там насочинял?! Ты кому голову морочишь, сукин сын?! – Голос у маленького, худосочного Николай Иваныча тоненький и вонзается, когда нарком в гневе, как острое шильце, в самую-самую душу. – Что ты мне там наплел, писака гребаный?! Что мне твои говенные попы и сраные инженера?! Подотрись своим ро2маном и ищи мне по-настоящему! По-настоящему – понял?! Ищи, кто убирает чекистов! И этих двоих, и Цыганкова, и Капралова, которых – еще в январе! Чтоб все раскопал! Носом землю рой – а раскопай! Сроку тебе две недели! Не раскопаешь – пожалеешь у меня, что на свет появился, понял, Чужак? Всё! – Отбой в трубке.

И сидел Чужак перед телефоном, и смотрел на аппарат ошарашенно. Душа, этим шильцем, тоненьким, визгливым голосом товарища наркома насквозь прораненная, болючей болью заныла вся. Никогда еще Николай Иванович с ним так не разговаривал. А в чем провинился он, Чужак, чего ему жилка-то его не подсказала?.. Был тут, конечно, и страх, ибо знал он, а кому еще как не ему, Чужаку, и знать, сколь не пустячна угроза народного комиссара: «Пожалеешь, что на свет появился». Но было и кое-что еще, терзавшее изнутри едва ли не так же мучительно, как страх. Если уж сам Николай Иванович приказал искать по-настоящему, – стало быть, взаправду, *по-настоящему*, существует какая-то вражья сеть, которая выделывает вот такие вот вражьи дела! Это как же, как же, едрен-ть, проморгали-то?! И эти, из девятого отдела, Цыганков с Капраловым, тоже, выходит, *в самом деле* какими-то неведомыми врагами убраны!

Взаправду, стало быть, *по-настоящему*, под самым носом разгуливает лютый враг! Что ж это делается, братцы?!

Любочка без стука открыла дверь:

– Товарищ майор, отпечатала, тут расписаться… – Вдруг, осекшись, спросила с испугом: – Что-то случилось, Степан Акимович? У вас лицо такое…

И впервые Чужак ответил ей грубо:

– Изыдь!

* * *

В это же самое время в том же самом здании и в таком же

точно, как у Чужака, кабинете, но только расположенном этажом выше, за письменным столом сидел человек, носивший такое же, как Чужак, звание майора государственной безопасности, но на этом их сходство заканчивалось. У этого человека была неброская фамилия Николаев, и звали его, разумеется, Николай Николаевич. «Разумеется» – потому что рядом находились кабинеты Иванова И.И. (Иван Иванович, конечно же), Петрова П.П., Сидорова С.С. и т.д., так что считать их фамилии, имена и отчества подлинными мог бы только очень наивный гражданин.

Впрочем, столь наивные граждане на этом этаже никогда и не появлялись, ибо отдел майора Николаева, в отличие от чужаковского отдела, занимался розыском настоящих шпионов, засланных из-за рубежа, а не запуганных инженеров, врачей и прочих граждан, готовых после встречи с лубянскими костоломами подписать признание в чем угодно, хоть в шпионаже в пользу Шумерского царства. И хотя раскрываемость в отделе Николаева исчислялась единицами в месяц, а не сотнями в неделю, как у Чужака, этот отдел начальство ценило и даже, пожалуй, несколько побаивалось. И служили тут люди – не чета чужаковским мастерам пыточных дел с большими кулаками и тремя классами образования (да что там, когда сам нынешний нарком госбезопасности Ежов писал в графе «образование»: «незаконченное низшее»); все служившие тут имели образование высшее (а то и не одно), владели в совершенстве тремя-четырьмя иностранными языками (Николаев – шестью), какое-то время нелегально работали за границей. В общем, это был штучный товар, который надо беречь.

И никогда в их кабинетах не раздавались матюги следователей и стоны избиваемых, здесь вообще предпочитали тишину.

В тиши своего кабинета майор Николаев на время оторвался от чтения отчетов о наблюдениях за неким гражданином Быковым, почти наверняка являвшимся немецким шпионом, и недавно приехавшей в СССР некоей миссис Сазерленд, женой британского миллионера, с которой пока не все было ясно, и взялся за сводку по наркомату за минувшую неделю.

Строки об убитых столь затейливым образом майоре Ведренко и старшем майоре Буцисе вызвали особый интерес майора, хотя по его виду никто бы этого не заметил. Он подумал: «Допрыгались, мерзавцы! Давно пора», – поскольку знал за этими двоими много всяких гнусностей. Увы, гнусности эти нельзя было отнести к какому-нибудь троцкизму, носили они чисто бытовой характер, потому-то эти двое столь долго были вне всякой опасности, так же, как Цыганков и Капралов, убитые сходным

образом чуть ранее.

И вот наконец кто-то решился поступить с ними так, как в любой другой стране поступило бы с ними само государство. Но здесь… Все их художества могли проходить лишь по линии милиции, однако разве ж наша народная милиция посмеет тронуть сотрудников самого НКВД, да еще носящих такие высокие чины?

Тогда кто же их?.. Безусловно, действовала какая-то умелая организация. «Молодцы ребята, славно сработано», – подумал Николаев, и как раз в этот момент зазвонил телефон.

Звонил сам народный комиссар Ежов. С майором Николаевым нарком всегда был по-своему вежлив, никогда не «тыкал», не повышал на него голос, словно его, наркома, вдруг пригибало перед этим умником «незаконченное низшее».

Сперва нарком поинтересовался, как дела с этим Быковым, немецким шпионом.

– Пока «водим», – коротко ответил Николаев.

Майор знал, что Ежов искренне не понимает, зачем долго «водить», если можно сразу взять и – по-рабоче-крестьянски – просто бить, пока не расколется, но и давить на их отдел как-то робеет.

– Ну-ну, водите, – сказал нарком.

Было ясно, что этот вопрос сейчас его мало интересует. Он сразу перешел к тому, что действительно его зацепило – к убийствам Буциса, Ведренки и других.

– Что думаете, Николай Николаевич, – спросил он, – может, это чья-нибудь иностранная разведка?

– Едва ли, – ответил майор. – Никакой разведке не интересны эти…

– …эти говнюки, – закончил за него нарком. – М-да, разведки всяким говном не интересуются… Тогда кто же?

– Мало ли кто. Думаю – просто на бытовой почве.

– Бытовуха… – с сомнением проговорил Ежов. – Уж больно как-то для простой бытовухи складно вышло… Может, передать в ваш отдел?

– Вы же знаете, Николай Иванович, наш отдел бытовухой, как вы выразились, не занимается, – сухо заметил майор Николаев.

Некоторое время он слышал в трубке сопение, которое, вероятно, отображало гнев народного комиссара, но, посопев немного, нарком лишь произнес:

– Ну ладно, – и повесил трубку.

Майор Николаев снова просмотрел сводку, хотя и так знал ее наизусть после первого прочтения – таково было свойство его памяти, – и проговорил:

– Любопытно… – что обычно означало его крайнюю заинтересованность в каком-либо деле.

Народный комиссар же, повесив трубку, произнес:

– Сука!.. – имея в виду, понятно, этого чистюлю-майора, до которого когда-нибудь ох и доберется он.

Затем Ежов произнес еще одно слово, совсем уж грязное, обрисовав этим словом для себя не только этого майора, но и всю сложившуюся ситуацию в целом.

Настроение было мерзкое. Он находился в том состоянии духа, когда лучше не попадаться ему на глаза.

* * *

Но если бы тем же самым утром кто-то увидел ответственного работника одного из важных промышленных главков Павла Никодимовича Куздюмова в ту минуту, когда тот выходил из подъезда своего дома, что на Арбате, то даже следа озабоченности не прочел бы на его уверенном лице. Кое-что, правда, озаботило Павла Никодимовича в то утро, но было это полчаса назад, сразу после завтрака, а по здравом размышлении она, эта озабоченность, к моменту выхода из дому уже целиком прошла.

Тогда, после завтрака, лишь только он затянулся папироской и открыл свежий номер «Правды» с репортажем о процессе над гадами-вредителями, – минуты эти благостные, с газетой и папироской, он особенно в жизни ценил, – Соня, домработница, вдруг положила перед ним конверт без почтового штемпеля:

– Вот, Пал Никодимыч, опять подсунули под дверь.

«Черт! – подумал Куздюмов. – Снова кто-то все те же шутки шуткует!»

Третьего дня похожий конверт без обратного адреса и почтового штемпеля ему уже подсовывали таким же манером. И в конверте лежала писулька с невероятной фигней: дескать, уведомляем вас, гражданин Куздюмов, что какой-то, понимаешь ли, Тайный Суд (нет, ну придумают же, гады!) на завтра, мол, назначает предварительное заседание, связанное с вашим делом. Если, мол, желаете присутствовать на этом заседании, то подойдите ровно в шесть часов вечера к газетному киоску возле вашего дома, там вас встретят и отвезут в надлежащее место. Дальше говорилось, что если он к киоску вовремя не подойдет, то это самое заседание Суда все равно состоится, но только в таком случае уже без его присутствия. В общем, наподобие повестки.

А на деле, если чуть пораскинуть мозгами, то чушь ведь, чушь несусветнейшая! Тут и слов даже, окромя матерных, не подобрать, чтобы выразить, какая чушь!

И, понятно, ни подписи, ни печати. Да и откуда у них, у шутников этих, печать? У них даже машинистки знакомой не нашлось, чтобы для какой-то хоть мало-мальской убедительности на машинке это отстукала, от руки эту фигню накропали!

А хоть бы даже и на машинке, хоть бы даже, пускай, с печатью – оттого меньшей чушью не стало бы! Додуматься: встреча у киоска! А сами небось из какого-нибудь окошка будут в бинокль наблюдать, как он, дурень, у того киоска мается на морозе, чтобы вдоволь похихикать над ним, знаем таких шутников! Нетушки! Поищите себе дурачка в другом месте, шутники фиговы!

В милицию бы эту фигистику отнести – да только недосуг!.. И вообще при мысли о милиции отчего-то кольнуло в душе нехорошо. Хотя с чего бы? Ведь не было же, не было за ним ничего такого, чтобы самому ее бояться, ну ровным счетом ничегошеньки!..

Ладно, аллах с ней, с милицией. В тот раз просто выкинул в ведро эту писульку – и из головы вон. Но вот, гляди ж ты, неймется им! Снова!..

Павел Никодимович нехотя отложил газету, оторвавшись от репортажа на самом интересном месте, где как раз перечислялись все гнусные злодейства этих гадов-вредителей, и вскрыл конверт.

Конечно! То же самое! И почерк тот же… Он прочел:

> Г-н Куздюмов.
>
> Сим Вы извещаетесь, что, несмотря на Вашу неявку, предварительное заседание Суда, связанное с Вашим делом, состоялось. Ввиду тяжести предъявленных Вам обвинений, Суд счел возможным отложить вынесение приговора до следующего заседания, кое состоится 19-го числа сего месяца в 7 часов вечера.
>
> Сообщаем также, что сторона обвинения требует за Ваши преступления смертной казни, поэтому Ваше присутствие необходимо. Посему в случае Вашей неявки к 6 вечера 19-го числа в указанное прежде место (у киоска) Вы будете доставлены в Суд в принудительном порядке.

Девятнадцатого. Это, стало быть, через десять дней. Стало быть, в самое что ни есть полнолуние, мать их! Что2 изгадить решили, говнюки! Все уже готово – и нате!.. Полная фигистика – а ведь изгадит, изгадит! Хоть письмишку ихнему, понятно, грош

цена – а память о нем будет в тот самый день мешать, как чирей в неудобном месте, вот в чем главное гадство-то!

Куздюмов еще раз, теперь более внимательно осмотрел письмо. Подпись на сей раз все-таки была поставлена, а внизу значилось: «Председатель Тайного Суда», и стояла какая-то замысловатая закорючка. И печать на сей раз была. Без герба, впрочем, печать, а всего лишь было изображено на ней пять нерусских букв: S. S. S. G. G., любой умелец из подметки такую вам печать вырежет, плевое дело. В общем, снова такая же фигня, как в прошлый раз.

Но – девятнадцатое! Вот в чем гадство-то! Далось им, долботрясам, это девятнадцатое!

Кое-что еще, впрочем, все-таки царапнуло душу. Нет, не сама повестка эта дурацкая (такое – встречу у киоска – только распоследний долботряс мог придумать; уж небось тем вредителям, про которых в газете, не у киоска встречу-то назначали), а именно фашистские эти, гадские буквочки на печати душу царапали. Может, в них, в буквочках, подлость главная-то и сокрыта? Может, не для шутки вовсе, а для подлости как раз все и затеяно? Может, за ними, за буквочками, прячется такое, за что тебя сразу и в расход по нынешним временам?..

А если подлость, призадумался Куздюмов, то понять бы, кто за нею стоит… Ну да тут не угадаешь – недоброжелателей множество. Возможно, вдова шлепнутого в прошлом годе Ханаева, на которого он, Павел Никодимович, где надо *показал*, или – по той же самой причине – кто-нибудь из родственничков Зильберштейна, чье место в главке он сейчас занимает, или сын того гада Данилевского, в чьей квартире на Арбате сейчас он и живет, или, наконец, муж посаженной Новиковой, – всех таких, на любую подлость по отношению к нему способных, не перечесть.

Но что, что эти буквочки-то поганые означают?! Из-за них, из-за буквочек, и не покажешь бумаженцию эту никому, кто мог бы пресечь долботрясов-шутников, потому что – вдруг да и означают что-нибудь такое уж мерзопакостное, что не приведи господь!

Оттого после минутных раздумий Павел Никодимович решил бумаженцию эту подлую никому не показывать. Черт с ними, с долботрясами, нехай до поры до времени поживут, когда-нибудь и на них управа найдется. Главное – девятнадцатого, в полнолуние, не вспомнить бы ненароком про эту ихнюю фигистику! Хватит с них, с долботрясов, и того, что сегодняшнее утро испоганили. Вон и папироса дотлела, недокуренная, и «Правда», так и недочитанная, лежит, и рюмочка целебного спиртового настоя на лекарственных травах, что перед завтраком для общего здоровья и для мужской силы в себя ежеутренне

вонзал, ушла безо всякой пользы, не грела изнутри, словно не было ее.

Ладно, забыть бы за эти десять дней, что остались до девятнадцатого, до полнолуния, про эту фигню!..

И только в ту минуту, когда бумажка уже догорала в пепельнице, царапнуло еще одно: о каких таких его *преступлениях* там, в бумаженции этой?..

Вдруг он даже про послание чертово забыл. На какой-то миг – словно въяве – прошлое полнолуние…

Приклеенный к ночному небу желтый круг луны, и в его свете – девочка, лежащая лицом вниз…

Руки раскинуты. Она не шевелится уже. Затихла. И прядь соломенных ее волосиков упала в блестящую под луной, уже замерзающую красную лужицу…

Нет, главное – не думать об этом! К черту! Примерещилось! Не было такого никогда!

И через полчаса, выходя из подъезда, Павел Никодимович Куздюмов потому и был столь спокоен, что окончательно утвердился в главном: того, привидевшегося, *никогда, никогда не было*!

* * *

В то же самое утро, но несколько позже, совсем из другого дома вышел солидного вида гражданин с окладистой бородой, в дорогой шубе нараспашку и направился к ожидавшему его черному автомобилю, сверкавшему на весеннем солнце, как новая галоша. Из радиоприемника в кабине автомобиля доносился голос диктора: «Вся страна с гневом и возмущением наблюдает за бандой гнусных предателей, отщепенцев, кровавых убийц, сидящих на скамье подсудимых. Демонстранты, выстроившиеся перед входом в Колонный зал Дома Союзов, требуют смертной казни для извергов и отщепенцев, наймитов капитализма, предавших свой народ. Убить, как поганых псов, растоптать, как нечисть!..»

Когда бородатый гражданин уселся рядом с водителем, могучим детиной атлетического сложения, тот несколько приглушил звук в радиоприемнике, машину, однако, пока не заводил. Некто лысый, худощавый, со странным, асимметричным лицом, сидевший сзади, спросил:

– Что будем делать с Куздюмовым? Следующее заседание только через десять дней, за это время не смылся бы. Доказательств хватает, может, на пораньше назначим заседание?

– Нет, пока продолжайте наблюдения, – был ответ. – Раньше никак нельзя – сами знаете, мы с вами вдвоем не имеем права принимать столь необратимые решения. Без третьего заседателя нам никак не обойтись.

– Но ведь вы же разговаривали с этим, с доцентом… все забываю фамилию, – досадливо поморщился асимметричный.

– С Васильцевым, – подсказал обладатель бороды. – Да, разговаривал вчера. Но он пока явно не готов. Его, однако, можно понять. Вы, Борщов, сколь мне помнится, тоже когда-то упрямились сперва.

– Однако, Ваша Честь… – начал было асимметричный Борщов, но собеседник перебил его:

– Сколько можно напоминать! Я же просил, когда мы вне стен Суда, обращаться ко мне…

– Да, да, виноват! Георгий Теодорович! – поспешил поправиться тот. – Я только хотел сказать, что если я тогда не согласился сразу, то лишь потому, что выставил прежде кое-какие условия.

– Да, помню, торговались, было дело.

– Ну вот! А этот, как я понимаю, даже не торгуется. Тогда, по-моему, безнадежное дело.

– И что же вы предлагаете?

Борщов почесал лысину.

– Да черт его… Пожалуй, теперь уже просто так и не отступишься, знает он теперь слишком много. Наверно, придется убирать.

Его собеседник поморщился:

– Экий вы, Борщов… Вы, наверно, забыли, что он по праву рождения…

– Ну, нас тут, положим, всех не в капусте нашли, – тонко усмехнулся асимметричный.

– Решаю тут, однако, пока что я, – властно сказал тот, кого звали Георгием Теодоровичем. – Посему мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы Юрий Андреевич Васильцев в конце концов был с нами. – И, считая этот разговор оконченным, он повернулся к водителю.

В это самое время из радиоприемника, хотя звук и был приглушен, прорывался надрывный голос женщины, заходившейся праведным гневом: «Слава нашей родной партии, слава нашим доблестным чекистам, вовремя разглядевшим этих кровавых волков под их овечьими шкурами! Простая прядильщица, мать четверых детей, я говорю: смерть троцкистским шпионам, смерть подонкам, смерть гнусным гадинам! Смерть им! Проклятье им и вечное презрение в наших

сердцах!..»

– Тебе, Викентий, еще, право, слушать не надоело? – спросил бородач шофера. – Послушал бы другое что-нибудь.

– Так ведь сейчас, Ваша Честь… виноват – Георгий Теодорович!.. Сейчас же везде – ни о чем другом больше, – отозвался тот.

– Просто ты, Викентий, не умеешь слушать. – Бородач выключил радиоприемник. – Вот теперь попробуй-ка, прислушайся.

– К чему? – не понял шофер.

– Неужели не слышишь? Давай же, прислушайся! Капель! И птицы щебечут!

– А-а… Да, расщебетались пташки. А чего ж – весна как-никак…

– Сегодня с самого утра щебечут, – обращаясь, возможно, уже и не к Викентию, а к самому себе, произнес Георгий Теодорович. И, немного помолчав, добавил: – А мир, в котором по весне щебечут птицы, наверное, нельзя считать совсем уж потерянным.

– Да, – проговорил сзади асимметричный Борщов, пока шофер заводил машину, – весна! А ведь еще вчера какой стоял морозецкий! Кто б думал, что оно в один день эдак вот растеплется!

Глава 2,
в которой бывший доцент Юрий Андреевич Васильцев получает странное письмо

Весна, в самом деле, упала на Москву настолько стремительно, вдруг, что всего днем раньше, в ту промозглую стынь, птичий щебет и капель казались Юрию Васильцеву едва ли не такими же далекими, как какой-нибудь благодатный, надо полагать, остров Майолика, где ему уже едва ли было суждено побывать. Люди, которых он знал, исчезали один за другим, и над ним самим с недавнего времени настолько сгустились тучи, что надежда не сгинуть в этой затянувшейся зиме, дотянуть до тепла, с каждым днем представлялась все более призрачной.

Ах, как же все-таки с недавних пор придавила его жизнь, в какие стальные клещи взяла!

Началось с того, что минувшей осенью его уволили из университета, где он к тому времени проработал восемь лет. Произошло это под расхожим лозунгом «оздоровления кадров», и причина была столь же расхожая: непролетарское происхождение. В самом деле, ну может ли сын какого-то дореволюционного адвокатишки, выступавшего перед царским судом присяжных, полноценно заниматься теорией гильбертовых пространств, совершенно к тому же ненужных для окончательного построения всеобщего счастья, возможного, как ныне известно, в пространствах совсем иных, куда более для него, для этого строимого счастья, приспособленных? Вот будь он, Васильцев, сыном, к примеру, поморского рыбака, навроде Михайлы Ломоносова, – тогда бы, может, и не такой грех – даже на худой конец и этими самыми, к бесу, гильбертовыми…

Впрочем, до поры до времени имя отца-адвоката в какой-то мере даже оберегало Юрия Андреевича от лиха, иначе наверняка «оздоровили» бы от него кафедру много ранее. Но дело все в том, что отец его, Андрей Исидорович Васильцев, во времена оны слыл адвокатом *прогрессистского* толка, защищал перед «фарисейским царским судом» кое-кого из *революционистов* (почему-то Васильцев-старший именно так, насмешливо их в ту пору величал), и некоторые из них после того, как волею судеб в один миг возметнулись к вершинам власти, не забыли тогдашнего своего защитника, оттого и «мелкобуржуазное» прошлое молодого Васильцева когда-то не помешало ему поступить в

университет, с отличием окончить его, затем остаться служить на кафедре и даже в конце концов достичь доцентского звания.

Однако не столь давно произошел еще один изворот времени, и прихотливой волею все тех же судеб бывшие отцовы подзащитные рухнули со своих высей, навсегда растворились в небытии. Тогда и настала пора припомнить молодому доценту Юрию Андреевичу, кого отец его усопший, либерал-буржуазный адвокатишка, некогда спасал от «царского произвола». Гнусных гадин и кровавых убийц – вот же ведь, оказывается, кого! Тут-то кафедру от него, от Васильцева-младшего, как можно поспешнее и «оздоровили».

Да и то следовало бы еще судьбу благодарить, что на сей раз «оздоровление» произвели относительно гуманно, с некоторым даже либерализмом, совершенно не свойственным суровости времени – всего лишь вышвырнули без выходного пособия; живи, радуйся. От профессоров Головина, Суржича и Тиходеева «оздоровились» куда как по-другому – настолько радикально, что оттуда, где они сейчас пребывают, еще никто никогда ни единой весточки не получал, ибо в их приговорах так и значилось: «без права переписки».

Поэтому, оказавшись вышвырнутым на улицу, Юрий Андреевич на первых порах не слишком сетовал на свою долю. Тем более что работать на постоянно «оздоравливаемой» кафедре становилось уже невмоготу, ибо вместо классово чуждых доцентов и профессоров ее теперь заполняли люди в галифе и пахнущих дегтем сапогах; они, эти люди, куда лучше, чем о гильбертовых пространствах, ведали о законах классовой борьбы и об устройстве револьвера системы наган, то есть владели знаниями куда более полезными для установления всеобщего счастья и мировой гармонии. Так что, устроившись истопником в котельную и сменив свой старенький пиджачок на спецовку и ватник, Юрий Андреевич на первых порах испытал некоторое даже облегчение и ощутил нечто наподобие свободы, насколько она, свобода, была вообще представима в нынешней заиндевевшей от страха и холода Москве.

Увы, даже эта крохотная свобода была призрачной. Вскоре он понял, что неотвратимое лихо уже примеривается схватить его за горло и уволочь в свою бездну. Одного за другим стали забирать всех, с кем он был в мало-мальски теплых отношениях. Исчезла вся семья Львовых, исчез его учитель профессор Суховерко, исчезли Маневичи, оба, муж и жена. Снаряды ложились уже совсем поблизости. Когда же несколько дней назад взяли друга, Ваню Ахтырцева, снаряд разорвался настолько рядом, что уже оставалось только удивляться, как этим снарядом не накрыло

сразу их двоих.

Но *там* почему-то именно с ним не спешили, хотя и не таили вовсе, что их когти уже нацелены на него. Три дня назад в дом явился участковый и отобрал у него паспорт – якобы для какой-то срочной проверки. Его сменщик по котельной, в прошлом всемирно известный специалист по древнеримской истории профессор Дмитрий Романович Суздалев, услышав о сем, объяснил Юрию:

– Ах, право, не хочу вас, мой любезный, стращать, но уверен, вовсе никакая это не проверка, уже давным-давно они попроверяли все, что могли. А паспорт, полагаю, отобрали, просто чтобы вам труднее было скрыться, если вдруг ненароком надумаете.

На вопрос же Васильцева – почему было не забрать вместе с паспортом и его самого, ответил:

– Возможно, все камеры у них забиты – вон, сколько народу похватали, а камеры-то не резиновые. Но лично я все-таки склоняюсь к иному объяснению. Просто играют с вами в кошки-мышки. Известный прием! В каких-то целях желают, чтобы вы до времени сдались, пали духом. Такие методы весьма распространены были в разные времена, к примеру, в Древнем Риме при императоре Домициане, последнем из Флавиев: кто-нибудь сообщал обреченному патрицию, что тот уже внесен в проскрипционные списки, и в этом подвешенном состоянии его держали порой месяцами. Впрочем, полагается мне, эти наши нынешние проскрипционеры про оного Домициана едва ли слыхом слыхивали. Сами, своим самобытным классовым умом, должно быть, додумались… А вы, милый, не поддавайтесь, не поддавайтесь, вот вам единственный мой совет! Не падайте духом, не доставляйте им такое удовольствие! Берите пример с меня, старика. Тоже, кстати, второго дня паспорт изъяли – а вон, живу не тужу, жизни радуюсь, насколько она, жизнь-каналья, покамест это позволяет! – С тем и ушел, беззаботно насвистывая марш из «Аиды».

Оптимизма в душе у Васильцева этот разговор не посеял, лишь утвердил его в собственной же мысли: да, зачем-то играют с ним в кошки-мышки. И когда на другой день получил то самое письмо, поначалу был уверен, что сие – какой-то их очередной дьявольский ход в этой зловещей игре.

Непонятно, однако, было, почему письмо пришло не по почте. Соседка Головчинская, камергерская вдова осьмидесяти лет (да, окруженьице у него было, однако!), сказала, что приходил какой-то странный субъект с кривым лицом и оставил для него, Юрия, этот пухлый запечатанный пакет.

Когда, зайдя в свою комнату, вскрыл пакет, из него выпала довольно толстая пачка денег и сложенный вчетверо лист бумаги. Однако еще прежде, чем Васильцев пробежал глазами текст послания, он подумал: «Провокация!» – ничего другого не пришло в голову в тот миг. Ибо прежде всего он зачем-то внимательно разглядел этот лист белейшей, должно быть рисовой бумаги, – нынче в СССР такую поди раздобудь, разве только в каком наркомате, – и увидел внизу крохотную отметку производителя с адресом (так и есть!) – Лондон, какая-то стрит, – а вдобавок, взглянув на просвет, обнаружил на листе водяные знаки с начертанием пяти латинских букв: S. S. S. G.G. Конечно, буквы могли означать что угодно, что-нибудь даже вполне себе безобидное, но если это была провокация, то затеявший ее прекрасно понимал, что здесь этот иностранного происхождения листок, да еще с приложенными к нему деньгами, по нынешним временам означал лишь одно. *«Расстрелять, как поганого пса!»* – вот что означали здесь эти вполне, быть может, невинные буквочки.

Не сразу достало сил прочесть это написанное красивым почерком письмо. Когда, однако, все-таки наконец прочел, вовсе перестал что-либо понимать.

Написано было вот что:

> Милостивый государь Юрий Андреевич.
>
> Предваряю сим письмом нашу встречу, дабы оградить Вас от необдуманных поступков.
>
> При этой встрече я должен буду сообщить Вам о той миссии, право на которую Вам даровало Ваше происхождение. Осуществляя ее, Вы примете участие в благородном деле, в коем участвовал и Ваш покойный отец Андрей Исидорович, мой соратник и друг, а также более далекие Ваши предки. Могу сказать с уверенностью, что без таких людей, как они, наш, увы, весьма несовершенный мир был бы еще непригляднее, нежели даже тот, который мы ежечасно принуждены лицезреть.
>
> Не зная, как Вы распорядитесь настоящим письмом, не могу раскрыть в нем все, что Вам должно узнать и о чем Вы непременно узнаете при нашей встрече. Покуда же позволю себе лишь упомянуть, что речь идет об одной древней, овеянной многовековыми традициями юридической процедуре, имя которой – Heimliche Gericht{Тайный Суд (*нем.*).}; – быть может, Вам при каких-либо обстоятельствах доводилось слышать это

словосочетание от покойного Андрея Исидоровича, и в таком случае Вы, быть может, с большим доверием отнесетесь и к настоящему письму, и ко всему, о чем Вам предстоит узнать.

К сожалению, полностью открыться перед Вами Андрей Исидорович, согласно принесенной им клятве, имел право лишь на смертном одре, а погиб он (я это знаю), когда Вы были еще в слишком юных летах, чтобы все это постичь, причем погиб при страшных обстоятельствах, кои мне также ведомы. В тот трагический миг Вы единственный очутились рядом с ним, и что́, если он все же успел произнести некоторые слова…

Вчитайтесь в эти пять слов: «палка», «камень», «веревка», «трава», «страдание». Если они что-то Вам напомнят, то пусть же они послужат для Вас моей верительной грамотой.

Что касается нашей встречи, то (уж простите за эту небольшую предосторожность) позвольте мне самому в нужный час Вас отыскать.

С уважением к Вам и с глубочайшим почтением к памяти Вашего трагически ушедшего из жизни батюшки,

Г.Т.Д.

P.S. Прилагаю к этому письму некоторую сумму денег. Они принадлежат Вам по праву, ибо примерно такую сумму в пересчете на тогдашние деньги я некогда должен был передать Андрею Исидоровичу, однако ввиду целого ряда обстоятельств не сумел тогда этого сделать. Соблаговолите принять и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Нет, на заурядную провокацию было не похоже. Как-то не представлялось ему, чтобы *то ведомство* вот так вот запросто разбрасывалось деньгами ради такой человеческой мелочи, какой он, Васильцев, наверняка был в глазах тамошних вершителей судеб… Впрочем, если хотели использовать его как звено в какой-нибудь сложной многоходовой комбинации, то, пожалуй, на деньги могли и не поскупиться, поэтому вовсе не деньги убеждали его в том, что за всем этим стоит отнюдь не провокация, а нечто совсем, совсем иное.

Письмо мигом разбудило детскую память.

Однажды, когда ему было лет семь, он случайно услышал,

как отец, разговаривая с кем-то по телефону и не заметив, что маленький Юра вошел к нему в кабинет, произнес в трубку как раз это самое: «Heimliche Gericht». Лишь в этот миг он внезапно увидел сына, сразу же сказал своему собеседнику, что сейчас не может продолжать разговор, и положил трубку.

В последний год, после смерти матери, отец был с ним исключительно мягок и не отчитывал ни за какие провинности, но тут вдруг раздраженным голосом сделал ему строгое внушение за то, что он позволил себе войти без стука. Юра, пристыженный, в тот миг не решился спросить, что это за такой «Heimliche Gericht», но загадочные два слова прочно застряли в памяти, весь день они кружились в голове, как пляшущие гномы, и вечером он все-таки отважился подойти к отцу с вопросом: что они означают?

Вообще-то отец придерживался правила, что его сын может получать ответ на любой вопрос, но тут он перевел разговор совсем на другую тему.

– Обещаю, – сказал, – в должный час ты непременно все узнаешь, но тебе, увы, до поры до времени придется потерпеть. Сейчас же хочу спросить тебя вот о чем; уверен, что рано или поздно об этом должен задуматься каждый, если он желает быть человеком, а не просто двуногим без перьев. Как по-твоему, что лишает людей сил, всяческих надежд, что делает их жизнь совершенно бессмысленной?

Юра молчал, не находясь с ответом – видимо, тем самым *двуногим без перьев* он пока что и был.

– Хорошо, – прервал его молчание отец, – в таком случае скажу тебе свой ответ. В мире существуют чудовищные вещи – войны, голод, болезни, много всяческих других бед; однако нет ничего страшнее чувства кромешной и вечной несправедливости. Если в какой-то момент люди вдруг ощущают, что справедливость навсегда покинула наш мир, им просто незачем становится жить. И у тех немногих, кто тем не менее убежден в существовании справедливости, не может быть более благородной цели, чем вернуть ее, по крайней мере, вселить в сердца людей надежду, что она все-таки где-то есть.

Юра задумался. Два дня назад на уроке латыни Котька Каюков свистнул в классе за спиной у учителя, а тот решил, что это он, Юра, и его оставили без обеда. Было обидно, потому что несправедливо. Но чувствовал, что отец сейчас – о чем-то совсем, совсем другом.

– Вот когда ты научишься забывать о боли, о страхе, если сталкиваешься с несправедливостью, – продолжил отец, – когда перестанешь быть *двуногим без перьев*, тогда и наступит час,

чтобы ты обо всем узнал.

Об этом Heimliche Gericht – Тайном Суде – Юра его больше не спрашивал, терпеливо ждал, когда наступит тот самый «должный час», обещанный отцом, он знал, что отец всегда выполняет свои обещания.

Однако это было единственное обещание отца, которое тот не сумел исполнить, ибо в свои тридцать восемь лет он никак не мог ожидать, что в какой-то книге судеб уже предначертан и его собственный «должный час», и этот самый час настанет всего четыре года спустя…

Шел лютый девятнадцатый год. К зиме есть стало совсем нечего, и тогда отец решил расстаться со своими золотыми часами. Едва закрыв за ним дверь, Юра – ах, неужто же в самом деле что-то предчувствовал! – стал у окна, ожидая, когда отец выйдет из подъезда.

Однако прошла минута, другая, а он все не выходил. Вместо него из подъезда вышли двое в долгополых шинелях и быстро двинулись в сторону переулка. Но прежде чем они скрылись за углом, один из них подкинул на ладони что-то блеснувшее на солнце, и Юра вдруг понял: это же отцовские золотые часы! Боясь подумать о страшном, он стремглав выбежал на лестницу…

Отец сидел, прислонившись спиной к стене. Обеими руками он держался за голову, а из-под ладоней у него струилась кровь и стекала по лицу.

В первое мгновение даже закричать Юра не сумел, в груди не хватало воздуха, и поэтому смог расслышать, как отец тихо произносит что-то. Первых слов он не разобрал, а последние два слова остались в памяти навсегда. Одно слово было «трава», а другое – «страдание», и больше он, кажется, не произнес уже ничего.

Почему, почему отец, умирая, произнес именно их? В сознании был еще или произнес это в предсмертном бреду? Или слова эти ему, Юре, самому в бреду примерещились: в тот миг голова уже плавилась от жара – как вскоре обнаружилось, у него начинался тиф.

Его тогда забрала к себе тетка, и все дни, что он пролежал у нее, в голове кружились эти слова, уже почти утратившие смысл от их бесконечного повторения: «Heimliche Gericht», «Тайный Суд», «трава-страдание», загадочные, как те библейские «мене, текел, фарес», но только не было рядом Даниила, который помог бы разгадать скрывавшуюся за ними тайну.

И другие слова отца то и дело выплывали из памяти: забывать о боли, о страхе, если рядом несправедливость. Иначе ты – двуногое без перьев…

Впервые это странное состояние, когда не испытываешь ни страха, ни боли, если надо предотвратить творимую несправедливость, он ощутил спустя несколько месяцев. И оказалось, в эти минуты он был способен на нечто такое, во что потом и самому едва верилось.

Это случилось через год после гибели отца. У соседа, архитектора Валериана Николаевича Изольского, сохранилась библиотека, каким-то чудом избежавшая огня «буржуйки» в минувшие морозные зимы, Юра часто брал у него книги и в тот вечер зашел вернуть одну из них. Дверь, однако, открыл кто-то незнакомый, во всем кожаном, с наганом на боку, позади стояли еще трое с револьверами на изготовку, в доме густо пахло сапожной ваксой и бедой.

– Расслабься, не тот, – обернулся к остальным «кожаный».

– Я пойду… – проговорил Юра, но тот клещистой рукой ухватил его за плечо:

– Кудыть, очкарик? (После тифа у Юры стало резко падать зрение, с тех пор носил очки с толстыми линзами.) Посидишь тут. – «Кожаный» затолкнул его в кухню. – И чтоб тихо у меня, пискнешь – мозги вышибу.

На кухне уже сидела Катюша Изольская, его одноклассница, сейчас глаза у нее были какими-то не по годам взрослыми от беды.

– Они за Костей пришли, – прошептала она, когда «кожаный» закрыл дверь.

Юра знал, что ее брат Константин, бывший офицер, теперь скрывается где-то в Москве, но иногда тайком заходит к ним по вечерам.

– Он с минуты на минуту должен прийти, – добавила Катюша. – Как узнали? Кто-то, наверно, донес… – Она подошла к открытому окну и вдруг тихо воскликнула: – Господи, да вот он идет!.. Они… Они его расстреляют!..

– Его надо предупредить, – Юра закусил губу.

– Но как?

Решение пришло мгновенно.

– А вот так… – С этими словами он взобрался на подоконник.

У них был высокий второй этаж, внизу – булыжная мостовая. Сзади слышалось:

– Юрочка, стой! Разобьешься!.. – но на раздумья уже не оставалось времени. Да и страха в тот миг почему-то не было совсем…

Приземлился он неудачно, что-то хрустнуло в лодыжке, но боли не почувствовал, просто одна нога стала тяжелой, какой-то

не своей, к тому же очки свалились с носа, стекла разлетелись осколками, а без очков он был совершенно слеп, и все-таки удалось пробежать полквартала и распознать Константина Изольского в движущемся пятне.

Страх охватил только после того, как выпалил: «Туда нельзя, там засада!» – и Константин поспешно скрылся в переулке. То был страх не за себя, а за Катюшу и ее отца: если те, с наганами, заметят его отсутствие, они все поймут, и тогда наверняка Изольским несдобровать…

Как с неживой ногой возвращался обратно, как взбирался затем по водосточной трубе – ничего не помнил, точно было не с ним. Помнил только, как потом Катюша спрашивала:

– Ты ногу ушиб? Больно, Юрочка?

Он отмахивался – пустяки, мол. Самое странное – действительно тогда не чувствовал боли! И героем себя не ощущал, просто осознавал, что на какой-то миг внезапно перестал быть двуногим без перьев. Хотя, разумеется, приятно было слышать, как Катюша приговаривала весь вечер: «Ты герой, Юрочка, ты самый настоящий герой!»

Куда она делась потом, Катенька Изольская? Куда-то исчезла, как почти всё и все из той жизни…

Лишь после того, как ночью «кожаный» со товарищи, раздосадованные, ушли, – вот когда только проснулась боль. Да какая! Ходить был уже не в силах. Позвали доктора Каюкова, тоже соседа, тот на дому у Изольских делал ему операцию и все удивлялся:

– Не пойму, как ты еще до ночи продержался-то! Ну потерпи, милый, еще чуток потерпи… Эх, времена! Обычного новокаина ни за какие деньги не сыщешь!

После этого осталась небольшая хромота на всю жизнь. А тогда, во время операции, Юра стискивал зубы от боли и, чтобы не кричать, вспоминал те последние слова отца: «трава», «страдание»…

И вот теперь он вдруг прочел их в письме этого загадочного *Г.Т.Д.* Откуда тот мог их знать? Хорошо, допустим, про какой-то Тайный Суд, если таковой в самом деле когда-то где-то существовал, он мог разузнать что-либо, но те последние слова отца… Да никто на свете, кроме него, Юрия, их тогда не слышал, и после никому он о них никогда не рассказывал. Поэтому никакие самые изощренные специалисты по провокациям никоим образом узнать о них не могли, кроме как разве что на каком-нибудь спиритическом сеансе!..

Он еще раз пробежал глазами письмо. «Трава» и «страдание»

стояли там последними в ряду из пяти слов, а перед ними…

Вот они! «Палка», «камень», «веревка»… Что, если эти три слова отец тоже тогда, перед самой смертью, произнес, но он, Юрий, в тот миг их просто-напросто недослышал? Теперь, однако, он был уверен, что именно это, причем в такой точно последовательности, отец тогда и проговорил: «Палка – камень – веревка – трава – страдание…»

Зачем-то он машинально перевел их на немецкий. Получилось: «Stock», «Stein», «Strick», «Gras», «Grein». Вдруг осенило: да ведь вот же что, конечно, обозначают эти пять букв на водяных знаках, эти S. S. S. G. G.! Но только вот что2 же, черт побери, могло прятаться за всем этим?!

По природной рассеянности не заметил, что камергерша Головчинская просочилась в комнату:

– Юрочка, что-то случилось?

– Тут какая-то ошибка, – растерянно сказал он. – Меня, вероятно, приняли за кого-то другого.

Убедительно врать так и не научился к своим тридцати трем годам, камергерская вдова сразу распознала его ложь. Теперь в глазах ее появился страх:

– За другого?.. Но этот криволицый человек, который принес пакет, сказал, что когда-то хорошо знал вашего отца. Юрий, если можете, скажите, что происходит? Ради бога, скажите мне, это очень опасно?

Он пробормотал:

– Не думаю… впрочем… впрочем, я разберусь… чепуха какая-то… может, чей-то дурацкий розыгрыш…

Вся эта нелепица испугала ее еще более:

– Розыгрыш?.. А деньги? Тоже для розыгрыша?

Чтобы не врать дальше, он торопливо произнес:

– Я все выясню, Мария Сигизмундовна, думаю, я очень скоро все выясню… Простите, мне надо бежать, я сегодня – в ночную смену (что было чистой правдой). Не волнуйтесь. До завтра… – И чтобы не плутаться еще в каких-то натужных объяснениях, метнулся на выход.

В спину ему неслось:

– А дверь запереть?! Ну нельзя же быть таким рассеянным!..

Но ему было не до того. Наверно, еще в тот миг, когда сбегал вниз по лестнице, пришла в голову эта мысль, потому утром, по окончании смены, она, эта мысль, казалась Васильцеву до удивления простой. И следующим утром, вышагивая по морозным улицам Москвы, он думал: отчего такая очевидная мысль в первый же миг не посетила его? Если, как написал загадочный Г.Т.Д., этот самый Тайный Суд действительно овеян столь

древними традициями, то не мог же он не оставить в истории никакой памяти о себе.

Всего-то надо было просто хорошенько поискать!

Глава 3
Встреча

– «Heimliche Gericht. Geheimsaches»[2], – по слогам прочла библиотекарша в бланке его заказа. И тут же озадачила вопросом: – А спецдопуск у вас есть?

Смотрела на него пристально, отчего Васильцев сразу смутился – не столько из-за отсутствия этого спецдопуска, сколько оттого, что, занятый другими мыслями, явился в библиотеку в спецовке, которую уже привык носить под ватником, да и очки эти, у которых одна дужка была сотворена из проволоки взамен сломавшейся, давно следовало бы заменить – похоже, начал уже забывать, что, кроме его кочегарки, существует еще какой-то мир.

– Что, разве нужен какой-то допуск? – несколько робея, спросил он. – Книга значится в общем каталоге.

– Значит, недоглядели, – сказала девушка. – Кто-то прошляпил – а мне отвечать? Слава богу, я немецкий в техникуме учила. Думаете, не поняла? «Тайный», «секретные». Если секретные – значит, спецдопуск нужен!

– Так секреты же столетней давности! – попытался объяснить он. – Посмотрите на год издания! Тысяча восемьсот…

– Мало ли! – отрезала библиотекарша. – Без допуска не выдам… Отойдите, не задерживайте очередь!

Васильцев уже хотел было попытать счастья у другого окошка выдачи, когда к нему приблизился какой-то лет шестидесяти гражданин – в хорошем костюме, с окладистой бородой. Еще в очереди Юрий обратил на него внимание – тот стоял позади и прислушивался к его разговору с бдительной девушкой. Тогда он принял этого гражданина за иностранца, и причиной тому был не столько его костюм, явно не москвошвеевской работы, не столько массивный золотой перстень-печатка на пальце, сколько нечто неуловимое, присутствовавшее в его глазах.

А точнее, как раз напротив: то, что в его глазах начисто отсутствовало. Страха, вот чего не было в его глазах! Того затаенного страха, по которому в нынешнее время без труда можно было отличить любого соотечественника. И когда, услышав, что некто не имеющий спецдопуска хочет получить книгу про что-то секретное, все стоявшие в очереди тотчас отвели глаза в сторону, сей гражданин (впрочем, Юрий сразу про себя окрестил его господином) один-единственный с любопытством наблюдал за этой сценкой. Умные глаза его смотрели немного

насмешливо.

Иностранцем он, однако, все-таки не был, ибо вдруг обратился к Васильцеву на самом что ни есть безукоризненном русском языке, какой с каждым годом все реже можно было услышать даже в Москве и какого не воспроизведет ни один иностранец, если не впитал его с молоком матери.

– Простите великодушно за вмешательство, молодой человек, – сказал он, – вы, насколько я понял, хотели ознакомиться с книгой профессора Ганса фон Герхе об этом самом Тайном Суде?

– Вы знаете ее? – спросил Юрий. Рядом с ним он в своей спецовке почувствовал себя особенно неловко.

– Да, некогда приходилось держать в руках, – ответил господин, или гражданин, или кто бы он там ни был. – Поверьте мне, пустейшая книженция! Домыслы и фантазии романтически настроенного немца о вещах, истинная суть которых для него – за семью печатями. Не более чем беллетристика, к тому же далеко не лучшего вкуса.

«Если не иностранец, то, чего доброго, какой-нибудь белоэмигрант…» – с тоской подумал Васильцев. Только вот этого, связи с белой эмиграцией, ему и недоставало!

На них уже посматривали со всех сторон, человек с печаткой на пальце привлекал всеобщее внимание. Пожалуй, всего разумнее было бы поскорее отойти в сторонку, однако желание узнать что-нибудь про этот суд оказалось сильнее страха, и Юрий все же отважился спросить:

– А вы могли бы порекомендовать что-нибудь лучшее по этой теме?

– Что-то конкретное?.. – тот чуть призадумался. – Ах, едва ли. Кое-какие упоминания об этом Тайном Суде разбросаны по сотням разных трудов, но там все настолько противоречиво, недостоверно. Конечно, если все это собрать воедино и подвергнуть научному анализу, то удалось бы вышелушить какие-то зернышки истины, но, право, далось бы сие ох как нелегко, да и те зернышки, боюсь, не больно-то отличались бы от плевел.

– Но вы, – сказал Васильцев, – как я понял, знаете обо всем этом несколько больше. Позвольте спросить – откуда же?

Тот улыбнулся:

– Не думаете же вы, молодой человек, что все, о чем мы хотим узнать, может быть обнаружено лишь на страницах книг. Нет, поверьте мне! Иногда истина бывает весьма скрытна, ее надо уметь искать.

– И где же? – спросил Юрий. – В рукописях?

– О, не только! Порой она растворена в самом воздухе, надо

уметь вслушиваться в него. А порой она бродит где-то совсем рядом, но мы не в силах ее распознать… Что же касается интересующего вас вопроса, то мне удалось некогда провести собственные изыскания – благо, у меня имелись для этого возможности. Без бахвальства могу вам сказать – едва ли на свете найдется очень уж много персон, превосходящих меня в знании этого предмета. И если вы действительно желаете кое-что об этом узнать, то мы с вами могли бы пройтись в какое-нибудь более подходящее для разговора место…

«Да, скорее всего бывший белогвардеец… – подумал Васильцев. – А может, просто подосланный провокатор… Ну да будь что будет!..» Все эти мысли пронеслись у него в голове, но вслух он проговорил:

– Что ж, буду рад.

«Что я делаю, боже правый, что я, дурак, делаю?!» – думал он, когда через несколько минут выходил вместе с незнакомцем из нового библиотечного здания и при этом спиной ощущал упершийся в них бдительный взгляд дежурного милиционера. Уж милиционер-то запомнит их наверняка! Трудно не запомнить такую пару – вальяжного господина в лаковых штиблетах, в шубе с бобровым воротником и его, Юрия, прихрамывавшего рядом в кирзовых сапогах и в старом ватнике.

– Предлагаю – в «Националь», вы не возражаете? – спросил его спутник.

Не дожидаясь ответа, он помахал рукой, и тут же к крыльцу подъехал роскошный черный автомобиль. Шофер с борцовской фигурой выскочил из кабины и распахнул перед Юрием дверцу.

– Прошу, – произнес господин.

«Вот и всё…» – садясь в машину, обреченно подумал Васильцев. Он уже от кого-то слышал, что именно так *у них* это обычно и делается: человека невзначай берутся куда-нибудь подвезти, и с этого момента он для окружающих навсегда исчезает. Да, видимо, так будет и с ним. Едва ли машина стояла наготове лишь для того, чтобы отвезти их в «Националь», до которого от библиотеки всего-то пять минут ходу.

– К «Националю», – бросил, однако, усаживаясь, господин, и машина тронулась.

Доро2гой он говорил о чем-то совершенно малозначительном – кажется, о погоде, об этой зиме затянувшейся, – Васильцев не слушал его, думал о своем: если, миновав «Националь», поедут прямо, в сторону Театральной площади, стало быть, везут на Лубянку, а если свернут на Тверскую – значит, в Бутырку.

О чем он, однако, вещает?.. Наконец Васильцев все же прислушался и поймал какой-то обрывок его монолога:

– …тоже наша беда, хотя далеко не самая страшная, – зимы эти бесконечные. Вот помню, год назад, когда я как раз в эту пору прогуливался по Унтер-ден-Линден в Берлине…

Почему он так откровенно в этом признавался? Какие дьявольские сети плел?..

Поймав на себе взгляд Юрия, видимо, весьма красноречивый, господин-гражданин улыбнулся:

– Да не пугайтесь вы, не пугайтесь, молодой человек! Могу вам паспорт показать, дабы удостоверились: я – гражданин Советского… Как бишь там у нашего новоявленного классика? «Читайте, завидуйте!..»

Он в самом деле протянул Васильцеву паспорт, которого тот, разумеется, брать в руки не стал, а лишь подумал: «Если он с нашим паспортом вот так вот запросто разъезжает по берлинам – то, стало быть, он…» Легко угадав его мысли, бородатый господин с улыбкой сказал:

– И снова же вы ошиблись, если поспешно отнесли меня к некоему всуе не называемому ведомству. Нет, я всего лишь… скажем так: свободный художник.

Ах, не верил, не верил Васильцев ни в каких таких *свободных художников* с советскими паспортами, еще недавно разгуливавших по берлинской Унтер-ден-Линден! Куда вот, все же угадать бы, двинется «роллс-ройс» этого *свободного* после «Националя» – прямо или налево?..

Но, к его удивлению, «роллс-ройс» через минуту действительно остановился точь-в-точь у входа в «Националь».

– Пойдемте, – пригласил бородач, выходя из машины. И приказал верзиле-шоферу: – Жди здесь.

Юрию ничего не оставалось, как последовать за ним.

Боже, как нелепо смотрелась его телогрейка, отраженная многочисленными зеркалами роскошного вестибюля! Однако, уважительно приняв шубу *«свободного художника»*, гардеробщик и эту телогреечку принял, хотя и несколько брезгливо, но безропотно. Метрдотель после некоторых очевидных душевных мук тоже предпочел все-таки Васильцева в его спецовке впустить. Уже через несколько минут странная пара сидела за столиком на двоих в зале на втором этаже, и бородач со знанием дела диктовал изогнувшемуся перед ним официанту:

– Стало быть, икорки стерляжьей, балычка волжского, два жюльенчика из трюфелей… А маслины у вас какие, все те же, прошлогодние, греческие?

– Никак нет! Испанские, с анчоусами!

– Ну-ну, давай тогда… И водочки немного для согрева.

– Слушаю-с!.. Желаете что-нибудь еще? – Официанту явно

стоило немалых усилий не смотреть на спецовку Васильцева.

– Там видно будет. Пока ступай, голубчик…

Все это – и запотевший графинчик, и снедь – появилось на столе спустя не более чем минуту. Официант разлил водку по хрустальным рюмочкам.

– За нашу встречу! – подняв свою рюмку, провозгласил бородач.

Васильцев выпил. Голова сразу закружилась, поскольку почти сутки уже он ничего не ел. Теперь сквозь это кружение едва-едва слышался голос его визави.

– Так мы, собственно, собирались поговорить об интересующем вас предмете, – говорил тот, – об этом самом Heimliche Gericht, Тайном Суде. В этом вопросе, скажу вам, довольно много путаницы, но, в сущности, все не так уж сложно. Во всяком случае, думаю, ничуть не сложнее ваших… Как бишь их там? Кажется, *гильбертовых пространств*…

При его последних словах Юрий от неожиданности поперхнулся маслиной с анчоусом, а легкая пьяность мигом прошла. «Откуда, черт побери, откуда, откуда?!» – пронеслось у него в голове.

– Откуда вы?.. – пробормотал он. – Вы что же, знаете, кто я?.. Вы… вы за мной следили?.. – Вопрос был глупым, да и думал он уже о другом: значит, все-таки с самого начала он не ошибся. Только вот любопытно – прямо сейчас будут его брать или потом, на выходе? Еще неясно было вот что: зачем этот бородатый его в ресторан повел? Про такие их методы он прежде как-то ни от кого не слыхал. Отложив салфетку, спросил обреченно: – Мне… идти с вами?

Однако его собеседник воскликнул:

– О нет, что вы, нет! Вы что-то совсем не то себе вообразили! Никуда вам не надо идти! И не следил я вовсе за вами, в мыслях такого не имел! Правда, то, что смогу встретить вас именно в библиотеке, вполне предполагал, не стану скрывать. Предполагал же по той простой причине, что при подобных обстоятельствах я бы сам именно туда первым делом и направился. А поскольку все же я вас, Юрий Андреевич, в некотором роде знаю – правда, лишь заочно до нынешнего дня, – то уж позвольте и мне наконец-таки представиться. – Бородач почтительно наклонил голову: – Домбровский Георгий Теодорович, друг и коллега вашего покойного отца.

Георгий Теодорович Домбровский – вот как, выходит, разгадывалась подпись «Г.Т.Д.» под тем письмом! И, сообразив это, Васильцев задал самый глупый вопрос из всех, какие только можно задать:

– Так это вы?..

Глава 4
Камень – палка – веревка – трава – страдание

– Вы о том, не я ли автор письма? – отозвался этот самый Домбровский. – О, разумеется! А я-то, признаться, был уверен, что вы еще прежде догадались. Прошу тем не менее великодушно простить, что с самого начала это не сказал… Теперь же, если вы никуда не торопитесь, попытаюсь ответить на все ваши вопросы.

– Тогда, – проговорил Васильцев, – что все это значит, извольте объяснить.

Домбровский улыбнулся:

– Подобным вопросом, Юрий Андреевич, вы даже меня поставили в тупик. Не кажется ли вам, что его очертания слишком уж расплывчаты?

Васильцев и сам это понимал. Но то, что он хотел узнать, было также столь расплывчато, и он просто не знал, с какого боку к этому подойти.

– Хорошо… – кивнул он. – В таком случае… В таком случае извольте объяснить, что это за Тайный Суд… И какое отношение к нему имел мой отец… И кто вы такой, в конце-то концов!.. И что вам нужно от меня?.. И что, наконец, черт побери, означают эти слова: «палка», «камень», «веревка»?..

– Постойте, постойте, дорогой Юрий Андреевич! – не переставая улыбаться, перебил его Домбровский. – Вы просто засыпали меня вопросами, теперь я, право, и сам не знаю, с чего начать. Давайте-ка все же по порядку. Итак, вас интересует, что такое Тайный Суд? В таком случае, однако, мне сперва придется самому начать с вопроса. Скажите, вы верите, что в нашем жестоком мире все же существует истинная справедливость? Я имею в виду справедливость именно в *этом мире*; мир загробный покуда оставим в стороне.

Васильцеву вспомнился тот давний, из детства, разговор с отцом, о котором после много размышлял.

– Ну, если *в этом мире*, – сказал он, – то разве что – как некий недостижимый идеал. Нечто наподобие, коль угодно, истинной свободы или…

– Ах, прошу вас, не торопитесь! – остановил его собеседник. – То, что вы назвали недостижимым, все-таки достигалось в этом мире. Разве не истинно свободен был, скажем, Диоген, живший в своей бочке? Разве не свободен был римский император

Диоклетиан? Я разумею, конечно, лишь тот период его жизни, когда он, отрекшись от императорского венца, занялся выращиванием капусты, ибо свобода и власть – вещи несовместимые. Разве не свободен, наконец, какой-нибудь тибетский отшельник, отрекшийся от всех земных желаний и страстей? Как видите, примеры, хотя и немногочисленные, все-таки есть, иначе у людей не было бы потребности в самом этом понятии «свобода», и слово это никогда не возникло бы ни в каком языке. И ровно то же самое можно сказать и о справедливости, хотя…

– …хотя тут, боюсь, вам будет труднее с примерами, – вставил Васильцев.

– Но тем не менее они есть! – твердо сказал Домбровский. – И не так их мало, как вам это представляется! В истории всех веков, начиная с глубокой древности, мы можем их отыскать.

Васильцев скептически спросил:

– И вы их можете привести?

– Множество! Да вот хотя бы первое пришедшее в голову! Древняя Персия эпохи Ахменидов. Некий сатрап царя Камбиза слишком вольно предавал подвластное ему население мученической смерти путем сажания на кол. Порой казнил без всякой вины, просто ради собственного удовольствия. Это надо было ухитриться – прославиться своей жестокостью в те немилосердные времена! И вот однажды он обнаружил возле своего ложа табличку, надпись на которой гласила, что приговор ему уже вынесен и в последний день праздников Солнца он будет казнен тою же казнью, которой предавал многих…

Каким образом попала к нему эта табличка, выяснить так и не удалось. Впрочем, едва ли сатрап слишком убоялся – стража была многочисленна, а стены дворца крепки.

Однако в последний день праздников Солнца он по традиции принял участие в колесничных состязаниях, и вдруг его кони, прекрасные объезженные кони, обезумели и понесли. Колесница перевернулась, и сатрап вывалился из нее в глубокий овраг. Там, в овраге, его вскорости и нашли. Он был нанизан на заостренный ствол дерева, и когда слуги подбежали к нему, из его уст вырвалось только одно слово: «Сбылось…»

Понятно, окружающие сочли это за кару богов. Ну а вы, Юрий Андреевич, как вы это назовете?

– Не знаю… – пожал плечами Васильцев. – Должно быть, в самом деле, Провидение.

– Да полноте, полноте, Юрий Андреевич! Провидение, совпадение!.. Черт возьми, вы же математик – так потрудитесь, наконец, дать работу разуму! Провидение, как вы понимаете,

бесплотно! Но кто-то же заострил этот кол, кто-то хитроумным способом вспугнул коней в нужном месте, а было потом обнаружено, что в глаз одного из коней вонзилась крохотная стрела, умело кем-то пущенная из духовой трубочки, – кто-то же, согласитесь, пустил ее! Кто-то, наконец, в нужном месте подложил камень под колеса, чтобы колесница опрокинулась именно там! И уж эти «кто-то», можно не сомневаться, были вполне во плоти; они-то, надо полагать, и помогли свершиться воле Провидения! А поскольку это первый такой доподлинно известный случай, занесенный в анналы, то, пожалуй, именно с него мы можем начать отсчитывать историю сообщества, которое вас интересует.

– Вы хотите сказать… – проговорил Васильцев.

– Да, именно! – подхватил Домбровский. – Этого самого Тайного Суда! Сообщества людей, не желающих отдавать справедливость на откуп одному лишь его величеству Провидению, кое подчас, увы, оказывается весьма ленивым и необязательным.

Ну да о тех давних событиях, отделенных от нас тысячелетиями, я вам поведал, только дабы вы поняли, что подобные сообщества существовали и в очень древние времена. Как вы понимаете, их деятельность всегда была окутана глубокой тайной, так что об их традициях вряд ли можно сегодня знать что-либо достоверное. Но гораздо лучше известно о традициях, дошедших до нас века примерно с шестнадцатого. – Тут же поправился: – Сказав «известно», я, конечно, должен был добавить: *кое-кому*, разумеется.

– «Кое-кому» – это, надо понимать, вам? – спросил у него Васильцев.

– Вы совершенно правильно понимаете. Впрочем, не одному лишь мне, а всем тем (весьма, разумеется, немногим), кто носит передаваемое по наследству высокое звание *посвященного*, и ваш покорный слуга, – он поклонился, – как вы, надеюсь, уже успели догадаться, входит в их число. Добавлю: мне известно, быть может, поболе, чем всем остальным посвященным, ныне проживающим в этой стране, ибо я вот уже почти двадцать лет являюсь верховным судьей Российской коллегии этого самого Тайного Суда, с того дня, как сменил на названном посту вашего батюшку после его трагической гибели.

С некоторого момента разговора Васильцев ощущал раздвоенность – так и не знал, верит он или нет в то, о чем вещает странный господин. И лишь сейчас, услышав самое неправдоподобное из всего – об участии отца в каком-то тайном сообществе, – как это ни странно, вдруг понял, что верит, верит,

черт побери, во все! Однако новость была столь ошарашивающая, что он, машинально выпив рюмку водки, только лишь и сумел пробормотать:

– Так значит, отец был?..

– Да, да, именно так! – закивал Домбровский. – Ибо до меня на протяжении пятнадцати лет не кто иной, как Андрей Исидорович, ваш покойный батюшка, осуществлял эту миссию… Но к тому мы еще вернемся; покуда же, если позволите, продолжу свой экскурс в историю.

Итак… В шестнадцатом веке жил в своем родовом замке в Саксонском герцогстве некий барон. И вот вдруг в окрестностях этого замка появился, как все поначалу полагали, вервольф – оборотень: недели не проходило, чтобы в овраге не обнаруживали истерзанные останки какой-нибудь девочки или женщины, жительницы одной из близлежащих деревень. Охота на страшного оборотня, то и дело предпринимаемая местными крестьянами, всегда оказывалась безрезультатной.

Однако со временем обнаружили странную закономерность: когда барон отъезжал из своего замка на месяц-другой, злодеяния оборотня в точности на это самое время прекращались. Тогда пристальнее стали приглядываться к замку и его окрестностям, выходить в ночные дозоры, и наконец один мальчишка увидел, как вечером слуги барона схватили на дороге девочку, засунули ее в мешок и стремглав ускакали в сторону замка. А наутро эту самую девочку… точнее, то, что от нее осталось… нашли в овраге. Так открылась ужасная правда о потаенной жизни барона.

Если бы речь шла о каком-нибудь простолюдине или даже о не слишком знатном дворянине, его бы как вервольфа, по законам тех времен, недолго думая спалили без исповеди и причастия на медленном огне. Но тут иное. Сей барон был сказочно богат, по знатности не уступал многим принцам, к тому же в недавних войнах поддерживал саксонского курфюрста, и тот к нему благоволил. Напасть на замок? Но их бы разметали как пыль. И вне замка барон тоже был неуязвим – он разъезжал по округе не иначе как в сопровождении дюжины конных латников; чтó против них пускай даже сотня деревенщин со своими косами и вилами?

В отчаянии местный пастор написал письмо герцогу о злодеяниях барона – и что же? Спустя короткое время пастора приволокли в замок, нещадно высекли на дворе, а то самое письмо под смех дворни понудили проглотить вместе со всеми сургучными печатями. После пережитого бедняга в тот же вечер и отошел к праотцам. Все в округе пребывали в отчаянии: нет в мире ни правды, ни закона.

Однако…

Однако через несколько недель наш барон вдруг получает странное послание, в котором говорится, что некий Тайный Суд вызывает его на свое заседание в связи с совершенными им преступлениями, и назначено место где-то на опушке леса, куда он должен явиться.

Барон со своими латниками прискакал в деревню, от души хохотал, когда рвал перед селянами эту бумагу, нескольких для острастки на всякий случай здесь же выпороли, с тем и ускакали.

Но проходит неделя – и барон обнаруживает в своей спальне новое письмо. Как пронесли, кто мог туда проникнуть?! Допрашивали всех слуг, но так ни до чего и не сумели доискаться. Это распечатанное письмо там же, в спальне, потом и было обнаружено. В нем сообщалось, что, поскольку барон не соблаговолил явиться на заседание, то оное заседание Тайный Суд провел в его отсутствие, во всех злодеяниях барон признан виновным, приговорен к смерти, приговор будет исполнен в ближайшее время, вид же смерти барон, коли пожелает, вправе выбрать для себя сам из пяти перечисленных. А далее стояли эти самые слова…

– Палка, камень… – произнес Васильцев.

– Именно! Палка, камень, веревка, трава, страдание! Если же, сообщалось далее, господин барон откажется от предоставленного ему выбора, то вид исполнения приговора будет назначен по усмотрению самого Суда.

И снова барон хохотал (замечу, кстати, в последний раз хохотал в своей жизни), рассказывая челяди об этом приговоре, однако, говорят, хохот его был уже далеко не столь весел. А вовсе он помрачнел, когда на следующий день обнаружил в своих покоях слово, начертанное углем на стене. Это слово было «палка».

Барон отдал приказ усилить караулы. Теперь стража бодрствовала возле его покоев денно и нощно… Длилось это, правда, недолго, ибо на третий день барон неведомым образом из своих запертых покоев исчез.

Нашли его на другой день на лесной поляне, неподалеку от замка. Он лежал распростертый, и из груди у него торчала заостренная палка, которой он был пригвожден к земле.

Ну, что вы на это скажете, милейший Юрий Андреевич?

– Выходит, крестьяне все же каким-то образом добрались до него… – проговорил Васильцев. – Как им, однако, удавалось пробираться в замок?

– Вопрос о том, *как* все это было проделано, давайте-ка мы с вами до поры отложим, – сказал Домбровский. – Покамест я

предлагаю вам лишь обозреть, *что* происходило. И ради бога, оставьте вы в покое крестьян! Чтобы несчастные, забитые смерды проделали столь замысловатую комбинацию!.. Будьте же вы, наконец, реалистом.

После всего услышанного пожелание быть реалистом показалось Юрию достаточно нелепым, однако он промолчал.

Домбровский продолжил:

– Во всяком случае, люди, жившие в ту пору, были большими реалистами, нежели вы. Весть о том, что произошло с саксонским бароном, разнеслась довольно быстро, и когда вскоре после этого некий лотарингский виконт, повинный в таких же, что и тот барон, злодеяниях, получил послание Тайного Суда, он, полагаю, вовсе не расположен был смеяться. На заседание Суда он, понятно, не явился, замок свой повелел охранять, как осажденную крепость, но, обнаружив на стене приговор, в котором значилось одно слово: «камень», и сообразив, что никакая стража и никакие стены не могут стать надежной защитой, принялся искать спасения у Господа. По дюжине раз на дню он входил в часовню, расположенную внутри замка, запирал за собой железную дверь, за которой была выставлена многочисленная стража, и там, в часовне, предавался молитвам, вымаливая прощение у Всевышнего.

Там его и нашли после того, как однажды он слишком долго оттуда не выходил. Он лежал на полу, и голова его была размозжена тяжеленным камнем. Ну? Тоже спишите на местных крестьян?

– Нет… – произнес Юрий. – Не могло в разных местах все быть столь одинаково…

Домбровский удовлетворенно кивнул:

– Наконец-таки, вы, Юрий Андреевич, кажется, начинаете прозревать!

– Но все-таки… – вымолвил Васильцев, – как это возможно? В запертой часовне, при многочисленной охране…

– Эх, снова вы о деталях! А мне они, признаться, не столь интересны. Никогда, право, не вдавался в такие подробности. В данном-то случае, положим, все весьма просто: должно быть, камень особым образом загодя закрепили под крышей часовни с таким расчетом, чтобы он рухнул на голову тому, кто станет на колени перед алтарем. Известная ловушка, придуманная в древние времена. Поверьте, по поручению Суда действовали… да и действуют люди, порой много, много более изобретательные.

Юрий проговорил:

– Стало быть… Стало быть, у вас есть свои… исполнители?.. И они…

– Да не плутайте вы, Юрий Андреевич, в словах, – перебил его Домбровский. – Исполнители – это не у нас, исполнители – это в НКВД… Стыдливы на слова – ну прямо как девицы на выданье! Все-то они подают в изящной словесной упаковочке, отчего мерзость, право, не перестает быть мерзостью, ибо что́ может быть мерзостнее, чем вынести и исполнить заведомо неправедный приговор? Они и сами, видно, сие понимают, отсюда и вся эта нынешняя шелуха словесная: «исполнители», «пролетарское возмездие»… Нет, по приговору Тайного Суда осуществляется именно что *казнь*, и осуществляют ее, разумеется, *палачи*! Кстати, одного из них, Викентия, вы нынче имели возможность видеть воочию, он и сейчас ожидает нас с вами в автомобиле.

Услышанное покоробило Васильцева. Лицо, вероятно, выдало его, потому что Домбровский сказал:

– Да не волнуйтесь вы так, Юрий Андреевич!

– Да и о чем же, право, тут можно беспокоиться? – отозвался Васильцев. – *Вас ожидает палач*! Приятнейшая перспектива!

Домбровский строго произнес:

– Не надо иронизировать, молодой человек. Викентий принадлежит к весьма уважаемой династии, ибо должность эта передается по наследству, так же, как некогда у вошедших в историю знаменитых французских палачей Самсонов. Поверьте, батюшка ваш покойный относился к Викентию и ко всем его предшественникам с истинным почтением.

– Вы хотите сказать, – нахмурился Юрий, – что отец…

– …мог пожимать руку палачам? – закончил за него Домбровский. – Ну разумеется. Викентий и его предки всегда были далеко не последними лицами в Тайном Суде. Я имею в виду не только исполнение приговоров, но и всю подготовительную работу, кою осуществляет его группа. Надо же собирать доказательства вины подсудимого, надо разыскивать осужденного, если тот пытался скрыться.

Добавлю, кстати, что ни одна такая попытка не увенчалась успехом ни для одного из приговоренных. Так, в семнадцатом веке один французский маркиз, получив извещение о том, что суд над ним состоялся и приговор уже вынесен, спрятался в самом Лувре (он был каким-то родственником королевы) и ни на миг не покидал дворец. Там, во дворце, его стража и нашла. В дворцовом нужнике, если быть совсем уж точным, где он был повешен на потолочной балке.

– «Веревка»… – машинально произнес Юрий.

– Именно так!.. Или – веком позже – история с польским магнатом. Этот бросал своих податных в каменный мешок на

голодную смерть, если они вовремя не расплачивались по оброку, а узнав о приговоре Суда, втайне, под чужим именем, удрал аж в Вест-Индию. Где два года спустя и нашел свой конец. Его потом обнаружили в заваленной камнями пещере, и подле него лежало два мешка с высохшей травой. Третий мешок был пуст: мучительно страдая от голода, он съел мешок травы, пока не умер той же смертью, которой не раз предавал других.

– «Трава», «страдание»…

– Да, да! – подхватил Домбровский. – Вот и ответ на один из ваших вопросов. «Палка», «камень», «веревка», «трава», «страдание» – все это из давней истории нашего сообщества. Но мы сейчас о другом – о роли в этой истории предшественников Викентия. Суд лишь выносит приговоры, но без таких людей, как Викентий, приговоры Тайного Суда превратились бы в пустое сотрясение воздуха… – Домбровский вдруг спохватился: – Господи, да совсем же забыл! Держите… Тоже, кстати, не обошлось без помощи Викентия. – С этими словами он протянул Юрию паспортную книжицу.

Васильцев открыл ее. Это был его, Юрия, паспорт. Никакой радости он, однако, не почувствовал. Даже если они каким-то путем добыли его паспорт, ровным счетом ни от чего нынче в СССР наличие этой книжицы не спасало.

– По вашему лицу могу догадаться, о чем вы сейчас подумали, – вздохнул Домбровский. – Не извольте беспокоиться, ваш паспорт Викентию отдали в *том самом ведомстве*. Кроме того, мы предприняли кое-какие дополнительные меры, так что с этой стороны вам нечего отныне опасаться.

– Но как вам… как Викентию это удалось? – недоуменно спросил Васильцев.

– Ах, это все детали, – отмахнулся Домбровский как от чего-то совершенно пустякового.

– Но все-таки? Вы что же, с ними… сотрудничаете?

– Ну, сотрудничество – тут едва ли верное слово. Просто и в *том ведомстве*, и во многих других служат некоторые наши *поднадзорные*… Простите, о них я вам еще не рассказывал. Дело в том, что смертные приговоры Тайным Судом выносятся далеко не всегда. Тюрем, видите ли, в нашем распоряжении нет, поэтому, если имеются какие-то смягчающие обстоятельства, преступник попадает в число так называемых *поднадзорных* и с этих пор находится под нашим бдительным наблюдением. Он знает, что, повтори он свои деяния – и пощады ему уже не будет. Надзор осуществляет тот же Викентий, и его поднадзорные хотя и знают, что в случае чего это им ничуть не поможет, тужатся оказывать ему всяческие услуги, ибо подобострастие перед силой – в

природе всякого негодяя. Не стану скрывать, Суд этим зачастую пользуется в своих целях: иногда это самый простой способ получить некоторую необходимую информацию или, скажем, деньги легализовать, а у нас их, поверьте, немало – еще в начале позапрошлого века один наш соратник, сказочно богатый английский лорд, оставил Тайному Суду все свое состояние. Или когда мне, например, надо по делам Суда съездить за границу, что для обычного здешнего… (он слегка усмехнулся) *свободного художника*, как вы понимаете, почти нереально. Ну а на ваш паспорт и вообще на перемену вашей участи Викентий, я уверен, потратил совсем не много времени, дело-то, в сущности, простое. Так что вдыхайте полной грудью воздух свободы, мой друг!

Свободы, однако, Юрий не ощущал, ибо за эту свободу, судя по всему, предстояло как-то расплачиваться.

– Что я должен сделать в обмен на вашу любезность? – несколько сухо спросил он.

Домбровский взглянул на него с укоризной.

– Ах, Юрий Андреевич! – вздохнул он. – Да неужто вы решили, что я с вами какой-то торг затеваю? Вот уж от вас, ей-богу, не ожидал! Если я и сделал для вас какую-то малость, то исключительно в память о своем друге, вашем покойном батюшке, которому очень многим обязан.

– И что же, – спросил Васильцев, – я сейчас могу просто встать и уйти?

– Ну разумеется. Вы вольны делать все, что пожелаете… Однако, мне кажется, вам было бы небезынтересно выслушать кое-что еще…

– Слушаю вас, – по-прежнему сухо сказал Васильцев.

– Дело вот в чем. Все должности в нашем Суде, так же, как у Викентия, наследуемые, они передаются от отца к старшему сыну, поэтому судьей может стать только сын судьи, так было когда-то постановлено нашими отцами-основателями. А приговор может вынести только коллегия в составе трех судей и только при их единогласном решении. Но беда в том, что третий судья здешней, Российской коллегии несколько недель назад почил, и работа Суда полностью застопорилась. На сегодня единственный, кто может его заменить, это вы.

– Я?.. – только и смог выдавить Юрий. Все услышанное напоминало какую-то страшную сказку в духе братьев Гримм.

Однако предложение было явно сделано всерьез, ибо Домбровский поспешил вставить:

– Только, ради бога, с ходу не отказывайтесь! Прежде я вам кое-что покажу. Узнаёте? – С этими словами он извлек из внутреннего кармана и положил на стол…

Боже! Юрию одного взгляда было достаточно, чтобы узнать отцовские золотые часы! Да, вот и вензель отцовский на крышке! Они!

– Вижу, узнали, – подытожил Домбровский. – Держите, они по праву ваши.

Юрий едва смог проговорить:

– Откуда у вас?..

– Всплыли по ходу дела, которое сейчас находится в стадии расследования.

– Дело об убийстве отца?

– Нет-нет, то произошло в Гражданскую войну, а тогда убийства и мародерство были столь обыденными явлениями, что если всех судить за тогдашние дела, то под Суд попадут миллионы. Да и мы в ту пору бездействовали, ибо было ощущение, что настал совсем другой, Страшный суд из Апокалипсиса. А часы эти (Викентий изъял их совсем недавно) понадобились нам лишь для того, чтобы проследить жизненный путь преступника. Но судить его будем совсем за иные преступления, совершенные в более близкие времена, ибо тот, кто однажды стал на путь преступления, крайне редко останавливается.

– Их там было двое, – с большим трудом произнес Васильцев.

– Знаю, знаю. Но об одном из них вы можете уже не вспоминать – недавно он был осужден за все свои злодеяния.

– И что с ним?

– Несколько дней назад нашли висящим в Нескучном саду. Он висел там на дереве с табличкой на шее. «Люди, простите меня!» – было на ней выведено им собственноручно.

– А второй?

– Как я уже сказал, по нему пока ведется следствие. Он куда более осторожен и свои преступления прячет куда тщательнее. Тем не менее следствие продвигается, кое-что удалось установить… но все это нуждается в тщательнейшей проверке. Поймите, мы не имеем права ошибаться. Однако я не сомневаюсь, что со временем…

Васильцев с силой сжал часы в руке.

– Его казнят?.. – сделав над собой усилие, спросил он.

– Если так решит Суд… – Домбровский посмотрел на него испытующе. – А вы, Юрий Андреевич, лично вы смогли бы вынести ему смертный приговор?

– Я сам бы его… – Юрий стиснул зубы.

– Ну зачем же самому? На то существует Викентий, дело Суда – лишь вынести приговор. Но, ладно, предположим, вы бы его – *сами*. А другого такого же мерзавца, но только досель вам

неизвестного? Смогли бы?

После некоторой борьбы с собой Васильцев выдавил:

– Смотря по тому… Нет… Не знаю…

– То-то и оно… – вздохнул Домбровский. – Вами пока что движет не столько чувство справедливости, сколько первобытная жажда мести, а это для нашего дела весьма скверно. Тайный Суд не вправе руководствоваться ни жаждой мести, ни какой-либо корыстной выгодой. Он беспристрастен – и лишь поэтому справедлив. Вас, видимо, интересует, когда настигнет кара этого негодяя. Я вам отвечу: не раньше, чем Суд обретет третьего заседателя, это во-первых, а во-вторых, когда этот заседатель будет готов, отрешившись от всего личного, вынести беспристрастное решение, вот когда! А вам для того, чтобы к этому быть готовым, надо пройти немалую школу.

– Какого рода?

– Если вы примете мое предложение, то сперва надо будет поучаствовать в делах, кои не столь касаются вас лично.

– Например?

– Например – вот в этом. – Домбровский положил на стол какую-то фотографию.

Васильцев взглянул на нее и отшатнулся. На фотографии была изображена светловолосая девочка, лежавшая с неестественно вывернутой головкой в луже крови.

– Кто это ее? – с ужасом выдохнул он.

– Прежде, чем убить, над ней еще и надругались, – свел брови Домбровский. – А сотворил все это некто проходящий по милицейским сводкам как «лунный оборотень», потому что свои злодейства он совершает исключительно в полнолуние. Но изловить его наша доблестная милиция никак не может, ибо ищет совершенно не там. Лишь Викентию совсем недавно удалось выйти на его след.

– И – кто же он?

– О, большая шишка! Гражданин Куздюмов Павел Никодимович. Служит в важном главке на ответственной должности, член ВКП(б), ясное дело. И с социальным происхождением у него все в полном порядке. И в свободное время постукивает на своих соседей и коллег. В общем, по нынешним нашим временам фигура, заслуживающая всяческого уважения и доверия, кто ж такого заподозрит в чем плохом? Но это именно он, не извольте сомневаться. Дело за малым – вынести окончательный приговор и затем привести его в исполнение.

– Так что же – всего лишь из-за того, что у вас недостает одного заседателя?.. – Юрий не договорил.

– «Всего лишь»! – воскликнул Домбровский. – Именно это «всего лишь» и отличает подлинный суд от самосуда! Процедура должна оставаться незыблемой, иначе мы докатимся бог знает до чего! До той, собственно, мерзости, которую мы сейчас и наблюдаем вокруг!

– Но ведь есть же милиция, прокуратура, вы могли бы передать туда…

– Да что вы такое говорите! Над нами бы только посмеялись – ведь в стране победившего социализма, как известно, не существует никаких маньяков! И уж на высоких должностях таковые в СССР точно никоим образом служить не могут. Вот имей он связи с троцкистами или уклонистами какими-нибудь… Но с этим у нашего гражданина Куздюмова, будьте уверены, все чисто, ни одного такого пятнышка на репутации, кристально чист!.. Ну так что же, вы готовы были бы вынести ему приговор?

– И потом…

– При соответствующем приговоре – казнь, – отчеканил Домбровский.

– Палка – камень – веревка…

– Именно так. И учтите, ближайшее полнолуние совсем скоро. Держать этого мерзавца под постоянным наблюдением мы не в силах – у нас не так много людей, и вообще это не наша функция. А если его до полнолуния не пресечь, то он снова сотворит что-нибудь. Итак, вы готовы, Юрий Андреевич?

Юрий медлил с ответом. Фотографию Домбровский уже убрал, но перед глазами все еще была эта девочка, в луже крови, с вывернутой шеей…

С другой стороны… Он вдруг представил себе вживе: мерзавца волокут, распластывают на земле, и Викентий вбивает ему деревянный кол в грудь… Или мозжит камнем голову… Или тело дергается на веревке в последних судорогах… Видение вызывало тошноту.

И решит все его, Юрия, слово. Не кого-то неведомого, а именно его!.. Господи, да вправе ли он, вправе ли?! Кто он такой? Не Господь же Бог, чтобы взвешивать чужие жизни на какой-то чаше весов!

– Я не знаю… – тихо произнес он. – Вам нужен кто-то другой… Я… я не знаю…

С этими словами он поспешно вышел из зала, ибо к горлу нестерпимо подступала предательская тошнота.

Глава 5
Сов. секретно

Комиссару 2-го ранга тов. Панасенкову

(Сов. секретно, в одном экз.)

…сообщаю, что, в соответствии с Вашим распоряжением, произведена тщательная проверка кочегара доцента Васильцева на предмет выявления его сущности…

Никакой такой проверки лейтенант госбезопасности Гробовых, понятно, не производил – не от лености даже, а просто по причине полной ненужности таковой проверки: нутро-то вражье и так насквозь видно, все они одним дегтем мазаны, эти доценты, даже если замаскировались под кочегаров. Так он с первого раза товарищу Панасенкову и написал: «настроен враждебно», «ведет разговоры», «проявляет недовольство», ну и все такое. Вполне достаточно, чтобы отправить куда следует – хоть на этот свет, но подалее, хоть на тот.

А товарищ Панасенков отчет его прочитал – да вдруг: «Ты чего мне, Гробовых, надумал? Плохо тебе, что доцент? Али плохо, что кочегар? Все, сукин сын, обосрать решил, да? И науку советскую, и пролетариат? Так тебе и дали! На-кась, понюхай-ка!» – и на понюх сунул под нос здоровенную дулю, пахнущую копченой колбасой, порохом и оружейной смазкой.

Он ему: «Так что же писать?» – «А ты правду пиши, Гробовых. Только думай, умом думай», – и при этих словах не то подмигнул, не то просто веко у него вздрогнуло.

Вот лейтенант и сидел, и думал, запах той комиссарской дули вспоминая. Небось этот доцент-кочегар – какой-нибудь панасенковский родственничек, оттого комиссар его и отмазывает. А чьими руками отмазывает? Его, Гробовых, руками! Случись что с Панасенковым (а случается всякое, тут и комиссарские ромбы не спасение) – с кого тогда спрос? То-то!..

Ну а пойти против всесильного ныне комиссара – еще более верная гибель. Тут умом, умом думать – это верно сказал комиссар.

Эх!..

…и в результате произведенной проверки ни в каких порочащих связях гр. Васильцев не замечен и проявил себя сугубо с положительной стороны.

Написано в одном экземпляре, для служебного пользования.

И до чего ж подписывать такую хренистику стрёмно! Ну да… Эх: *«Лейтенант госбезопасности Гробовых».*

Однако ж, продолжая думать умом, лейтенант Гробовых тут же достал другой лист бумаги и вывел на нем:

Первому заместителю народного комиссара внутренних дел СССР тов. Берия Л.П. (Сов. секретно, в одном экз.)

Лейтенант знал, в воздухе такое с некоторых пор витало, что товарищ Берия с момента появления здесь, на Лубянке, копит для себя папочку на остальных замов товарища Ежова, а то, может, и на самого Николай Иваныча. Сейчас, положим, папочка эта для товарища Панасенкова совершенно не страшна: покудова крепок товарищ Ежов – крепок и товарищ Панасенков. А вот ежели…

Вот тогда-то и выплывет бумага эта на свет. А кто сигнализировал? Он, Гробовых, сигнализировал!

Буквы ложились быстро и ровно, не то что при написании той, первой хренистики. Начало получилось как-то само, легко и бойко, а концовка – так и вовсе на ять:

…Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: выгораживая матерого врага, кочегара-доцента Васильцева Ю.А., комиссар Панасенков преследует интересы, далекие от интересов нашей социалистической Родины.

Ведь хорошо сказанул! А когда хорошо – тогда и подпись ложится красиво, без всякой натуги: *«Лейтенант госбезопасности Гробовых».*

И кто кому – дулю?

То-то же!

* * *

– У кого перехватил?

– У дежурного сержанта. Нес на третий этаж.

– Молодец, Авдеенко.

– Рад стараться!

– Ну иди. Свободен. Старайся дальше.

Оставшись один, комиссар Панасенков развернул бумажку эту, прочел, нахмурясь, и, дойдя до слов *«…преследует интересы, далекие от интересов нашей социалистической Родины»*, вслух прошипел:

– Засранец…

Все другие слова, куда поядренистей, придержал в себе, чтобы они своим кипением голову не распаляли: голова, как учили, холодной быть должна. И все-таки сука, ну и сука же этот … … … Гробовых! Сам ведь на груди пригрел змееныша, дал ему путевку в жизнь…

Ладно, что сейчас попусту!.. Да и выучка у этого Гробовых вполне верная. Выучил на свою голову суку! А сам, вишь, оплошал, поручив именно ему написать служебную записку про этого… как его… про кочегара-доцента. Хотя и оплошностью-то не назовешь, тут кому ни поручи… А поручить кому-то надо было, такой уж подстроила ему пируэт судьба-злодейка.

Не раз спрашивал себя: чего ж вот так вот лапки кверху перед этим Тайным Судом? И ни разу себя за то не корил, потому что нюхом почуял: там силища. Вон как один дохляк-очкарик во время допроса сказанул. Ему говорят: «Будешь разоружаться перед органами?» А он в ответ: «Конечно, разоружаюсь, потому что за вами вся армия, авиация и флот». Очень такой ответ Панасенкову тогда понравился, умный был ответ. Оттого до расстрела дожил человеком очкарик тот, а не отбитым куском мяса. Чего ж зазря мучить, когда сам все постиг человек?

Вспомнил комиссар это, когда сидел перед ихним Судом. И все про себя с ходу как на духу выложил. Не из страха даже, а потому, что сразу почувствовал силу, против которой лучше не переть. А приговорили бы тогда к вышаку – так и вышак принял бы без ропота. Потому что – *сила*.

Нет, без вышака обошлось. Тот, бородатый, сказал тогда: оставить под надзором. И вроде как он, Панасенков, был у них теперь как бы привязанный на веревочке и все время ощущал на своей шее чужой притужальник. И всегда робел перед силой, идущей от этого бородатого, – пожалуй, даже больше робел, чем перед самим народным комиссаром Николаем Ивановичем. Вот почему, когда бородатый Домбровский повелел, чтобы тому доценту-кочегару отныне был по жизни всегда зеленый семафор, он, Панасенков, даже не спросил, что за птица такая кочегар-доцент этот. Потому как против силы не попрешь. Велено – выполняй.

Ну а тля эта, Гробовых, свою сучью игру затеявший, силы

настоящей пока что не видал, игруля хренов. Оттого и надобно с ним – как с тлей.

Комиссар Панасенков открыл дверь кабинета и позвал:

– Авдеенко!

* * *

Из многотиражки

«На страже безопасности социалистической Родины»

…Чувствуя свой близкий и неизбежный конец, затравленный враг в агонии не останавливается ни перед чем. Пример тому – трагическая гибель лейтенанта государственной безопасности Савелия Гробовых…

…находясь на боевом посту… подло, сзади… пулей, выпущенной в затылок…

…Светлая память о нашем товарище…

– Ты вот что, Авдеенко… – сказал комиссар Панасенков, отложив газету, – ты, я слыхал, уже этих изловил гадов, которые гробанули нашего Гробовых?

– Так точно! Вчера взяли четверых, сегодня двое гадов уже раскололись.

– Молодец, шустёр.

– Рад стараться, товарищ комиссар!

– Стараешься. Вижу… Я тебя, Авдеенко, решил в старшие лейтенанты представить.

– Служу Советскому!..

– Ну-ну, не ори, люди свои… Хорошо будешь служить – глядишь, еще и меня в званиях перескочишь. – А про себя подумал: «Ежели только доживешь, голубец».

* * *

Майор государственной безопасности Чужак сидел дома за письменным столом и думал, думал мучительно…

Вообще-то посидеть за этим большущим столом в своем тоже большущем домашнем кабинете с видом на Кремль он обычно любил. Казалось бы, на хрена ему этот, как аэродром, столище и этот кабинетище в доме, слава богу, все, что надо, и на службе

имеется. Вон и Клавдия, было дело, наседала: «Куда те, Степан Акимович, этот ерадром?! Чай, не писатель, не прохвессор! Заместо него два шифоньера поставить можно бы, под Аглайкино добро». Потому что дура баба! От добра ихнего с Аглайкой и так уже четыре шифоньера ломятся. Ну, не хватит – новый поставят где-нибудь в трех других комнатах, места вполне достает. А что не писатель и не *прохвессор* – так где они нынче, эти писаки и профессора? Ежели еще не на Соловках, то ютятся по уплотненным коммунальным клетушкам, этих самых Соловков ожидаючи (ничего, ждать-то, поди, недолго).

А он где, Степан Чужак? Здесь, за этим «еродромом», сверху зеленым сукном обитым. Сидит себе, пепел с папироски в серебряную пепельницу стряхивает, на Кремль в окно поглядывает. Хорошо! А вы, профессора хреновы и писаки недошлепнутые, вы в этой жизни подвиньтесь! Вы сперва постреляйте вражин поганых, сколько он пострелял, чтоб не мешали людям социализм строить! Что, слабы в коленках? То-то!

Да, знатный кабинет! Не хуже, чем у иных буржуев при Николашке Кровавом. А чернильный прибор на зеленом сукне стола как раз от них, от буржуев, достался. Здоровущий, в полпуда весом, из черного камня, бронзой отделанный. Чернил в нем нет: на шиша? Зачем ценную вещь пачкать? Особо Чужаку конь, возвышавшийся на этом приборе, сразу же приглянулся – точь-в-точь его вороной Орлик. Когда б только не крылья… Придумают же буржуи! За каким лешим крылья-то коню? А без крыльев бы – ну Орлик, Орлик вчистую!

И сиживал он, бывало, часами в кабинете своем, смотрел то на Кремль, то на Орлика этого крылатого, смолил папироску за папироской и думал о приятном.

Однако нынче ни о чем приятном никак не думалось – довольно хреново было на душе.

Нарком Николай Иванович приказал по убийству Буциса и Ведренки землю рыть, вот Чужак и рыл, уже пятый день рыл кряду. На месте убийств ни шиша путного нарыть не удалось, тогда он решил в ихних жизнях покопаться – вдруг да и нароет там чего.

И нарыл. И такого нарыл! Уж и не землю, казалось, рыл, а самое что ни есть дерьмо из-под холерного барака!

Что Ведренко по дамской линии больно шустер – это бы шут с ним, все не без греха. Но зачем же апосля с дамочками-то этими – вот так вот? Если какая не ублажила – так ты ее отправь Беломорканал рыть, и концы в воду, как делают все, кто с головой. А тут… У одной брюхо вспорото, другую, судя по всему, долго ножом кромсали, третью огнем подпаливали в различных

местах. А там еще и четвертая, и пятая, и десятая. Что, ежели с этой стороны ему кто и сделал кирдык?

У Нюмки Буциса – того хуже. Баб ему мало! На мальчуганов перекинулся, забирал из приютов, а потом их вылавливали в Москве-реке. Вот и допрыгался Нюмка, дурень. И поделом ему, говнюку!

Все бы ничего, но как товарищу наркому обо всех этих мерзостях доложить? Да и надо ли докладывать, расстраивать Николай Иваныча? Тут не только даже то, что этакое пятно на весь беззаветный наркомат, а еще и то (он где-то в воздухе нечаянно услыхал), что у самого товарища наркома по этой части – как и у поганца Нюмки Буциса…

Но этой мысли Чужак и додумывать не стал: колко…

В общем, расстроиться может товарищ нарком. А от расстройства и осерчать. А на кого осерчать? На него, на Чужака! На этих-то жмуриков что серчать – им уже от того не горячо, не холодно. Нет, насколько б лучше все же, чтоб эти двое – в результате заговора какого-нибудь право-лево… троцкистско-зиновьевского… хрен знает какого! Вот бы и жмуриков к этому крылу как-то пришпилить – тут бы, пожалуй, товарищ нарком расстроился куда как менее. Эх, кабы!..

А может, глядишь, и взаправду? Сегодня при обыске Нюмкиной дачи на Пахре обнаружил в камине клочок бумаги обгоревший, и на клочке том вот такая вот хрень: «…при расследовании Ваших преступлений… явиться на заседание Тайного Суда…» – да еще буквы какие-то иностранные, а все остальное выгорело. Какой такой, к бесу, Тайный Суд?! Суд у нас (если «троек» не считаючи) открытый, рабоче-крестьянский, ни от кого не таящийся. Только какие-нибудь троцкисты-хренисты до такого, до *тайного*, додуматься могли. Да и буквы эти подлые, не из нашенского букваря… Тогда, увидев буквочки те, он, Чужак, едва не взмолился деду бородатому, что, как попы говорят, *еси на небеси*: Господи, ну дай пристегнуть этих двух засранцев к какому-нибудь троцкистско-зиновьевскому, поразветвленнее!

О находке своей, об этом «Тайном Суде» и о буквочках этих, тут же поспешил доложить товарищу Панасенкову, наркомовскому заму. Ожидал, что тот похвалит за бдительность и рвение – ан все наоборот. Вдруг не на шутку взъярился товарищ Панасенков ни с того ни с сего:

– Ты что, Чужак! – прошипел. – Какой еще «тайный» у нас в СССР?! Чтобы про бумажку эту – никому. Рот про это еще раззявишь – размажу, понял?

Как тут не понять?

– Так точно, товарищ комиссар второго ранга!

«Но почему, почему?.. – думал про себя. – Ну чем ему лево-право-троцкистско-зиновьевский не хорош?» Но лишнего спрашивать не стал – уж товарищ-то Панасенков размажет, за ним не станется.

А тот вдруг:

– Да, кстати, еще, Чужак. У тебя там такой Васильцев по какому-нибудь делу проходит?

Вот те на! Чтобы сам Панасенков заинтересовался каким-то истопником!

– Так точно, проходит.

Ах, слишком поспешно ответил, пожалуй что. Тоже не по чину ему, майору Чужаку, держать в голове всяких там кочегаров-говнопаров. Не царское дело!

А почему держал: когда шерстил университет, ему вдруг один шептун донес, что Васильцев этот очкастый – сынок буржуя-адвокатишки.

Ну а сам-то адвокатишка где?

А самого прикокнули еще в девятнадцатом годе, сказывают, за часики золотые.

Вона как, выходит, переплелось! А что, ежели этот Васильцев тогда, пацаном, видел, как они с Нюмкой Буцисом из ихней буржуйской парадной выходили? Вероятственность, конечно, малая, что признает его, но все надо делать *заподлицо*, так уж он, Чужак, привык, оттого и жив доселе.

Васильцева этого хромого, очкастого с университета и без Чужака *вычистили*, теперь в кочегарке вкалывал, маскировался под пролетария, гад! Ничего, он, Чужак, и под пролетарской телогреечкой умеет видеть подлое вражье нутро. Покамест велел участковому паспорт у него изъять, пускай покуда похромает, гад, на коротком поводке, а там уж можно и обмыслить, к какому бы право-левому его пристегнуть. Даже, может (была и такая мысль), к делу об убийстве Буциса с Ведренкой. И тут нате вам:

– Ты, Чужак, этого Васильцева не тронь, понял?

Что тут скажешь?

– Так точно, понял, товарищ комиссар!

Спрашивается, Панасенкову-то эта тля Васильцев – с какого боку? *Жилка* после того разговора сразу напряглась, как тетива: что, если копает под него, под Чужака? Теперь, сидя в своем домашнем кабинете, майор взвешивал это. Ежели за всякие шалости девятнадцатого года под каждого начать копать, то, поди, половину *органов* зарыть можно, а кому такое надо? И часы эти у него мало кто видел, на службу он с ними не ходил – вовсе даже не из опаски, а потому что подходили эти буржуйские часы майору НКВД – что попу буденновка. А все равно вышло *не*

заподлицо. Ну что было их тогда же, в девятнадцатом, не спарить к чертям? Да вот, вишь, пожалел сглупу – красивые уж больно часики.

Эту дурь сейчас исправить бы надо – так *жилка* ему подсказывала. Он достал ключик, который всегда носил при себе, в том же, что партбилет, карманце, и отпер заветный верхний ящик стола…

Ан нет часиков! Все на месте, и перстенек, что от той графини, и портсигар золотой камергерский, и бусики из крупных жемчугов, что Аглайке подарить намеревался, и еще колечки, броши, браслетики всякие, одни еще с Гражданской, другие недавние. И камушки, которые надо отдать этим *спиногрызам* (не сдашь – точно уж кранты), – все вроде бы на месте. А часики, часики-то где?

– Клавдия! – заорал. – Клавка!

Вбежала в бигудях:

– Чё орешь как оглашенный? Чё надо? – Но, взглянув на него, заробела сразу: – Чё, Степан Акимыч? Ты чё?

– Ничё! – сказал он грозно. – Ты в стол мой лазила?

– Да не. Чё лазить, когда у тебя запёрто всегда… Чё случилось-то?

Чужак оставил вопрос без внимания. Спросил:

– Посторонние не приходили?

– Да вроде не…

– «Вроде»?! – рявкнул Чужак.

– Никого… Тока разве обойщик на той неделе приходил стены обмерить. Ты ж сам хотел, чтоб обои новые, чё разорался-то?

– А в кабинет мой не заходил?

– Ну заходил, в кабинете ж тоже поклеить надо, как же кабинет со старыми-то обоями, ты ж сам давеча…

Что-то еще, курица, кудахтала, но Чужак пресек:

– Один в кабинете оставался?

– Да не… Вроде не… У меня тока на кухне борщ закипал, так я на минутку… А чё, пропало что ценное?

Отвечать Чужак не стал, только сквозь зубы процедил:

– Дура.

* * *

Майору государственной

(Секретно)

…сообщить, что золотые часы, приметы которых были Вами указаны, никто из московских домушников ни одному скупщику краденого не сбывал. Информация получена от мармихера[3] Шныря.

«Ох, нехорошо это, нехорошо», – подумал майор. Стало быть, работали не воры. Когда б оказалось, что воры, расцеловал бы их, кажется. А если не воры, то кто тогда?.. Как-то сразу спина зачесалась – отчего-то в последнее время всегда она у него чесалась в предчувствии недоброго.

Началось с тех пор, как те навозные помойные сволочи присосались камушки у него изымать, – тогда и зачесалась впервые, оттого и назвал про себя тех нехристей *спиногрызами*. А камушки отдавал – жилка подсказывала: лучше-ка отдать. И чесалась всегда спина перед ихним приходом. И когда Нюмку Буциса так люто кончили и когда давеча обнаружил пропажу часов, тоже она чесалась, зараза.

…Также сообщаю, что от Туза, главаря уркаганов Москвы, я самолично слышал одобрительные слова по поводу убийства чекистов Буциса и Ведренки, а именно: «Фраерки-то швыдчей нашенских. Учись, урки, у фраеров, как мочить красноголовых», – так что ихние тут ни при чем, иначе Туз бы уж знал. И ни о какой такой шайке «Тайный Суд» никто из фартовых не слыхал – шайка, наверно, из залетных, может, из ростовских или саратовских.

А положенные мне за февраль месяц 200 руб. Смык мне не передал, должно, заныкал, как уже было в прошлом годе. Прошу разобраться, потому как расходы велики и прежние 200 уже целиком потраченные.

Паленый

Чесалась, ох как чесалась спина-спинушка!

Глава 6
Миссис Сазерленд

«Палка – камень – веревка – трава – страдание», – кружились в голове у Юрия слова, когда он, выйдя из «Националя» после встречи с Домбровским, шагал по морозным улицам. Холода он не ощущал. Вообще не ощущал ничего, кроме кружения этих слов, пустившихся в какой-то бесовский хоровод. Сколько времени он так бродил, куда направлялся, сам не ведал.

Уже начинало вечереть, когда он, словно очнувшись, обнаружил, что бредет по безлюдному переулку в какой-то неведомой части города, кажется в Марьиной роще, и тут вдруг почувствовал, что кто-то, стараясь идти бесшумно, следует за ним. Он резко обернулся и увидел девушку в дорогой каракулевой шубке, в изящных сапожках на высоких каблучках, державшуюся от него шагах в двадцати. Шубка эта и сапожки были слишком приметными по нынешним временам, лишь потому Юрий вспомнил, что уже видел нынче эту девушку – и на Манежной, и на Тверской, и еще где-то. Теперь у него не было сомнений – она явно следила за ним.

Когда он обернулся, девушка остановилась. Ее лицо показалось Васильцеву смутно знакомым, но где он ее прежде видел, при каких обстоятельствах, никак не удавалось вспомнить. Да, пожалуй, это уже и не имело значения.

– Васильцев? – неожиданно спросила она.

«Ну вот и все», – обреченно подумал он. Видимо, Домбровский и его палач были все же не столь всесильны. Не сомневался, что сейчас откуда-нибудь появятся другие, в форме, и теперь уже надолго, если не навсегда, изменят его маршрут…

Однако трое детин, появившихся из-за забора в следующий миг, выглядели совершенно иначе, нежели те, кого он предполагал увидеть, – все трое с небритыми физиономиями, в сапогах гармошкой, в шапках, лихо скошенных набекрень; один был горбат, на щеке имел внушительный шрам, у двух других поблескивали золотые фиксы. И двинулись они вовсе не к Юрию, а к этой девушке.

– Шубейка ничего себе, – проговорил горбатый, со шрамом. – Давай, кралечка, сымай-ка лучше сама.

– Сымай, тебе по-хорошему говорят, – прибавил один из фиксатых. – Подмочь?

– А мы ее щас маленько пощекотим, – осклабился фиксами другой. В руке у него сверкнула финка.

– Пошли отсюда, ублюдки, – отозвалась девушка неожиданно твердо. В ее голосе не было ни тени страха.

Горбатый хмыкнул:

– Храбрая!.. Ну-ка, Жиган…

Фиксатый этот Жиган сделал к ней шаг.

…Словно кто-то другой, умелый и необычайно ловкий, вдруг вселился в него, миг назад бывшего лишь *двуногим без перьев*. В один, казалось, прыжок Юрий очутился за спиной у бандита. Услышал голос девушки:

– Юрочка, не надо! Я сама!

Почему «Юрочка»?.. Думать было некогда – сомкнув руки замком, он изо всех сил нанес удар. Жиган устоял на ногах и, проскрипев:

– Фраер очкастый!.. – махнул ножом.

Боли Юрий не почувствовал, только в боку на миг сделалось горячо. Второй удар Васильцева пришелся фиксатому между глаз, и тот, отлетев, проломил головой дощатый забор.

Тут же чей-то нож сзади прошелся по плечу, лишь слегка царапнув кожу. Юрий резко развернулся, чтобы предупредить второй удар, но отбиваться было уже не от кого: второй фиксатый, скуля и держась руками за мошонку, корчился на снегу, а горбун вился волчком, пытаясь защититься от девушки, которая очень ловко нападала, то умело нанося ему удары руками, то, еще более умело, ногами. Было совершенно непонятно, как ей это удается в этих сапожках на каблучках.

Вмешаться Васильцев не успел. Миг спустя удар сапожком в челюсть достиг цели, горбатый подлетел кверху и обрушился в сугроб.

– Я сама виновата, – тихо сказала девушка Васильцеву. – В этой шубе – в такие места…

Показалось, что в красивом лице девушки было что-то детское. Или не было?.. Или было, но не сейчас, а выскользнуло откуда-то из давней памяти.

– А ты, Юрочка, ничуть не изменился, все такой же бесстрашный.

Неужели?!

– Катя… – проговорил он.

Да, конечно, это была она, та девочка, Катя Изольская, ради брата которой он когда-то не раздумывая сиганул в окно.

– Узнал, – улыбнулась Катя. – А все говорят, меня невозможно узнать.

Изменилась, конечно, до неузнаваемости, и сейчас хороша была несказанно – утонченное лицо, большие, выразительные глаза, то была какая-то особая, *умная* красота, совсем не такая,

как у красавиц актрис из нынешних кинофильмов. И все-таки, все-таки сохранилось что-то и от той девочки из детства.

Ответить он не успел, Катя, взглянув через его плечо, крикнула:

– А ну не шевелиться! – К окончательному его изумлению она выхватила из кармана маленький пистолет и передернула затвор. – Лежать, а то дыр понаделаю!

Он обернулся. Те трое уже поднялись, в руках у двоих были ножи.

– Не боись, это пугач у ней, – зло бросил горбун. – Мочи обоих.

Робея все-таки, они стали приближаться.

– Пугач?.. – Катя выстрелила им под ноги. Взметнулся фонтанчик снега, и те замерли на месте. – Ну, кто хочет из этой игрушки маслину в лоб?

Один из фиксатых тихо матюгнулся, и все трое мигом исчезли за поваленным заборчиком.

Когда остались вдвоем, Катя сказала:

– Слава богу, нашла тебя наконец!

– А вы… а ты искала?

– Во всяком случае, надеялась найти. А сегодня случайно увидела тебя у «Националя». Еще не понимала, ты это или не ты, решила пойти следом… – Вдруг воскликнула: – Ой, у тебя же кровь! Ты ранен! Тебя надо в больницу!

– Не надо в больницу. Пустяки, царапина, – помотал головой он, хотя теперь начал ощущать боль, и ватник на правом боку сделался мокрым.

– Ну тогда – ко мне, я обработаю.

Она взяла его за руку, потащила за собой. Рука у нее была маленькая, совсем детская, кто бы мог поверить, что пару минут назад эта миниатюрная девушка запросто уложила двоих здоровенных мужиков!

Вскоре она вывела его на освещенную улицу. Сказала:

– Стой здесь, – и, махая рукой, выбежала на дорогу.

Дорогая шубка сделала свое дело – первый же проезжавший автомобиль сразу притормозил.

– Садись! – крикнула она.

При виде васильцевской телогрейки водитель поморщился, вздохнул, но возражать не стал.

Через полчаса они входили в просторный, сияющий светом подъезд ее дома. Когда вошли в ее квартиру, он, еще прежде чем Катя зажгла свет, с порога ощутил забытый им с детства запах уюта и благополучия. Да, теперь, судя по всему, они с ней обретались в совершенно разных мирах. Но при зажженном свете

разлет их миров оказался еще более разительным. Двери всех четырех комнат, выходивших в прихожую, были открыты – значит, квартира не коммунальная. Господи, неужели кто-то еще нынче так жил в СССР?!

– Это – твое? – не удержавшись, спросил он.

– В общем, да, – кивнула она. И добавила: – Почти.

Слово «почти» его кольнуло – оно означало, что живет она в этих хоромах не одна. Впрочем, конечно же, и не могло быть иначе.

Катя сказала:

– Иди в ванную, разоблачайся, погляжу на твое ранение.

В большущей ванной комнате, отделанной мрамором, с зеркальными стенами, его телогрейка и спецовка, сброшенные на пол, особенно постыдно пахли гарью. Рана на боку была действительно не опасной, нож только распорол кожу, хотя и довольно глубоко. Катя вошла с ватой, йодом, бинтами.

– Жить будешь, – заключила она. Быстро и умело обработала рану и со словами: – Спецовку твою потом домработница постирает, сейчас что-нибудь принесу, – упорхнула.

«Наверно, принесет рубашку мужа», – тоскливо подумал Васильцев. Однако она вернулась с какой-то шелковой дамской разлетайкой, украшенной драконами:

– Уж надень как-нибудь. Извини, мужского ничего нет.

Вот это было действительно странно. «Почему?» – думал он, бредя следом за ней в богато обставленную комнату.

Усевшись в кресло, Юрий снял свои убогие очки с проволочной дужкой и теперь, видя Катю сквозь густой туман, воспринимал ее как мираж оттуда, из детства.

– Ну а теперь – давай, – сказала она. – Как жил, как живешь – все рассказывай.

Он послушно стал рассказывать о своем нынешнем житье-бытье – обо всем, кроме того вчерашнего письма и своей сегодняшней встречи с Домбровским.

– Да, печальные дела, – вздохнула Катя. – Я уже много таких историй слышала. Невесело у вас тут.

Да сама-то она откуда, с Марса, что ли?!

– У кого это «*у нас тут*»? – поинтересовался Васильцев.

– Ну, у вас, в Союзе. Я ведь только четыре месяца назад сюда, в Москву, приехала.

– И откуда? – осторожно спросил он.

Оказалось – в самом деле почти что с Марса.

– Из Лондона, – ответила она так просто, словно речь шла о каком-нибудь Саратове. – А до этого много где побывала – во Франции, в Германии, в Индии, в Китае, всего не перечислить.

Неужто существовали все эти места? Он, Васильцев, как-то уже начинал думать, что все это в пору его детства напридумывали учителя географии, чтобы как-то заполнить пустоты на своих картах.

Катя объяснила: в двадцать первом году им с родителями удалось сбежать через румынскую границу, в конце концов очутились в Англии. Там у ее отца, архитектора, задалась карьера, и в конце концов он стал обладателем большого состояния. А сама она окончила Оксфорд, изучала историю разных культур, поэтому много потом путешествовала, повидала мир, везде училась кое-чему. Драться так, например, научилась в Таиланде. Называется тайский бокс. Но всегда привлекала история России, вот и приехала сюда – некоторых архивных документов больше нигде не найти.

Юрий удивился: каким образом? Эмигрантов, да еще буржуйских детей, здесь вроде не больно-то жаловали. Это было небезопасно для нее, в любой миг могло случиться все, что угодно.

– А у меня есть охранная грамота, – улыбнулась Катя.

Ах, не верил Васильцев ни в какие такие охранные грамоты в теперешней Москве!

– И где ее тебе выписали? – со вздохом спросил он.

– Да все там же, в Англии. В Кентерберийском соборе: там я венчалась со своим мужем.

При слове «муж» он сразу почувствовал тяжесть в душе. Впрочем, на что он еще мог рассчитывать?

– Да, мой муж и есть моя охранная грамота, – уже серьезно сказала Катя. – Он, видишь ли, большой друг СССР.

– Британский коммунист, что ли? – скептически спросил Васильцев. Видно, живя у себя на Марсе, она не знала, что коммунистов и их жен здесь ставят к стенке ничуть не реже, чем беспартийных.

– Вовсе нет. Даже не сочувствующий. Он простой английский капиталист, но это, поверь, надежнее любых партийных билетов, потому что его заводы поставляют сюда оборудование, без которого товарищ Сталин не сможет строить свои танки и самолеты. Поэтому я совершенно вне всякой опасности.

– Похоже на то, – вынужден был согласиться Юрий.

Продолжать разговор о ее муже-заводчике не хотелось, да и вообще, пожалуй, пора было раскланиваться. Он уже начал было подниматься с кресла, но Катя его остановила:

– Ты что, мужа испугался? Не бойся, тебе не придется прятаться в шкаф. В действительности никакого мужа нет и никогда не было.

Васильцев лишь удивленно поднял брови.

Оказалось, все достаточно просто. Тот англичанин, которому, кстати, было уже за восемьдесят, – друг ее отца, ныне покойного. Когда он узнал, что Катя решила отправиться в страну большевиков, то сам предложил эту меру безопасности – вступить с ним в фиктивный брак. Так что теперь она – миссис Сазерленд, трогать которую здесь без высочайших санкций никто не решится. А брак, по их договоренности, не обязывает ее ни к чему, она совершенно свободна.

Та тяжесть сразу ушла с души, однако теперь он не знал, что ей сказать, чувствовал себя мальчишкой, которому, как бывает в детстве, не хватает каких-то самых нужных слов. Вопрос, соскользнувший с языка, был, пожалуй, самый нелепый для этой минуты:

– А пистолет откуда у тебя? – на что последовал ответ истинно марсианский:

– В магазине купила. – Улыбнувшись, Катя добавила: – Да не смотри ты на меня так! В Лондоне, разумеется. – Помолчав, сказала: – Приехала – и не знала, как тебя найти. Никуда не могла обратиться – боялась тебя подвести: знаю, что тут бывает за связи с иностранцами. Вдруг иду мимо «Националя», смотрю – кажется, это ты туда входишь с тем бородачом. Дождалась, когда выйдешь, но все равно была не уверена, поэтому и пошла за тобой.

Юрий прикинул, сколько времени длился его разговор с Домбровским. Пожалуй, не меньше двух часов.

– И что, – спросил он, – там, у «Националя», столько времени ждала на морозе?

Она опять улыбнулась:

– Пустяки, Юрочка, я этой встречи ждала гораздо дольше. Знаешь, ведь одна из причин, почему я и в Москву-то приехала, – хотела увидеть тебя.

И опять язык колыхнулся глупо, как детская погремушка:

– Меня? Почему меня?..

– Потому!.. Ты совсем, что ли, ничего не понимаешь?! Потому что если бы тогда, в двадцатом году, не ты… Я все время об этом вспоминала. Вообще, ты мне в жизни очень помог. Я имею в виду – не только тогда, но и потом тоже. Может, если бы не это, я бы совсем по-другому жила.

Слышать это было странно. Перед ним сидела благополучная, совсем из другого мира, очень красивая женщина; чем ей в ее нынешней далекой жизни мог помочь тот мальчишка-очкарик, не пожелавший быть двуногим без перьев на какой-то крохотный миг?

Катя спросила:

– Ты это ради меня тогда сделал?..

Он смутился:

– Ну, в общем…

– «Ну, в общем»! – передразнила она. – Хотя бы соврал поубедительнее!

Да зачем же, зачем же врать?!

– Ради тебя, – сказал он твердо и сейчас не сомневался, что иначе оно и не могло быть.

– Ну вот, слава богу! – Она, как тогда, в детстве, провела ладонью по его щеке: – Герой ты мой, глупый и трусливый герой…

– Почему трусливый? – не понял он.

– А ты не помнишь, как мы с тобой на крышу лазили на звезды смотреть?

Юрий вспомнил. У ее отца имелся небольшой телескоп, и однажды Катя позвала его посмотреть на звездное небо ночью. Было холодно, она ежилась, он чувствовал, что сейчас можно прижать ее к себе, обогреть своим теплом. И побоялся. Вместо этого нес какую-то чушь про немыслимо далекие звезды и миры, в то время как она была совсем рядышком, никогда прежде они не находились в такой близи друг от друга. Каким глупым, наверно, он казался ей!

– Я тогда уже знала, что скоро мы со всей семьей или погибнем, или вырвемся из этого ада, и знала, что ты останешься во мне навсегда. Но хотелось, чтобы и я в тебе – тоже! Чтобы никогда меня не забывал. Как я тогда ненавидела эти звезды, этот телескоп!.. Если ты бы в ту ночь не оказался таким пай-мальчиком!..

– Да, я был дураком, – согласился он.

– К тому же трусливым, – добавила Катя. – По-моему, это не прошло – ты и сейчас такой же мальчик-пай.

Да нет, нет же! Господи! Сколько времени потеряно зря!

> …подхватив ее на руки, неся куда-то. Она казалась совсем невесомой. – «Не туда, Юрочка, спальня – налево!.. Отпусти, я сама, ты ранен, тебе тяжело…»
>
> Отпустить? Никогда! После этой в полжизни длиной разлуки!.. Это платье! Зачем столько застежек? – «Я сама, Юрочка, я сама…»
>
> …горячее тело, жар дыхания на щеке, упругая, как у девочки, грудь.
>
> «Я твоя, твоя… А ты – ты мой?»
>
> Чьим же еще он мог быть?

«Я твой, я твой…» – «Ты мой!»

…Трель милицейского свистка за окном, дребезжание по рельсам заплутавшегося в ночи трамвая, – другой, глупый мир, до которого нет никакого дела, жить только в этом, единственном мире, где: «Я твоя!» – «Я твой!..»

Утром проснулись одновременно, когда в окно уже вползал тусклый рассвет. Катя сказала:

– Тебе надо на работу. Я знаю, что у вас бывает за опоздания.

Другой мир, вползавший в окно вместе с рассветом, уже вступал в свои права.

– А тот, с бородой, с которым ты – в «Национале», – он кто? – спросила она.

– Да так… Старый друг отца…

Только сейчас он вспомнил тот разговор с Домбровским, сразу почему-то стала зудеть забинтованная рана на боку, и под этот зуд в голове снова закружилось: «камень», «палка», «веревка», «трава», «страдание».

– Правда, пойду, пожалуй, – вздохнул он, опасаясь, что Катя начнет расспрашивать про этого «отцовского друга». Равно не хотелось ни врать, ни пускаться в долгие объяснения, особенно сейчас, когда последние минуты, оставшиеся до разлуки, уже наперечет.

Катя вздохнула:

– Ладно, иди… Только, Юрочка, еще я хочу тебе сказать… Если вдруг со мной что-нибудь случится… – Она примолкла.

– Ты о чем?

– Да нет, это я так… А ты – ты береги себя. Прошу, будь осторожен. Будешь себя беречь?

– Да, буду, – кивнул он, понимая, сколь мало тут зависит от него в нынешние немилосердные времена.

– И не исчезай, пожалуйста, Юрочка! Приходи вечером, я буду ждать. Бог ты мой, как же долго я тебя ждала! Не исчезнешь?

– Не исчезну, – пообещал он.

Глупо было и просить его об этом: да зачем, зачем же станет он теперь исчезать?! Только наяву ли было все это – то, что произошло между ними? И это ее «не исчезай, Юрочка!», этот ее поцелуй на прощание, и сама, – господи, наяву все это или выплыло из каких-то детских снов?

Когда вышел из подъезда, ее тепло еще долго не давало морозу себя уворовать. Но что она имела в виду, говоря: «Если со мной что-то случится»? Несмотря на все, что между ними было,

она во многом оставалась загадкой для него.

Почему-то становилось все труднее дышать, и бок под бинтами горел, точно опаленный. Надо было еще зайти домой переодеться – не являться же в кочегарку в ее разлетайке с дракончиками.

«Палка – камень – веревка – трава – страдание…» Эти слова снова забирали в свой плен. С ними и не заметил, как дошагал до своего дома.

Во дворе его встретила Дашенька. Девочку эту приютила у себя их дворничиха Варвара, добрая душа, после того, как в прошлом году по громкому делу арестовали Дашенькиных родителей, врачей. Только Варвара эта, при всей ее доброте, была женщина шибко пьющая, а по пьяни из нее как ветром уносило всю ее доброту. Девочке не раз приходилось прятаться у него в котельной, когда Варвара пьянствовала с мужиками в своей полуподвальной комнатенке.

Хорошая была девчушка, приветливая, любознательная. Там, в котельной, с большим интересом слушала профессора Суздалева, когда тот рассказывал ей про древних греков и римлян, а он, Васильцев, без труда пристрастил ее к решению математических головоломок, явно у девочки были немалые способности к математике. Да и другими способностями Бог не обделил. Суздалев давал ей уроки французского, он, Юрий, – немецкого, Дашенька схватывала все на лету. Васильцев верил, что ее ждет большое будущее… Впрочем, если… если вообще имело смысл задумываться о будущем в нынешние времена.

…Но почему сейчас ее слова: «Здравствуйте, дядя Юрочка», – звучали откуда-то издалека и почему она сама колыхалась, как мираж?..

Он тоже поздоровался… Точнее, ему показалось, что он это сделал, но вдруг осознал, что с языка его сорвались совсем другие слова. Он увидел испуганные глаза этой колыхавшейся девчушки:

– Какая веревка, какая трава?! Что с вами, дядя Юрочка?! – Прохладная ладошка коснулась его щеки, и он услыхал едва-едва пробивавшийся к нему откуда-то издалека голосок: – Я не Катя, я Даша, вы что, не узнаете меня?.. Да вы же горите весь! Вам доктора надо!

Но почему сама она исчезла? И почему, почему ее ладошка была теперь такая колючая?..

Господи, да и не ладошка это вовсе, а колючий мартовский наст!..

Какие-то голоса… Но не ангельские вовсе – стало быть, пока еще жив.

– Где ж нализался так?

– Позаливают зенки с утра пораньше!

– Э, да это ж наш кочегар с котельной.

– То-то с утра накочегарился! А еще в очках!

– Да не, вроде не пьяный… Не видите – больной! Надо неотложку!.. Эй!..

Сколько времени пролежал на снегу, как потом везли, как укладывали на больничную койку – ничего не помнил. Плутался в каких-то совсем других временах.

…Катя, не нынешняя, а та, из детства, гладит его по лицу и говорит: «Ты герой, Юрочка…»

…Отец сидит на ступеньках лестницы с окровавленной головой…

…И жар по всему телу такой же, как тогда, в детстве… И кружение этих слов, смысл которых уже почти ускользнул…

…*Палка – камень – веревка – трава – страдание…*

Глава 7
«Артист!»

Как бывало всегда, с приближением полнолуния Павел Никодимович Куздюмов становился – нет, не беспокойным, а, наоборот, максимально собранным. И писулька эта, третья по счету, от какого-то хренова «Тайного Суда», что он получил на днях, прибавила только собранности, а вовсе не страха. А написали в ней они, хреососы, вот что: мол, теперь, в ожидании окончательного приговора, вам надлежит по вечерам находиться дома, особенно в полнолуние, дабы не усугублять свою вину. Мол, находитесь вы под неусыпным наблюдением, посему все ваши передвижения не останутся незамеченными.

Вот же! Хоть и долботрясы, а насчет полнолуния что-то усекли. Только хрен запугаете!

Нет, ничуть он не испугался, когда пару дней назад заприметил тех двоих, что-то больно часто попадавшихся ему на глаза. Вот и сейчас один, здоровенного роста, в хорошем драповом пальто, прохаживается по Арбату, то и дело поглядывая на часы, будто бы на свидание пришел, а другой, помельче, с точильной машиной сидит во дворе, у черного хода. Уже третий час сидит, знай покрикивает: «Ножи точи2 м! Топоры, бритвы, ножницы!» – убедительно, в общем-то, покрикивает. Несколько жильцов к нему подходило со своими ножами. Точил. Точить тоже, в общем, кажись, умеет.

Может, он и вправду «ножи точи2 м», может, и тот, драповый, тоже – по своим делам; а может, они из тех долботрясов хреновых, что своими писульками его донимают. Ни малейшего страха перед ними не было, напротив, сейчас Павлу Никодимовичу даже хотелось, чтобы они оказались именно этими долботрясами – пусть-ка, в таком случае, за ним побегают, уж он им кое-что приготовил. Не изгадить им нынешнее полнолуние!

И ведь вроде не готовил ничего загодя, все мысли занимало приближающееся полнолуние и девчонка эта, остальное выходило машинально, и все равно вон как сложилось! Такое вот машинальное наитие он, Куздюмов, высоко в себе ценил – всегда выручало. Казалось бы, за каким фигом вот уже неделю ездил на службу в старом, потертом пальто, когда в гардеробе новых висит пять штук? Спроси он о том даже сам у себя – едва ли ответил бы. Или спросить: на фига всю ту неделю на службе хлюпал носом, ничуть не простуженным, и ходил по улице, обмотав физиономию шарфом, на фига?

Вроде ни на фига, так просто, из причуды. А теперь вон как в строку-то все легло!

Остальное сложилось как-то само собой, вовсе без натуги с его стороны. Третьего дня – домработница Соня:

– Маманя у меня, Пал Никодимович, занеможила, – так можно я к мамане-то на недельку отбуду в Лебедин?

Отчего ж нельзя? Очень даже можно. *Нужно* даже! Самому и придумывать не пришлось, как бы ее в нужное время из дому спровадить.

От той же Сони и еще один кирпичик в его построение. Да какой! Кирпичище! В самый фундамент! Позавчера, перед отбытием в свой Лебедин:

– Что ж вы, Пал Никодимович, все в пальте этом, когда хороших польт полон шкап?

– Твоя правда. Из Лебедина вернешься – на помойку снесешь.

– Дак зачем же, Пал Никодимыч, на помойку-то, я лучше зятю, Петрухе, отдам, а то ходит, как по деревне, в тулупе овчинном, шарамыга шарамыгой. На пальтецо так себе и не заработал. Непутевый!

Зятя этого непутевого Куздюмов однажды видел – тот за каким-то делом к Соне заезжал. На миг представил его себе… Точно, подходит! Удача сама в руки шла.

– Ладно, – сказал, – отдам твоему Петрухе. Пускай подъезжает послезавтра к шести ноль-ноль. Только без опозданий, я этого не люблю! В тулупчике пускай и подъезжает, я у него тулупчик этот прикуплю, мне как раз для рыбалки сойдет.

– Дак зачем же прикупать? Даром отдаст! Вещь – тьфу! Чего вам деньги переводить, он пропьет все едино.

– Ну, то не моя забота, а червонец дам.

Он бы и на пару червонцев не поскупился за такую удачу! Вот так вот, кирпичик к кирпичику, а в результате – стена! Ну-тка, попробуйте вы, долботрясы фиговы, узрите его за этой стеной!

Все звезды, как по заказу, сходились к его удаче! Это был добрый знак, говоривший, что и в том, в главном, в сокровенном удача будет на его стороне. Но ту удачу, на звезды не полагаясь, он ковал себе сам. И выковал!

Как пару недель назад увидел ту девчушку – сразу понял: она. Светловолосенькая, с серо-голубыми глазками, а главное – всегда с взрослым, серьезным личиком. Хохотушек всяких, вертихвосток он, Куздюмов, не любил: не интересно – сами в руки идут. А вот с такими куда как посложней, это вам не «ножи точи2 м», долботрясы, тут ключик надобно подобрать.

Его, такой ключик, можно, в конце концов, подобрать ко всякому, только он у одних – наподобие финского замка, который

и ногтем открыть можно, такие Павлу Никодимовичу тоже попадались поначалу, но та легкость как раз и не нравилась ему, ибо все смазывала, не прибавляла к самому себе уважения; а у других он, ключик этот, куда как сложней, пережмешь – сломается, и тогда уж все бесполезно, больше не подступиться. Зато ключик сложный подберешь – и сладостно на душе, едва ли не так же сладостно, как бывает потом, *в самый момент*. Только иной раз поди-ка подбери! Тут о-го-го как мозгами пошевелить надо! Как вот как раз с девчонкой этой. Тут какое-нибудь «пошли, девочка, дам шоколадку» не пройдет, не из таких она, видно по лицу.

Однако у него, Куздюмова, на разные случаи свои отмычки имелись. Что касается этой девчонки, то он как-то внутренним наитием сразу понял: в ее прошлом порыться надобно, там отмычку эту и найдешь.

Только легко сказать – а как ты пороешься? Как подойти к этому, вот вопрос! В школу зайти порасспрошать или к участковому… Какой-нибудь долботряс так бы, наверно, и поступил. И конечно, запомнили бы его. Нет, он, Павел Никодимович, был не из таких!

Однажды в какой-то книжке прочел: где лучше всего спрятать лист? В лесу! Вот и нужна была чаща, чтобы спрятать один-единственный нужный листок. И он чащу эту по-быстрому высадил. От своего главка направил бумагу с грифом «срочно» в РОНО: мол, нужны личные дела всех школьников данного района на предмет поступления в их отраслевые ремесленные училища. Уже через два дня тысячи личных дел были в главке. Он и вправду целому отделу главка поручил переписать всех, кто подходящий для этих ремесленных, но одно дельце, то самое, на время изъял по-незаметному – не зря же девчонку из окна своей машины проследил и знал, в какой школе она обучается. А дельце ее пролистнул – и все выстроилось сразу же, вот он и ключик, вот он и манок! На такой манок она куда угодно сломя голову кинется. И плакать будет у него на плече, не от страха и не от боли, а от доверия… Потом-то, конечно, все сообразит – да поздно уже…

Часы пробили шесть вечера. «Ну, где этот недоносок Петруха? – подумал он. – Так из-за одного оболтуса все дело рухнуть может!» И едва он об этом подумал, как раздался звонок в дверь. Хоть и недоносок, а не подвел все-таки.

Вошел в замызганной вонючей овчине и в большущих валенках. Да еще небритый третий, наверно, день. Но все это: и позорный вид тулупа, и небритость его, и валенки, и даже их размер, – все это было сейчас только на руку. А главное – рост и

комплекция этого дурня Петрухи (отчего и был Куздюмовым избран). Нет, звезды, точно, сами звезды вели! Потому Павел Никодимович ему – приветливо:

– Проходи, не стесняйся, Петр. Вот, держи пальтецо с моего плеча. Не новое, правда, но добротное вполне.

– Премного благодарны, Павел Николаевич.

Вот же охламон! Имени своего благодетеля и то запомнить не смог.

– Никодимович, – строго поправил его Куздюмов. – Да ты вот что, Петр, ты его прямо тут и надевай. А хламиду твою заберу уж себе, для рыбалки. Бросай прямо на пол, и вот тебе за нее червончик.

– Премного… Павел Никодимович…

– Да, кстати, – сказал Куздюмов, когда тот надел пальто, – валенки твои тоже, пожалуй, для рыбалки приобрету, а взамен… – Он достал свои старые, но еще приличного вида ботинки. – Вот, держи. А валенки скидывай.

Теперь уже Петруха отдаленно походил на человека, оставалось навести некоторые штрихи.

– И шапку эту скидывай. Эту надевай.

Вот шапку было несколько жаль – только в позапрошлом году купил, лисья, вполне еще хорошая. Ну да шут с ней!

– Премного вам…

– Только вот… – заново оглядев его, вздохнул Павел Никодимович. – Только морда у тебя больно небритая. С такой тебя сразу в милицию заметут, подумают, что приличные вещички ты у кого-то спер.

Тот захлопал глазами:

– Так чего ж теперь?..

– А мы вот что сделаем. Мы возьмем-ка этот шарф (тоже тебе его дарю), да им и обмотаем небритую твою физиономию. Вот так, вот так…

Сам же ему и обмотал заботливо. Снова оглядел – да, почти в точности он, Куздюмов, особенно в нынешних сумерках да если издали смотреть.

– Ну вот и славно! Ступай. Да сразу же садись на троллейбус, если в милицию не желаешь. Сразу, понял меня?

– Так точно, Павел Никола… Никодимович… – закивал Петруха. – Великое вам спасибо. Премного…

– Ладно, ладно, ступай, дела у меня еще. Только сразу же – на троллейбус!

Закрыв за Петрухой дверь, Павел Никодимович тут же погасил свет во всех комнатах: если кто впрямь наблюдает за окнами, то чтобы понял – хозяин только-только квартиру

покинул. А сам быстро – к окошку. Минуту спустя вышел из парадной Петруха… Да не Петруха вовсе, а он сам, Куздюмов Павел Никодимович! Издалека – так и мама родная не отличит. А что лицо шарфом обмотано – так он уже неделю так ходит.

Петруха-Куздюмов скоренько через тротуар и сразу – в подъехавший троллейбус. Такая вот у ответственного работника товарища Куздюмова причуда вдруг образовалась – вечерком покататься на троллейбусе по столице Родины.

Ну-ка, а что тот долботряс, который по Арбату расхаживал?.. Эге, вот и он! Выдал себя! Только троллейбус тронулся, сразу рукой махнул, к нему тут же машина подъехала, он – в нее и за троллейбусом следом… Смотри-ка ты, машина у этих засранцев, откуда бы?.. Ну да ладно, поезжай, голубчик, поезжай…

Не зажигая света, Павел Никодимович надел приготовленное тонкое пальто, а поверх – Петрухин тулуп. Некоторое время придется попреть, но для такого дела он уж как-нибудь потерпит. Обулся в демисезонные полуботинки и прямо в них влез в валенки, размер позволял. На голову – ватный треух Петрухин. Уши у треуха опустил, снизу подвязал, козырь тоже опустил, остался виден только нос, а нос-то у него как раз вполне как у Петрухи. Зашел в ванную на себя в зеркало посмотреть. Взглянул – хорош!

Из парадной выходил, ни от кого не таясь. Если даже они кого-то, кроме того верзилы, и оставили наблюдать, опасаться все равно нечего. Что этот долботряс-наблюдатель узрит? Вошел мужик в овчине мало ли по каким делам в подъезд – тот же самый мужик из того же самого подъезда и вышел.

Через полчаса Куздюмов сошел на остановке у Брянского вокзала. Там, на вокзале, зашел в сортир, в кабинке скинул с себя всю эту вонючую хрень и вышел из сортира уже совершенно другим человеком. Входил мужик-деревенщина в овчине, в стоптанных валенках, с треухом на голове – вышел солидный москвич в элегантном пальто, в чистых полуботиночках. И осанка стала совсем иной: тот, входивший, мужик был согбен жизнью, а этот, вышедший, – бодр и прям, ибо честному человеку не от чего горбиться.

Проходя мимо зеркала в зале ожидания, Павел Никодимович посмотрел на себя и порадовался своему умению вот так вот мгновенно преображаться до полной неузнаваемости. Да, умел он, умел! Артист! Это вам, небось, говнососы, тоже не «ножи точи2 м». Припомнилась вдруг фразочка, где-то когда-то не то слышанная, не то читанная: «Какой артист умирает!» Произнес ее, кажись, какой-то древний царь, живший еще до новой эры, перед тем, как то ли его кто-то кокнул, то ли за каким-то лешим – он

сам себя.

Глупейшая, в общем-то, фразочка, и на кой вдруг припомнилась, неясно. Ибо умирать-то как раз он, Павел Никодимович, сейчас не помышлял уж никак.

Глава 8,
в которой Юрий Васильцев наконец дает согласие

Васильцев не знал, сколько дней он пролежал на больничной койке к тому времени, когда, открыв глаза, услышал отдаленно знакомый голос:

– Юрка, очнулся? Ну слава богу, наконец, а то всех ты тут, Стрелок чертов, перепугал!

Кто этот человек, почему называл его Юркой и тем более Стрелком? Так его только в школе называли – с тех пор, как однажды, впервые взяв в руки револьвер, вдруг, к собственному удивлению, выбил все семь десяток.

Вышло так. Был в их классе такой Квасов по прозвищу Чемодан, полученному из-за прямоугольной, как чемодан, башки, изрядный балбес. Но как сын красного командира, носившего ромбы, Чемодан желал во всем быть первым. За счет мозгов это у него никак не получалось, потому решил взять другим. Один раз стащил у отца настоящий наган и сказал Васильцеву и его другу Котьке Каюкову по прозвищу Каюк: «Поехали, папенькины сынки, поглядим, на что вы способные».

Отец Каюка был когда-то хирургом, Васильцева – адвокатом, но доктор Каюков умер через год после гибели адвоката Васильцева, сейчас оба они росли без отцов и никакими папенькиными сынками никак не были. Дать бы этому Квасову по его чемоданообразной башке!.. Но пострелять из настоящего нагана! Ради такого можно было и смолчать.

Поехали в какой-то загородный лесок. Чемодан повесил мишень на дерево, отошел шагов на двадцать и со словами:

– Учись, буржуа́зия! – выпустил весь барабан.

Вышло слабовато, все больше в «молоко», но Чемодан своими двадцатью очками из семидесяти был горд несказанно:

– Вот так, очкарики! (Вообще, в очках был один Васильцев, но Чемодан вкладывал в это слово какое-то свое, лишь ему известное значение.) Вот так примерно мой батя буржуа́зию в Гражданскую стрелял, и я, дайте срок, всех очкариков стрелять буду!

Васильцеву стало гадко. А Чемодан уже сунул наган Каюку в руку:

– Ну, очкарик, давай, покажи! На щелбаны стреляем!

Каюк долго прицеливался, однако все пули выпустил, разумеется, в «молоко». Чемодан радостно отвесил ему все

двадцать щелбанов, да так, что лоб у бедного Каюка сразу стал бордовый, как кирпич.

– Вот так мы вас, очкариков! – радовался Чемодан.

От несправедливости происходящего Васильцеву стало даже трудно дышать.

– Дай, – проговорил он.

Мишень едва просматривалась сквозь очки. Кажется вовсе не целясь, он выпустил семь пуль в сторону мишени.

– Готовь лоб, очкарик, – злорадно сказал Чемодан, идя снимать мишень с дерева.

Но когда на нее посмотрел, радости у него мигом поубавилось: все семь попаданий были в яблочко. А положенные щелбаны Юра доверил Каюку, и уж тот постарался.

Каюк потом допытывался: как тебе удалось? Васильцев лишь плечами пожимал. Просто вышло по справедливости. Значит, она, справедливость, все-таки иногда процарапывалась в этот мир.

Так и прилипло к нему тогда это прозвище: Стрелок.

…Но кто, кто сейчас называл его этим прозвищем?.. Мир, однако, понемногу начинал склеиваться из околупков. Он увидел еще нескольких человек, лежавших на железных койках по соседству, а вглядевшись в человека в белом халате, сидевшего на стуле рядом с ним, наконец узнал в нем того самого Котьку Каюкова. Вспомнил, что тот выучился на врача и теперь работает в Первой градской. Стало быть, и сам он сейчас, наверно, в той же Градской и лежит.

– Привет, Каюк, – проговорил он.

– Узнал! – обрадовался Костя-Каюк. – Значит, жить будешь!.. А теперь признавайся, про какие там палки, веревки, камни ты в бреду вспоминал?

Тут же восстановилось все – разговор с Домбровским в «Национале», его Тайный Суд, отцовские часы… и, похоже, все было наяву.

– Да так… – ответил Юрий. – Не знаю… Что-то, наверно, примерещилось…

Тут же вспомнил про Катю. Неужели тоже было на самом деле?.. Она просила: не исчезай, а вышло, что он как раз-то и исчез. Как глупо бывает все в жизни!

– Что со мной было?

– Хреново с тобой было, Стрелок. То, что ножичком тебя царапнули, – это как раз пустяки, скоро следов не останется, и то, что ты в дамском блузоне по городу расхаживаешь и что зачем-то золотые часы в рваном кармане носишь, – это полбеды, поскольку ты, как все математики, человек с тараканом в башке; а вот легкие у тебя ни к черту – это да! Еще бы чуток – и… Совсем, в

общем, было бы хреново… Одного не пойму: ты же у нас, Стрелок, великий математик; откуда же у тебя в легких угольной пыли полно? Или ты уже в шахтеры переквалифицировался?

Васильцев постарался улыбнуться:

– Не в шахтеры – в кочегары. Я в котельной работаю.

Долгих объяснений не требовалось.

– Вот такие, значит, дела… – с пониманием произнес Каюк. И, покосившись на других больных, спавших вроде бы (хотя черт их знает), уже потише добавил: – Да, ничего не скажешь, в славное времечко живем!.. И как там компания, в вашей кочегарке?

– Кроме шуток, отличная компания, – слегка улыбнулся Юрий. – Раньше работал с инженером Весневским. Слыхал, наверно? Знаменитый мостостроитель.

– Это которого недавно?.. – Каюк снова покосился на спящих.

– Он самый. А сейчас там вместе со мной профессор Суздалев – тоже, может, слыхал?

– Востоковед, кажется?

– Нет, он – по античной истории.

– Ну все равно! В кочегарке ему, понятно, самое место, где ж еще, – со вздохом кивнул Каюк. – Говорю же – весело живем… – И без тени шутки спросил: – А случаем у тебя там, Стрелок, для меня не найдется вакансии, если что вдруг?

– Ты это серьезно? – спросил Васильцев. – И что, уже пора искать?

Каюк пожал плечами:

– Кто знает. Все под Богом ходим…

Юрий пообещал:

– Поищу…

– Вот и ладушки… Кстати, пока ты тут бредил про какие-то свои камни и веревки, к тебе дама приходила.

– Катя?

– Она не назвалась. Вот, письмишко тебе оставила, – он протянул Васильцеву конверт. – Уж не ее ли то блузон с дракончиками?

Не ответив, Юрий вскрыл конверт. Написано было:

> Дорогой Юрочка, с трудом нашла тебя здесь.
>
> Поправляйся и вообще держись!
>
> А увидимся мы теперь с тобой, вероятно, не скоро. Видишь, как мир глупо устроен! Я-то тебя просила не исчезать, но вот обстоятельства сложились так, что теперь на какое-то время исчезнуть придется мне. Сейчас прошу только об одном: ради бога, не ищи меня – во-

первых, это очень опасно для тебя, а во-вторых, это может повредить и мне. Увы, пока не все могу тебе рассказать – быть может, когда-нибудь.

Кстати, я кое-что узнала о тебе и догадываюсь, перед каким выбором тебя поставила жизнь. Будь с этим осторожен, Юрочка!

И еще раз прошу: не ищи!

Крепко-крепко целую. Люблю.

Твоя Катя.

Неужели что-то узнала о Тайном Суде? Но – как?.. Вдруг вспомнил: письмо от Домбровского осталось в его спецовке! Чертова забывчивость! И его еще, эдакого, хотят взять в этот Тайный Суд! Ничего не скажешь, великий конспиратор!

Но даже если Катя прочла письмо, почему так таинственно исчезла? Уж ей-то бояться вроде было нечего. Ответить на этот вопрос Васильцев даже не пытался, понимал – бессмысленно. Она скрылась за завесой тайны, которая с самого начала окружала ее. И разыскивать Катю, видимо, действительно было нельзя – она лучше знала, если просила об этом. В душе стало пусто и тускло.

– Долго мне тут еще лежать? – спросил он.

– К ней торопишься? – Каюков кивнул на письмо.

– Так все-таки – когда?

– Понимаешь, подлечить-то мы тебя, в общем, подлечили, но слаб ты, братец, покамест. Побудь-ка ты тут, пожалуй, еще недельку на казенных харчах, я так думаю, котельная твоя уж как-нибудь без тебя продержится. Да и ты без нее, мне кажется, тоже.

Вообще, в самом деле, хорошо было бы тут отдохнуть, но что-то, кроме исчезновения Кати, при этом беспокоило Юрия, однако он пока не понимал, что же именно.

Вдруг посмотрел в окно и увидел пока еще только всползающий на вечернее небо ровный, красноватый диск луны. Да, почему-то именно луна сейчас несла ему это необъяснимое беспокойство. На миг забыв про Каюкова, даже про Катю, он проговорил вслух:

– Луна…

Каюк проследил за его взглядом и подтвердил:

– И не говори, вон какая злющая! Полнолуние нынче.

Да, вот оно! Полнолуние! «Лунный оборотень!» – вспомнил наконец Васильцев. Тот лунный оборотень, именно в полнолуние творящий свои зверства. Только при чем тут он, Юрий?..

Впрочем, если верить Домбровскому, то без него, без Юрия, как раз – никак…

Но что, что он может сделать сейчас, когда эта недобрая луна

уже вскатывается на небо?.. Однако теперь эта луна не отпускала, звала, точно сам он был каким-то лунатиком, целиком ей подвластным.

– Каюк, – сказал он, – помоги мне отсюда уйти. Прямо сейчас. Ей-богу, это не блажь, мне в самом деле очень надо.

* * *

Уже приближаясь к распахнутым воротам, понял – случилось что-то из ряда вон. У ворот толпились зеваки, но в ворота их не пускал милиционер. Был он молчалив и *преисполнен*, Васильцева пропустил только предварительно проверив паспорт (благо, теперь имелся). Первая мысль Юрия была привычной для человека, жившего в нынешней Москве: «Снова кого-то *берут*…» Однако эта мысль была им тотчас отвергнута: во-первых, то действо всегда происходило глубокой ночью, а во-вторых, даже если бы такое случилось вечером, никто из прохожих не стал бы ротозействовать, а поспешил бы по-незаметному, быстро пройти сторонкой.

«Неужели?..» – подумал он, почти физически ощущая, как в спину ему вперилась гноем налившаяся луна, хотя смысл этого «неужели» он еще не решался обозначить словами.

Войдя во двор, услышал вдали какие-то возгласы дворничихи Василисы. Подумал: опять напилась…

В полутьме двора едва не столкнулся с профессором Суздалевым. Тот проговорил:

– Ах, Юрочка, вы уже на ногах… А тут… тут у нас… Господи, неужели человек на такое способен?! Видели бы вы!.. – На глазах у него были слезы.

Уже сам все понимая, Васильцев едва нашел духу спросить:

– Что?..

– Дашенька… – сквозь слезы проговорил профессор. – Там, за сараями… Полчаса назад мальчишки нашли… Еще теплая была… Господи!.. – Профессора всего трясло.

Со стороны сараев из-за кордона милиции доносились причитания Варвары:

– Что же он над тобой?! Ирод! Совсем же дитё!..

– Он ей потом голову камнем размозжил, – тихо сказал Суздалев. – И ведь знала эта мразь, как ее из дому выманить! За самое живое зацепил!

– Его что, уже поймали?

Профессор махнул рукой:

– Куда там! И не поймают никогда, будьте уверены! И искать

особо не будут. У них, видите ли, в стране победившего социализма…

– …нет места для маньяков, – закончил Юрий фразу.

– Вот-вот. Любые диверсанты, шпионы, хоть тебе новозеландские, хоть мексиканские, хоть зулусские – этого добра у них сколько угодно, а маньяков, понимаете ли, – ни одного! Места для них нет в стране *«победившего»* – и все дела! И такие вот гады этим пользуются. Легко быть невидимкой, когда тебя и видеть всем без надобности… Такие уж времена, что привольно живется только всякой мрази… И записка его – тоже веяние эпохи…

Тем временем двое в штатском проносили мимо светящегося окна носилки, прикрытые простыней, на которой виднелись бурые пятна. И луна висела такая, что, казалось, от нее никуда не спрячешься. Так же, как никуда не спрятаться теперь и от своей вины. Если бы он, Юрий, тогда, при разговоре с Домбровским не смалодушничал, то быть может…

– Какая записка? – спросил Васильцев, стараясь не смотреть в ту сторону.

– Ах да, я же вам не сказал еще… Она книжку у меня брала, первый том «Дон Кихота», часа два назад как раз вернула. Я нечаянно открыл, а там – листок. Сроду я чужих писем не читал, а тут вдруг… Словно почувствовал что-то… Как прочел – сразу понял: быть беде. Хотел пойти ее предостеречь – и в этот миг из-за сараев кричат: «Убили, убили!» Вот, Юрочка, почитайте. – Он протянул Васильцеву листок с текстом, отпечатанным на пишущей машинке. Луна горела так, что читать можно было без дополнительного освещения. Юрий прочел:

> Дорогая Дашенька.
>
> Пишет тебе друг твоего папы, Кирилла Аркадьевича. Некоторое время мне довелось побыть там, где он сейчас, но мне повезло больше, чем ему, и вот я в Москве. Он просил, чтобы я передал тебе от него весточку. Он очень любит тебя и думает только о тебе. Сейчас его письмо к тебе у меня.
>
> Но ты уже взрослая и умная девочка и должна понять, что послать его по почте я не могу, могу только передать из рук в руки.
>
> Давай с тобой встретимся завтра в семь вечера в вашем дворе, где дровяные сараи. Посмотри внимательно – там один сарай, второй слева, с проваленной крышей, стоит без замка, в нем я и буду тебя ждать.

Сама понимаешь, об этой встрече ты не должна говорить никому, иначе будет плохо и мне, и тебе, а главное – твоему папе.

До скорой встречи.

Дядя Вася

– «Дядя Вася!..» – воскликнул Суздалев. – А у отца у ее – десять лет без права переписки! Знал же наверняка, сукин сын!.. А Дашенька как раз недавно спрашивала, что означает сей приговор. Я-то, дурень, что-то ей наплел, правду так и не смог сказать. А сказал бы правду – сейчас бы, может, жива была. Моя, моя вина! Жить, право, не хочется.

Васильцев подумал: кто знает, на ком из них двоих лежит большая вина. Пожалуй, все-таки на нем, на Юрии. Если у Суздалева оплошность (да и кто бы тут не оплошал?), то у него… Да трусость, трусость, конечно же! Трус, жалкий трус! Двуногое без перьев!..

– Ладно, – решительно рубанул рукой воздух профессор, – таких, как я, давно уже пора на удобрения. Пойду сдаваться.

– Сдаваться?.. О чем вы? – не понял Юрий.

– Ну как же, бумаженцию эту надо же им передать. – Суздалев кивнул на двух милиционеров, все еще стоявших у злополучных сараев.

– Но почему же – «сдаваться»?

– Э, Юрочка, вот увидите – меня тут же, на месте, немедля и заметут.

– Вас?! Почему?!

– Что ж вы, простых вещей не понимаете? Истинного душегуба ловить – мороки больно много, а если у нас и явления такого нет – так за каким лешим вообще ловить? А тут – вот он, злыдень, сам в руки идет! Вполне к тому же подходящий: без паспорта, да еще, поди, латинско-эллинский шпион…

– Чей? – не понял Васильцев.

– Латинско-эллинский, разумеется. Коля Весневский у них проходил как сиамский шпион – угораздило его, понимаете ли, тридцать лет назад в этом чертовом Сиаме мосты строить, и среди языков, которыми владел, вписал еще и этот самый сиамский. От немецких, французских или там португальских шпионов у них уже, поди, изжога, вот и влепили ему как сиамскому на полную: десять лет без права переписки. Ну а я тогда же вписал сдуру эллинский и латинский – так чей же я, спрашивается, шпион? Нашпионил небось сколько смог в пользу Фемистокла и Сципиона Африканского, пока доблестные органы не остановили… Все равно возьмут со дня на день, так уж какая

разница когда?

– Но все-таки не за эту же мерзость.

– А, все едино! Обязательно пришьют что-нибудь эдакое. Коля вон Весневский у них, если помните, помимо того, что нашпионил в пользу этого Сиама, так еще и толченое стекло ясельным детишкам в манную кашу подсыпал, а доктор Плетнев пациентке зубами полгруди откусил. Ну а я – вот это вот. Понимаете, если наши люди творить такое ну никак не могут, то всякие там сиамские и латино-эллинские шпионы – с превеликим удовольствием.

– Давайте лучше я отнесу, – предложил Васильцев.

– Ну уж нет! – отрезал профессор. – Я оплошал – мне и все шишки.

– Но у меня хотя бы паспорт есть.

– Неужто вернули-таки? – удивился Суздалев.

Юрий кивнул – не объяснять же, как оно вышло на самом деле.

– Что ж, поздравляю. Но в таком случае – тем более! Раз так – вы еще, глядишь, выкарабкаетесь, а я уж в любом случае – никак. Давайте, давайте сюда… – С этими словами он отнял у Юрия листок и решительным шагом направился в сторону милиционеров.

Васильцев смотрел ему вслед. Он увидел, как Суздалев что-то объясняет им, показывая этот листок. Далее произошло то, что Суздалев и предрекал: один из милиционеров пронзительно засвистел в свисток, тут же откуда-то прибежали еще, схватили профессора за руки, повели. Проходя мимо Юрия, Суздалев взглянул на него даже, пожалуй, победоносно – мол, ну что я вам говорил! Со стороны послышалось:

– Что, словили, никак?

– Похоже что.

– Это ж с нашей котельной. Может, ошибка вышла?

– Там не ошибаются.

«И это тоже моя вина», – обреченно подумал Юрий, провожая взглядом профессора. Несправедливость творящегося терзала почти физической болью. И ничего он сейчас не мог сделать, ничего! Всего страшнее было именно это абсолютное бессилье, превращавшее из человека в *двуногое без перьев*. Вспомнились слова отца из той бесконечно далекой жизни: «Если в какой-то момент люди вдруг ощущают, что справедливость навсегда покинула наш мир, то им попросту незачем становится жить». Действительно, никакой воли к жизни у него сейчас не было…

Вдруг он заметил человека, которого узнал сразу же.

– Викентий… – произнес он.

Тот смотрел на Васильцева в упор, ничего не говоря.
– Это его рук дело? – спросил Юрий. – Этого?
Потомственный палач сказал:
– Он меня перехитрил. Я упустил его.
И тогда Васильцев, окончательно решившись, сказал:
– Передайте Домбровскому: я согласен.

Глава 9
Сов. секретно (Продолжение)

Народному комиссару

государственной безопасности СССР

тов. Ежову Н.И.

…Изучая странные события, связанные с убийствами чекистов, я пришел к выводу, что здесь не обошлось без участия отлично подготовленной, высокопрофессиональной группы, обладающей немалыми средствами и доступом к секретной информации. Приведу на то свои доводы.

1) Майор госбезопасности Цыганков, погибший в ноябре минувшего года (найден с проломленной камнем головой), исчез во время секретной командировки в г. Сызрань. Факт его отъезда из Москвы держался в строжайшей тайне. Доподлинно известно, что ни сослуживцам, ни жене, ни двум любовницам он о пункте назначения не обмолвился ни словом.

2) Майор Ведренко (найденный утопленным в Мытищах) накануне исчезновения отправился на конспиративную встречу со спецагентом Брунгильдой (Жилиной Н.В.) якобы по ее вызову, хотя установлено, что оная Брунгильда в это самое время находилась в больнице в состоянии комы (причина – избыточная доза кокаина, отчего вскоре и скончалась) и вызвать его никоим образом не могла.

3) Старший майор Буцис был похищен из вагона спецпоезда, в котором по Вашему личному заданию и при соблюдении повышенной секретности ехал на Дальний Восток для устранения там троцкистского антисоветского заговора.

«Ему-то, хрену этому, откуда все так уж в точности известно? – с досадой подумал народный комиссар. – И кличку-то ишь какую себе придумал: *Призрак*!»

Да ведь и вправду – призрак! За последние два месяца то было уже третье от него послание, но вычислить автора Николаю Ивановичу так и не удалось. Попытался сперва, дал кое-кому особое на то задание, да тут же и получил по рогам – порученцы эти навсегда сгинули без следов, а Призрак во втором письмишке посоветовал: не шебуршись, мол. Картотека, мол, у меня имеется, и, если шебуршиться продолжишь, всплывет она наружу, а там и на тебя кой-что имеется. Да и не на одного тебя, повыше бери.

Нарком тогда на миг попытался представить, что там конкретно на него, и мурашки по телу побежали волной.

А если повыше брать? Неужто и на *Самого*?..

Тьфу ты черт! Взбредет же в голову!..

Нет, не трогать этого Призрака и как зеницу ока беречь!

Нарком вернулся к записке.

> …Пытаясь найти связь между всеми этими событиями, исследовал личную жизнь погибших, коя, как выяснилось, предстает в весьма и весьма неприглядном свете (см. Приложение 1)…

Нарком заглянул в это приложение к записке и сплюнул в сердцах. Не столько передернуло от художеств этих гавриков, сколько опять же от осведомленности всезнаистого Призрака. Приложение это подале убрал и стал читать снова.

> Необычность происходящего заставила меня вспомнить о куда более давних событиях. Так, например:
>
> – в 1842 году генерал-лейтенант Свиньин был обнаружен повешенным все в том же Нескучном саду со сходной покаянной табличкой на шее;
>
> – камергер князь Изюпов в 1856 году исчез из поезда С.-Петербург – Москва, а его тело, прибитое колом к земле, было обнаружено сутки спустя в 10 верстах от железной дороги;
>
> – в том же году в своем кабинете найден мертвым полковник 3-го Отделения Пнин. Причина смерти – булыжный камень, проглоченный им и застрявший в горле.
>
> Список может быть и продолжен. Добавлю, что личная жизнь перечисленных жертв выглядела так же неприглядно, как и всех упомянутых мною в Приложении.
>
> Но вот что хочу отметить особо: на стене кабинета полковника Пнина углем было начертано одно слово, и слово это было именно «камень».

Последняя подробность подвигла меня на дальнейшие исторические изыскания с привлечением старинных источников. В конце концов мне удалось обнаружить следующее:

– в XVI веке вестфальский рыцарь фон Кранх был повешен в собственной спальне. На стене углем начертано: «веревка»;

– веком позже, подавившись камнем (!!!), скончался испанский гранд де Савари, и на стене начертано: «камень»;

– тогда же в своем доме скончался некий венецианский патриций Маццини. Причина смерти – палка, загнанная ему в рот с такой силой, что сломала шейные позвонки. И именно слово «палка» было начертано у него на стене;

– наконец, в XVIII веке английский баронет сэр Уильямс, один из совладельцев Ост-Индской компании, задохнулся оттого, что рот его был забит травой. Там тоже присутствовала надпись, и, как нетрудно догадаться, написано было: «трава».

«Палка», «камень», «веревка», «трава», – что-то все эти слова мне напомнили. И вдруг в одном старинном немецком фолианте я наткнулся именно на них: «Stock», «Stein», «Strick», «Gras». Там было и еще одно слово – «Grein», что означает «страдание».

S. S. S. G. G. – эти пять букв когда-то вселяли ужас в сердца даже самых влиятельных особ Европы, ибо слова «палка», «камень», «веревка», «трава», «страдание» были девизом Тайного Суда – одного из самых скрытных и беспощадных сообществ. Если этим судом был вынесен приговор, то, сколь бы высокое положение ни занимал приговоренный, он уже не мог избежать назначенной кары, и даже власти были бессильны ему помочь.

Считается, впрочем, что еще в XVIII веке Тайный Суд прекратил свое существование. Однако приведенные мною факты, относящиеся уже к веку XIX, а также недавние события заставляют в этом усомниться.

Тайный Суд существует и поныне, в том я не сомневаюсь! Существует, выносит свои приговоры – и нет от них спасения. И не приведи Господь, если кто-нибудь нынче увидит начертанное на стене или где-либо одно из этих слов!..

Нарком машинально обвел взором стены своего кабинета,

отметил, что нет на них ничего такого, и, хотя почувствовал некоторое облегчение, все же обругал себя за дурость: еще бы не хватало, чтобы здесь, в его лубянском кабинете, какая-нибудь сволочь стены поганила!

Но, перечитав последний абзац, вдруг поверил, прочно поверил во все! И уже не чувствовал себя даже в этих стенах в полной безопасности.

Что там, однако, Призрак еще накропал?..

> …История показывает, что действиям Тайного Суда до сих пор не могла противоборствовать ни одна властная структура. Хотя такие меры и неоднократно предпринимались, все они не привели ни к чему, ибо этот Суд опирается на свои многочисленные отделения, находящиеся в разных странах, и, подобно гидре, может отращивать новые головы взамен отрубленных. Кроме того, он везде имеет своих соглядатаев, уверен, что таковые служат и в НКВД…

Черт!.. Никогда прежде истина эта, которую сам же всем вталдыкивал – что, мол, повсюду враги, – не проникала в него вот так вот, до самой селезенки. Народный комиссар, в общем-то не испытывавший серьезных неудобств от своего невысокого роста, тут вдруг почувствовал себя совсем букашечно-крохотным. Неуютно, ох как неуютно отчего-то внезапно стало ему в этом огромном кабинете. И почему, почему, черт возьми, все время запотевают эти очки?! Мыслишка скользнула совсем не к месту: может, пенсне завести, как у менгрельца у этого говнистого, у Лаврентия?..[4]

Николай Иванович снова протер очки и вцепился в следующую фразу:

> Но при учете особого, герметического, я бы сказал, положения СССР, а также при учете огромной, несмотря ни на что, силы вашего ведомства, думаю, сегодня все-таки возможно…

Дочитав, нарком некоторое время сидел в глубокой задумчивости, осмысливая то, что насоветовал дошлый Призрак.

Ох, зыбкое какое-то было дело, словно в болотную топь ступать… Одним стальным беспощадным ударом ликвидировать этот вражеский Суд, как троцкистскую нечисть?.. Но – поди ж! Прежде-то обо всем доложить *Самому* надобно. А что *Самому* придет на ум – кому это, кроме него же, *Самого*, ведомо? Вот возьмет да и узрит в этом сраном Суде какой-нибудь новый орден

меченосцев, да и возрешит, как уже не раз возрешал, очередную «кадровую смену» произвести – и чьи, а, тогда головушки посыплются?

Вестимо чьи!

Нет, спешить с докладом никак не должно, тут уж не про ордена думать, а про нее, про головушку, про единственную про свою…

Выкинуть бы к чертям собачьим эту записку Призракову, будто не было ее, и не предпринимать ни шиша!.. Да нельзя: вдруг сведения по этому, растудыть его, Тайному Суду просочатся с какого-нибудь другого боку и дойдут до *Самого*. И выйдет с его, народного комиссара, стороны чистый саботаж, со всеми вытекающими. А за саботаж у нас что? Правильно…

Нет, вовсе бездействовать нельзя. И действовать тоже стрёмно. И как же тогда быть?..

«А что, если мы – вот так?» – подумал нарком после немалого умственного напряжения.

И, довольный принятым решением, он снял трубку:

– Маша, Чужака ко мне.

* * *

С изрядной подпалиной в мозгах выходил Чужак из наркомовского кабинета. Ни фига себе! Таки существует этот Суд Тайный, не примерещился! Да еще, гляди ж ты, Призрак какой-то нарисовался! Вначале думал – уж теперь-то Николай Иванович землю рыть прикажет на десять глубин, раз такая нечисть под боком у советской власти завелась. Рвение выказывая, он уж писульку этого Призрака – он ее и так, и сяк, и под лупу глядел, и ногтем ковырял, и нюхом нюхал, только что на зуб не пробовал. И унюхал кой-что! Пахла бумага больно уж приятственно – не «Тройным» одеколоном, поди, не «Шипром» даже, а тонким чем-то, как от знатных кавалеров и дамочек пахивало при царе Николашке.

Хотел уж своим открытием поделиться с народным комиссаром – да тут же язык-то и прикусил. Ибо вдруг уразумел, жилкой своей угадал: вовсе не рвения и не сметки ждет от него Николай Иванович, а напротив – чтоб не проявлял ни того, ни другого. Туманно говорил на этот раз товарищ народный комиссар, подлинных мыслей своих не раскрывал, а то, что Чужак сумел выловить из его слов, было вот что: людей-то своих на розыск членов шайки «Тайный Суд» направить, но ничего по сути дела им не разъясняя (ввиду, понятно, особой секретности

операции), и никаких конкретных заданий им покуда не давать. В общем, решетом воду ловить. И людей, как намекнул Николай Иванович, поставить покамест на это дело, которые поплоше, каких особенно не жаль.

– Ясно, Чужак?

Ясно-то оно ясно: лопухов в отделе пруд пруди, пару-тройку под это дело списать – наркомату будет только облегчение. Можно их и к ордену потом. Посмертно.

А вообще – мрак и зыбь. Ох, не поскользнуться б!

– Так точно, ясно, товарищ народный комиссар!

* * *

– Лейтенант государственной безопасности Негорюев, по вашему приказанию!

– Сержант Непомирайко, по вашему…

Судя по рожам – то, что надо: оба лопухи преизрядные. И постукивают, кажись, на него, на Чужака. И фамилии как нельзя подходящие (для некрологов).

– Ко всем один вопрос. Отвечать не задумываясь. Кто такой Людвиг Фейербах? (На политучебе лектор давеча как раз поминал такого. Хрен его уже упомнит, что за перец, но для тумана сойдет.)

– Эта-а…

– Троцкист!

– Точно! Сидит в шестой камере, вчера начал давать признательные.

– Не, тот Гольдберг, правый зиновьевец…

– Только тот не Гольдберг, а Рубинштейн. И не зиновьевец, а…

«Вот уж лопухи, каких поискать!»

– Лады. Теперь вопрос потоньше: кто из вас про Любаню, про машинистку мою, мужу ее, капитану Курицыну, стуканул? А ну – как на духу!

– Так эта-а…

– Ну так…

«Да, выбор правильный!»

– Ясно все. Но теперь не об этом. Предстоит выполнить сверхсекретное задание Родины, потому я и выбрал для этого дела лучших, и уже заготовлено представление к правительственным наградам.

– Служу трудовому народу!

– Служу трудовому народу!

* * *

Майору госбезопасности

тов. Чужаку

Сообщаю, что сожитель мой, лейтенант госбезопасности Негорюев Иван, запершись в комнате, всю ночь писал, а посредь ночи выйдя, спрашивал у меня, как пишется фамилия какого-то Хеербаха. Когда же я сказала ему, что не обязанная всех троцкистов на память помнить, он назвал меня дурындой и козой и велел поспрошать об этом Хеербахе у моих подчиненных надзирательниц.

А бумагу, ту, что писал, втихаря сжег, но я все равно успела посмотреть, что писалась она заместителю народного комиссара тов. Берия Л.П., о чем Вам и сообщаю.

А также сообщаю, что взглядов гр. Негорюева И.К. никогда не разделяла, сожительствую с ним исключительно по Вашему заданию, и комнату эту прошу, как Вы обещали, оставить за мной.

Сержант госбезопасности Копейкина П.Н.

Майору госбезопасности

тов. Чужаку

Сообщаю, что муж мой, сержант госбезопасности Непомирайко Х.Х., вчера просил меня передать моему непосредственному начальнику комиссару второго ранга тов. Панасёнкову, что Вы поручили ему выйти на связь с троцкистом-зиновьевцем Хеербуком, членом какой-то тайной шайки и маскирующим свою враждебную нашему государству сущность под видом народного судьи. Но я ничего передавать, конечно, не стала…

«Еще б ты стала! Все твои делишки кокаиновые – здесь, в этой

вот горсти».

…И теперь жду, когда Вы исполните свое обещание избавить меня от этого злыдня, который к тому же на той неделе, приревновав не по делу к соседу, ударил меня в глаз, несмотря что я равная по званию.

А когда я его сама застукала с Вашей Любочкой, он врал, что там ничего не было, и крестился по-поповски, хоть и член ВКП(б).

А комната эта, Вы помните, получена мной еще до замужества, а он уже после в ней присоседился.

Сержант госбезопасности Непомирайко Е.А.

«Ну вот, – подумал майор Чужак, – все и решилось само по себе с этими лопухами. Теперь забота – обставить все покрасивше. Жаль только, больно рано решилось, теперь новых лопухов по-быстрому надо готовить под списание. Так, глядишь, самое опасное времечко-то и пролетит…

Да, неплохо сложилось! Всех зайцев – с одного ствола: и перед наркомом за героизм сотрудников можно отчитаться, и от лопухов контору прополоть, и Тайный Суд (не дай-то господь!) не потревожить…

Хороший денек, всегда б такие! Теперь можно и отдохнуть мал-мала».

– Эй, Любаня, подь-ка сюда!

* * *

Из многотиражки

«На страже безопасности социалистической Родины»

Как учит товарищ Сталин, даже с полной победой социализма классовая борьба не ослабевает ни на миг, и в условиях этой постоянно обостряющейся борьбы смерть вырывает лучших из наших рядов.

…павшие смертью храбрых при выполнении ответственного задания Родины лейтенант государственной безопасности Иван Негорюев и сержант государственной безопасности Харитон Непомирайко…

Нарком Николай Иванович Ежов давно все и так знал из вчерашнего рапорта майора Чужака. Все было сделано без выкрутасов: одного выбросили в окошко с седьмого этажа, другого оприходовали ломом по голове.

А вот касательно орденов Красного Знамени – это Чужак перегнул. Иди знай, скольких он еще туда отправит, во вражью пасть, – на всех, поди, орденов не напасешься. И народный комиссар, вычеркнув ордена, внизу приписал: «Выделить на похороны каждого по 500 рублей», – и поставил свою наводившую ужас на всех врагов страны ершистую закорючку.

Глава 10
А был ли мальчик? (Кое-что о майоре Н.Н. Николаеве)

«А был ли мальчик*? Может, никакого мальчика-то и не было?»* Майор Н.Н. Николаев не раз задавался этим вопросом Максима Горького применительно к самому себе.

То есть даже, пожалуй, уже и не к себе, а к тому далекому мальчику, который, если он в самом деле когда-то и *был*, носил совсем другие имя и фамилию. Эти имя и фамилию если он и мог вспомнить, то лишь приложив немалые усилия. Забыть их было велено прочно и навсегда еще в далеком 1922 году, когда его под именем Синь Дзю забрасывали в Китай. Тогда даже гипнотизер из Главного разведуправления ВЧК над ним поработал: забудь, забудь, забудь. Но он, пожалуй, все же смог бы вспомнить, если бы постарался и если бы в том была нужда. Да только – зачем? Был, не был – какая теперь, в сущности, разница? Надо ли вспоминать?

Но, по законам природы, он, конечно, *был*, ведь из какого-то же, в конце концов, мальчика потом вылупился, как гусеница из личинки, тот восторженный юноша, который вспоминался уже легче.

Тот юноша сразу же влюбился в российскую революцию и бредил революцией в мировом масштабе; именно такие юноши тогда и нужны были разведуправлению. Уже в 1919 году произошла его встреча с товарищем Петерсом[5], который и предложил тому юноше раздувать мировой пожар вместе.

Согласился ли юноша? Да он был просто счастлив! Так гусеница превратилась в бабочку.

Помнит ли бабочка о своей жизни в виде гусеницы? Интересный вопрос!..

Первым наименованием этой бабочки стало китайское имя Синь Дзю. Потом она сменит много всяческих имен, пока не обретет нынешнее – Н.Н. Николаев (почему-то именно так, «Н.Н. Николаевым», даже в мыслях теперь называл себя майор).

Стать китайцем? Пожалуйста! В чертах юноши было что-то монголоидное, да еще профессор-хирург постарался: увеличил косину глаз и желваки на скулах – и чем вам не китаец Синь Дзю, родом из северных провинций, владелец обувной лавки в Харбине?

А что осталось в облике новоиспеченного китайца от того

юноши? Да почти ничего, кроме разве белых зубов и зорких карих глаз.

Ну да все зубы ему выбили во время допросов в японской контрразведке. Впрочем, у нынешнего Н.Н. Николаева зубы тоже были белые, ровные – но только такие же, как сам Н.Н. Николаев, искусственные.

А от тех двух глаз остался только один – другой потерял в Сигуранце[6], куда его, румынского гражданина по фамилии Петреску (еще несколько взмахов хирургическим скальпелем – и чем уже не румын?), – куда этого самого Антонио Петреску, мелкого предпринимателя, забрали по подозрению в шпионаже. Вот один глаз после этого и вытек.

Мало кто знал, что на месте правого глаза у майора Н.Н. Николаева – искусно, за большие деньги сделанный для него в Париже протез. То есть не для Н.Н. Николаева, конечно, и не для Антонио Петреску, а для журналиста парижской «Le Figaro» Эжена Деню.

Вот этот самый Эжен Деню после некоторых событий и стал в конце концов материалом для изготовления из него майора Н.Н. Николаева. Потому что злосчастный Эжен Деню где-то прокололся и был заподозрен в связях с Коминтерном. Его адвокатам удалось доказать, что все это пустые наветы, но дело получило широкую огласку, фотографии Эжена тогда, в 1936 году, появились во многих газетах, не только французских, и в Центре решили, что больше данной бабочке ни по каким заграницам порхать нельзя, пускай отныне работает в Москве. Даже предложили самому выбирать, в каком отделе ему, новоиспеченному Н.Н. Николаеву, теперь работать.

К счастью, он не захотел больше работать по части разведки, а предпочел контрразведку. К счастью – потому что вскоре тех, кто был связан с разведкой, здесь, в Москве, начали методично отстреливать. Были расстреляны и Петерс, и Артузов[7], и Карахан[8], и многие, кто рангом пониже. Не обошла участь сия даже многих нелегалов, которых Н.Н. Николаев лично знал: их под каким-либо предлогом вызывали в Москву и здесь ставили к стенке. Из знакомых ему разведчиков, кажется, один только Рамзай[9] и уцелел, да и то лишь потому, что по вызову, на что-то сославшись, не прибыл в Москву.

Творилось нечто необъяснимое: ведь во всех странах мира берегут свою разведку как зеницу ока, а тут… Он, Н.Н. Николаев, как и тот ушедший в небытие пылкий юноша, по-прежнему горячо любил страну Великой революции, но понимал, что в ней творится что-то не то. Он искал для себя какие-то объяснения, и иногда казалось, что находил. Например, такое: разведка была

тесно связана с Коминтерном, вот после расстрела Зиновьева[10] взялись и за нее.

Но тогда возникал вопрос: ну а Зиновьева (которого, к слову, Н.Н. Николаев терпеть не мог за крикливость и барские замашки), – его-то за что? Его показаниям на суде Николаев не верил, ибо хорошо знал, как такие показания здесь, на Лубянке, подчас добываются.

Хотел, понимаете, Ленина убить, убийство Кирова самолично готовил… Чушь!

И других, того же ранга, что и Зиновьев, – их-то за что?

Ну, допустим, за всем этим стояла *высшая политика*, с которой разведчик должен просто смиряться и принимать как объективную данность, не его это уровень; но простых людей, да еще в таком количестве, их-то – почему? Н.Н. Николаев дал для себя такое объяснение: во многом все потому, что в «органы» пробралось много всякого дерьма, наподобие работающего этажом ниже майора Чужака, или убиенного недавно старшего майора Буциса, или даже недомерка Ежова с его «незаконченным низшим»; вот это дерьмо и обстряпывает свои дерьмовые делишки, чтобы выслужиться да еще и помародерствовать при этом. Вообще, когда он попал сюда, в НКВД, воняло тут уже не приведи боже! Когда он, то есть Антонио Петреску, бежал из румынской тюрьмы – а для этого пришлось пробираться через выгребную яму, – даже в тот момент, кажется, воняло не так погано, как тут.

И если высшая политика не его уровень, то убрать дерьмо – уровень вполне подходящий для любого, кто не привык жить среди фекалий. Майор Н.Н. Николаев и не привык, и не желал.

И тогда он, используя свой опыт старого разведчика, начал втихаря собирать материалы на всех мародеров, так уютно пригревшихся здесь. Боже, сколько всего набралось! Даже для притерпевшегося к любому дерьму ассенизатора этого было бы многовато.

Взять, к примеру, Буциса и Ведренку. Мало того, что мародеры, занимавшиеся самым банальным грабежом, так оба еще, как оказалось, и извращенцы. А вот майор Чужак – тот просто мародер, но зато какого размаха!.. А другие-то, другие фигуранты!.. В общем, вляпался майор Н.Н. Николаев в целую кучу *этого самого*.

Теперь надо было решать, что со всем этим делать. Publier? [11] Ха-ха! Чай, не в Париже живем! Здесь и слов-то подобных не существует.

Положить папку с их делами на стол к Ежову?

Такая же глупость. План по посадкам они все выполняют,

даже с лихвой, поэтому все их прочие художества наркома лишь позабавят слегка. Вот если бы в каком-нибудь троцкизме были замешаны… Увы, тут они как младенцы чисты.

Существовал еще один вариант, казавшийся самым выполнимым: попросту отстрелять втихую всех этих сволочей. А что? Он бы запросто сумел, дело для него знакомое, в Бухаресте вон генерала одного пристрелил. Правда, то было по заданию Центра, а тут придется действовать по собственному произволу; ну да какая разница: пуля – она не ведает, по чьему приказу летит.

На их место придут другие, такие же…

Что ж, можно потом – и тех.

Не слишком ли много их для него одного?..

А почему, собственно, для одного? Вон, и П.П. Петров, и А.А. Александров – он это знал – думают о тех мародерах примерно так же, как он, и доверял он им полностью; почему бы и не поделиться с ними мишенями?.. А что, эти, пожалуй, и согласятся.

Все равно мало? Наверняка найдутся в этих стенах и другие, подумывающие о том же. Отыскать их – вполне решаемая задача для разведчика.

Были тут, правда, и свои минусы. Если чекистов станут отстреливать, как зайцев, то НКВД начнет хватать тысячи невинных людей уже по этому делу, и в их смерти будет виноват уж точно он, майор Николаев Н.Н. Из-за сотни мерзавцев погибнут тысячи невиновных, и всё из-за него. Чем он тогда лучше Чужака какого-нибудь?..

В тот день, когда майор прочитал в сводке о том, как высокохудожественно были убиты Буцис и Ведренко, он подумал: «Молодцы ребята! Значит, кто-то решился раньше меня».

А до Буциса и Ведренки были Капралов и Цыганков, тоже весьма замысловато убитые, но тогда он, Н.Н. Николаев, решил, что это какой-то случайный, одноразовый эпизод.

Нет – оказалось, не эпизод! Безусловно, тут действовала хорошо подготовленная группа. Еще тогда он подумал, что неплохо бы самому влиться в нее.

Найти эту группу?.. Что ж, при его навыках задача вполне посильная…

И вот теперь копия письма этого самого Призрака к наркому Ежову лежала у него на столе.

Как добыл?

О, и не такое когда-то, поди, добывали!..

Значит, Тайный Суд существует, в этом Н.Н. Николаев теперь уже нисколько не сомневался.

Самому войти в него? Но в этот Суд, насколько он откуда-то знал, можно попасть лишь по праву происхождения. Увы, у Н.Н. Николаева, вообще почти уже не помнящего о своем происхождении, такого права не было.

Да и зачем ему туда? Ребята и так покамест делают то, что надо. Не мешать им – и все дела. Ну и оберегать их, конечно, от своего же ведомства.

Но сперва, ясное дело, надо узнать, кто нынче в этом Тайном Суде состоит. И тут у него, кажется, были кое-какие зацепки, благодаря особому свойству его памяти: она умела вдруг из кучи всякого накопившегося хлама выуживать лишь то, что относится к интересующему его вопросу, а уж он, Н.Н. Николаев, в свою очередь, умел составить из этих звеньев необходимую цепь.

…миссис Сазерленд…

…фиктивный брак с британским заводчиком…

…встречалась с неким истопником Васильцевым…

…Васильцеву почему-то вдруг вернули паспорт, который перед тем уже отобрали…

…больше не ходит в свою кочегарку, хотя и числится…

…с некоторых пор живет безбедно, хотя зарплаты больше не получает…

…лежа в больнице, бормотал в бреду: «палка», «камень» и что-то еще…

Да, кое-что, кажется, складывалось!

Он придвинул к себе телефонный аппарат, набрал двузначный номер и сказал в трубку:

– Наблюдение с миссис Сазерленд снять. И еще: добыть все, что касается истопника Васильцева Юрия Андреевича. Срочно. И мне на стол.

А положив трубку, вдруг произнес вслух:

– Митенька…

Да, именно так звали того мальчика – если он, мальчик, конечно, был.

А может, мальчика-то и не было?..

Глава 11
Нападение

Ударивший сверху луч софита взрезал кромешную тьму, и, оказавшись в снопе света, человечек, сидевший внизу, загремел цепями, затрепыхался в своем кресле, подняться с которого не мог – руки были прочно прикованы к подлокотникам. Зал тут же притих, и в наступившей тишине можно было даже услышать затравленное дыхание подсудимого. Постепенно начал высветляться и зал – так бывает в кинотеатре по окончании сеанса, только там не бывает подобной тишины. Источник этого рассеянного света находился позади судей, поэтому из зала можно было разглядеть только контуры их фигур, но если бы кто-то из сидевших в зале обернулся, то увидел бы три их огромные тени, выросшие на задней стене.

Это было уже пятое заседание, в котором Юрий за полгода с лишним своего пребывания в составе Тайного Суда принимал участие, но и сейчас он испытывал некоторый трепет перед собственной тенью, вместе с двумя другими возвышавшейся над крохотным человечком, трясущимся в снопе яркого света. Огромность этой тени, как объяснил ему Домбровский, воплощала величие Справедливости, и Васильцевым до сих пор одолевали сомнения – достоин ли он сам, простой смертный, этой тени своей. Четвертая тень в остроконечном капюшоне, расположенная поодаль, тень палача Викентия, была еще больше. Трудно сказать, что могло вызвать больший трепет – пурпурный цвет этого капюшона или его огромное черное отображение на стене. Оно воплощало собой то, что последует в итоге: неизбежность Торжества Справедливости.

Должно быть, маленький человечек, пойманный и пригвожденный к креслу лучом софита, тоже почувствовал это каким-то краешком души, ибо, на миг обернувшись и увидев возвышавшиеся тени палача и трех судей, тотчас перестал дергаться, сник, притих.

Пока председательствующий, Домбровский, не поднялся со своего места – он всегда делал это далеко не сразу, видимо, дабы дать возможность присутствовавшим ощутить все величие и торжественность того, что здесь и сейчас должно произойти, – Васильцев, восседавший по правую руку от него, стал вглядываться в лица тех, кто сидел в зале.

Их было не много, человек пятнадцать, взоры у всех потуплены, лишь иногда кто-нибудь из них нет-нет да бросит

украдкой взгляд на застрявшего в луче света, потом, обернувшись, – на тени. Длится всего один миг, ибо он тотчас же отведет и опустит глаза. То были *поднадзорные*. Каждый из них уже однажды сиживал в том освещенном кресле, что между судьями и залом, потому знал по собственному страшному опыту, какие чувства испытывает этот, сидящий там нынче. Все они были когда-то осуждены Тайным Судом, однако ввиду тех или иных обстоятельств осуждены с отсроченным исполнением приговора, которое в случае их надлежащего поведения могло никогда и не состояться. Однако, дабы ни один из них ни на миг не забывал о недреманном оке Тайного Суда, с этой поры каждый обязан был присутствовать на всех заседаниях Суда и, созерцая нависшую над ним остроконечную тень Викентия, ощущать дыхание Истинного Правосудия.

Лица некоторых были знакомы по снимкам в газетах. Вон тот, в первом ряду – важный работник Наркомата путей сообщения, а тот, сидящий за ним, с напряженным лицом, неморгающими совиными глазами – из Речного наркомата, недавно за Беломорканал орден получил. А того, из Наркомпроса, Васильцев знал и без газет: не раз приезжал к ним в университет наставлять на путь истинный профессоров и студентов, особо выделяя при этом «нравственную упругость рядов». Вон тот, широкоплечий, бритый наголо, с бугристой головой – крупный военный чин, а тот, с лицом, бурым, как огнеупорный кирпич, – Панасенков, заместитель самого наркома Ежова. Во время первого заседания Суда Юрия больше всего удивило, когда увидел вон того, в пиджаке поверх подпоясанной кушаком косоворотке á la Максим Горький, с открытым, располагающим лицом, доводилось слышать его выступления о любви к детям в частности и о пролетарском гуманизме вообще. Решил было, что тут какая-то ошибка. Но потом, когда ознакомился с материалами дела, когда прочел показания тех, кто чудом выжил после всего этого кошмара, его, Юрия, чуть не вырвало.

Домбровский тогда спросил:

– А что, собственно, милый мой, вас так сильно удивляет? Высокое положение всех этих людей? Тут нет ничего удивительного. Назову, по крайней мере, две причины. Первая: люмпенами наш Суд занимается лишь в последнюю очередь, всегда есть некоторая надежда, что когда-нибудь их изловит и пролетарская милиция, для чего-то же все-таки существующая, а к этим она не посмеет и близко подступиться. А вторая: темные времена, наподобие нынешних, всегда взбивают, как пену, наверх, на самый гребень жизни, всякую грязь, и когда бы не Тайный Суд, они были бы совершенно неуязвимы. Я, конечно, имею в виду –

неуязвимы по тем делам, которые рассматривает наш Суд; в остальном-то их жизни все равно висят на тончайшем волоске, так что и утруждать Викентия нет никакой надобности. Взять хотя бы того же Панасенкова; могут ли быть сомнения, что он вскоре отправится вслед за благодетелем своим, за железным наркомом?

– А что, Ежова – уже?.. – удивился Васильцев. – Я не слышал.

– Услышите, непременно услышите. Просто иначе не может быть, таково уж правило того, кто ведает этим котлом, – сбрасывать всплывшую грязь, чтобы дать место для новой, готовящейся к всплытию.

К нынешнему процессу Юрий уже сильно поутратил способность чему-либо удивляться и, глядя на зал, пытался лишь представить себе, что творится в душах этих вершителей чужих судеб сейчас, когда судьбы их самих или им подобных взвешиваются на чаше весов.

Однако не слишком ли долго на сей раз безмолвствовал председательствующий? Васильцев перевел на него взгляд. Выражение лица у того было несколько отрешенное, он явно думал не о процессе, а о чем-то своем. Быть может, Васильцев и не отметил бы всего этого, когда б не те смутные намеки, скрытые за недомолвками, проскользнувшие при их разговоре, что случился две недели назад.

Юрий тогда в очередной раз поинтересовался, не найден ли наконец Куздюмов, процесс над которым уже второй месяц откладывался, ибо сразу после убийства Дашеньки этот мерзавец исчез, словно в воздухе растаял. У Юрия все еще была слабая надежда, что, получив показания истинного оборотня, как-то удастся снять с профессора Суздалева хотя бы это нелепое обвинение.

Однако после его вопроса лицо председателя помрачнело, и он сказал:

– Боюсь, мы потеряли этого негодяя.

– И куда же он мог, по-вашему, скрыться?

Домбровский, чуть помедлив, ответил:

– Полагаю, «скрыться», то есть *сокрыть себя*, он не мог. Один-то раз он, конечно, перехитрил Викентия, но вторично подобный номер у него бы ни за что не прошел. Если верны мои наихудшие подозрения, то его скорее *сокрыли* от наших глаз.

– Думаете, все-таки милиция постаралась?

– Да какая, к черту, милиция! – отмахнулся Домбровский. – Когда б милиция – мы бы от своих поднадзорных знали о том через полчаса. Нет, боюсь, что тут постаралась совсем другая

сила, и не дай господь, если я прав.

Какая могла быть такая сила, которая была не по зубам Тайному Суду? Васильцев ждал, что Домбровский даст пояснения, однако тот неожиданно перевел разговор совсем на другую тему. Неожиданно задал вопрос:

– Скажите, друг мой, с момента нашего знакомства не случалось ли с вами что-нибудь странное? Помимо, разумеется, вашего участия в деятельности Суда.

В тот миг Юрий подумал о Кате – пожалуй, странным было и ее появление в его жизни, и это ее таинственное исчезновение. Но о Кате Домбровский едва ли мог знать, а Васильцев не считал нужным ему рассказывать, хоть что-то же от своей жизни он имел право оставить самому себе.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

Домбровский замялся.

– Ну, например, слежку за собой не замечали?

– Да нет.

– Что ж, хорошо. Впрочем, это ни о чем не говорит – вы еще недостаточно опытны, чтобы ее заметить… И о нашем сообществе никогда никому не сообщали? – Домбровский задержал на нем пристальный взгляд.

– Нет… – Это была если и не полная правда, то и не совсем ложь, ибо виновен был только в рассеянности, из-за которой Катя могла обнаружить то письмо.

– Ладно, – кажется, поверил ему Домбровский. – А не было ли чего-либо угрожавшего вашей жизни? Я имею в виду самые случайные события – упавшую с крыши сосульку, пищевое отравление, шпану, напавшую из подворотни, или, там, не притормозивший на переходе автомобиль.

Да, шпана нападавшая была, но это опять же было связано с Катей, поэтому Васильцев сказал:

– Нет, ничего подобного.

– И тем не менее, – сказал Домбровский, – прошу вас, будьте как можно осторожнее…

Вот и Катя тоже перед расставанием почему-то призвала его к осторожности. Сговорились они, что ли?!

Домбровский спросил:

– Кстати, мой друг, как у вас дела с физической подготовкой?

Этой подготовкой – рукопашным боем и всяческими приемами борьбы – Юрий занимался ежедневно под руководством Викентия и благодаря своему рвению немало в этом преуспел. Занятия эти помогали хоть как-то заполнить пустоту, образовавшуюся после Катиного загадочного исчезновения. Когда бы не эти уроки, мир без Кати был бы вовсе

бессмыслен, как тряска в поезде, выпавшем из всех расписаний.

Он ответил Домбровскому, что с подготовкой все в порядке.

– Это замечательно, – кивнул тот. – В особенности при нынешних обстоятельствах.

Что за обстоятельства имел он в виду? Взгляд Юрия был красноречивее вопроса, но ответ озадачил его еще больше:

– Просто на всякий случай. Озаботься ваш покойный отец когда-то этим, то, может, был бы жив до сей поры. Всегда может случиться что-то такое, чего не предусмотришь. И отчего-то у меня такое предчувствие, что именно сейчас надо быть готовым к любому непредвиденному случаю.

Какой же такой «непредвиденный случай» мог привидеться Домбровскому? Юрий кожей чувствовал приближение чего-то чрезвычайного, – но вот только чего? На сей счет оставалось лишь теряться в догадках – от избыточного любопытства Домбровский его с самого начала предостерег.

Вот и сейчас, медля с началом процесса, он, похоже, думал о том самом, надвигающемся. Да и не он один. Вон и Борщов, чуть приопустив свою асимметричную голову, явно пребывал в несвойственной ему задумчивости. И Викентий смотрел вовсе не на подсудимого, а в некую неведомую даль, будто в ней ища ответы на какие-то свои вопросы…

Мысли Васильцева прервал визг подсудимого, вдруг рванувшегося на своем кресле:

– Вы… вы не имеете никакого права! Вы ответите за самоуправство!

При этих словах лица кое у кого из сидевших в рядах подернуло некое подобие ухмылки. Юрий догадывался, что они уже не раз слышали подобные вопли, а иные и сами, сидя в том кресле, вопили то же самое.

Поскольку лишь тишина была ему ответом, подсудимый уже не прокричал, а проскулил:

– Позвоните по номеру бэ семь двадцать два пятнадцать! Вы… вы не знаете, кто я!

– Ну отчего же не знаем? – нарушил наконец тишину спокойный голос Домбровского. – Вы – подсудимый Урюпник Семен Герасимович, тысяча восемьсот девяносто седьмого года рождения, работающий в Управлении народных театров, не так ли?

– Не только в Управлении! – вклинился этот самый Урюпник. – Я еще и добровольно сотрудничаю с органами!

– Ясно. По зову сердца, – вырвавшись из задумчивости, довольно желчно произнес Борщов.

– Да, по зову, – не уловив желчи в его голосе, подтвердил подсудимый.

– Однако ни пристрастия вашего сердца, – сказал Домбровский, – ни ваша деятельность на поприще народных театров не имеют к делу отношения. Вы обвиняетесь в целом ряде преступлений, отчего и находитесь здесь. В каковой связи сейчас мы заслушаем…

Урюпник не дал ему договорить и возопил снова:

– Права не имеете!.. Бэ семь двадцать два пятнадцать! Позвоните!.. Бэ семь двадцать два пятнадцать!..

И опять невеселые улыбки пробежали по лицам сидевших в зале – зрители не столь давно и сами, видимо, сыпали заветными номерами и уже знали, сколь мало это могло здесь помочь.

– А что за цифрами такими вы тут сыплете? – спросил Домбровский. – Это что, из какой-то каббалистической нумерологии?

– Это телефон, – с надеждой в голосе проговорил подсудимый. И доверительно добавил: – Телефон приемной товарища Пестрюкова.

– Ах, этого… – брезгливо произнес Домбровский. – Не вижу никакой необходимости ему звонить, ибо, полагаю, он вскоре предстанет здесь перед нами собственной персоной. Однако нынче речь идет о вас. – Он обратился к Борщову: – Итак, слушаем.

Борщовская тень с асимметричной головой приподнялась на задней стене.

– Итак, – начал Борщов, – находящийся перед нами гражданин Урюпник Семен Герасимович обвиняется в убийстве вдовы Серафимы Ильиничны Долинской, каковое произошло…

– Прошу заметить – вдовы расстрелянного врага народа! – вклинился Урюпник. – Ее муж, вражина, был…

Председательствующий остановил его:

– Нам известно. Это преступление, я разумею расправу над гражданином Долинским, совершило, увы, государство, не в нашей компетенции судить за него, тут уж виновных, надеюсь, когда-нибудь осудит история. Пока что речь же идет лишь о преступлении, совершенном лично вами. – Он кивнул Борщову: – Мы слушаем.

– …каковое произошло, – продолжал тот, – десятого числа прошлого месяца с целью вселения в квартиру жертвы…

– Квартиру все равно передали бы мне, товарищ Шумихин лично обещал! – снова перебил его подсудимый, однако Борщов, оставив эту реплику без внимания, невозмутимо продолжал:

– …а также с целью присвоения принадлежащего ей

имущества, а именно: шубы каракулевой, шапки из песца, ридикюля из кожи… Ваша честь, тут длинный перечень, думаю, не стоит затягивать процесс перечислением…

– Все равно пропало бы! – опять встрял Урюпник. – Ее бы все равно не сегодня завтра на Колыму, там каракулев носить бы не дозволили.

– Суд пока не предоставлял вам слова, – заметил председательствующий и обратился к Борщову: – Пожалуйста, поподробнее – что же произошло?

– Да, ваша честь… В упомянутый мною день жертва вернулась в свою квартиру и обнаружила там подсудимого Урюпника и его супругу, по-хозяйски рывшихся в ее вещах. Увидев Дольскую, они повелели ей катиться прочь, покуда цела, а когда жертва попыталась хотя бы забрать свои вещи, гражданин Урюпник нанес ей удар…

И снова Урюпник не выдержал:

– Старая карга сама упала в обморок и стукнулась об угол стола!

– Да, да, – подтвердил Борщов, – именно так вы объяснили случившееся милиции, кою ваши объяснения всецело удовлетворили. Однако «угол стола», о котором вы тут изволили говорить, отчего-то по форме полностью совпал с кухонной тяпкой, обнаруженной там же, на кухне.

– Случайно! Все вышло случайно! – взвизгнул Урюпник. – Я потом пытался ей помочь!

– И надо сказать, весьма своеобразно пытались, – сухо проговорил Борщов. – По имеющимся у нас данным, жертва скончалась вовсе не от удара тяпкой, от которого лишь потеряла сознание, а от асфиксии, то есть от удушения, по-русски говоря. Не хотите ли вы, Урюпник, убедить нас, что оттиски ваших пальцев у нее на горле появились, когда вы делали ей искусственное дыхание, а крик вашей супруги: «Сема, души ее, стерву!» – был призывом оказать эту помощь?

– Это… – пробормотал Урюпник. – Я плохо помню… Это было как во сне… Старая карга…

– Жертва, – поправил его Домбровский.

– Она оскорбила меня. Эта старая… жертва… она назвала меня…

– Мародером, – подсказал Борщов. – По свидетельству соседки, именно так. И вы хотите сказать, что это (весьма, кстати, точное) обозначение ваших действий привело вас в состояние аффекта?

– Чего?

– Аффекта, то есть крайнего душевного волнения.

– Ну…

– Баранки гну! – как-то совсем по-базарному рявкнул Борщов, что было здесь совершенно неуместно, однако под взглядом председательствующего тут же прокашлялся и прежним ироничным тоном продолжил: – В таком случае, следует заметить, что подобное состояние аффекта посещает вас всякий раз при виде того, что плохо лежит. Так… – Он заглянул в какую-то бумагу. – Так, три месяца назад, изымая у вдовы арестованного накануне гражданина Иверцева перстни с драгоценными камнями (кои, замечу, все пять до сих пор красуются на пальцах вашей жены и дочери), вы в этом состоянии удушили ее при помощи бельевой веревки, после чего на той же веревке и повесили ее в клозете. И в том же, вероятно, крайне взволнованном состоянии засунули головой в духовку кухонной плиты дочь гражданина Жерденко и пустили газ. О чем бишь там шла речь?.. Да, вот! О ее комнате, которую затем незамедлительно заняла ваша младшая дочь Елизавета.

– Лизка замуж выходила… – пролепетал Урюпник. И, рванувшись, возопил: – Бэ семь двадцать два пятнадцать! Позвоните, вам скажут! Прошу!..

Однако председательствующий ударом молотка оборвал его вопли и провозгласил:

– Суд удаляется на совещание.

В совещательной комнате к Юрию опять вернулось предчувствие чего-то недоброго, прерванное было ходом процесса. Нет, вовсе не о приговоре думали сейчас и Домбровский, и Борщов, почему-то прикрывавший обеими руками свою неровную, остроконечную голову, и сидевший, как всегда, поодаль от остальных с каменным выражением лица Викентий, – о чем-то другом, далеком от этой комнаты.

– Итак, – произнес Домбровский, – вина этого… как его?.. – Подобная забывчивость никак не была свойственна ему, памятью обладал отменной.

– Урюпника, – подсказал Юрий.

– Да, да, Урюпкина… доказана, полагаю, полностью. Посему… – И вдруг, в упор взглянув на Борщова, спросил: – А что это у вас, сударь, с головой?

– Так, мелочи жизни, – осклабился тот и нехотя убрал руки.

Взору всех предстала заклеенная пластырями огромная пунцовая шишка у него на лысине.

– Сосулька, – пояснил он. – Когда б не шапка – вообще бы хана!

– Понятно… – протянул Домбровский, затем перевел взгляд

на Викентия: – А с вами-то что? Я заметил, что вы изрядно прихрамываете. Тоже мелочи жизни?

– Ну, в общем… – ответил тот чуть смущенно и пояснил: – Во дворе налетела шпана какая-то.

– На вас? – удивился Юрий. Удивляться было чему: один вид Викентия, как ему казалось, отбил бы охоту у любой шпаны связываться с ним.

– Да вот… – сказал Викентий, словно бы оправдываясь. – Их человек десять было… Ничего, теперь всю жизнь на лекарства будут работать… Только один, зараза, успел меня трубой по колену зацепить. И со спины все пальто ножами исполосовали гады.

– Ножами, трубой… – задумчиво отозвался Домбровский. И проговорил в сердцах: – Я же предупреждал – сейчас надо соблюдать максимальную осторожность! – С этими словами он достал упаковку какого-то порошка и высыпал на язык. За нынешний день он это проделывал уже не в первый раз.

Борщов спросил услужливо:

– Водички запить? – и потянулся к графину.

– Нет-нет, я так. Это надо – без воды. Старинное снадобье, известное еще иезуитам… От пищевых отравлений…

– Также применявшееся, по-моему, при отравлении мышьяком, – вставил Борщов.

– Да, вы правы, – пристально глядя на него, проговорил Домбровский. – Видимо, сосиски были со склада, где так неудачно мышей травили. К счастью, этот камень в моем перстне реагирует на яды, я вовремя успел заметить, что он весь посинел.

Борщов и Викентий лишь молча переглянулись, а Юрий вспомнил не столь давние слова Домбровского. Тот как раз упоминал и сосульку, и нападение шпаны, и отравление. Теперь было ясно, что не попусту он его предупреждал.

– И еще, Викентий, у меня к вам вопрос, – после паузы сказал Домбровский. – Случаем вы не слышали от ваших поднадзорных такое имя – Призрак?

– Вроде нет…

– А вы, Борщов?

– Да нет, я б запомнил.

– А кто такой? – спросил Викентий.

– Так… Просто одна мысль прорезалась, – неопределенно ответил Домбровский. – Однако же мы сильно отвлеклись, приступим все-таки к делу. Надо, наконец, что-то решать с этим Урюпкиным… Впрочем, не мешает нам пока сделать небольшой перерыв…

На время перерыва Викентий отправился охранять

подсудимого, а Борщов отпросился сходить домой покормить кота Прохора («Он у меня аглицкой породы, это вам не шахтер-стахановец, ему режим питания нужен»), и Васильцев, оставшись с Домбровским наедине, решил повторить свою попытку как-то вызволить профессора Суздалева.

Первую попытку он совершил пару месяцев назад самостоятельно. К этому времени он уже обзавелся двумя личными поднадзорными (один служил в прокуратуре, другой в НКВД) и намеревался с их помощью организовать профессору побег. Те, однако, по подлой привычке тут же настучали обо всем Домбровскому, и уже на другой день председательствующий выговаривал ему, Юрию:

– Вы, молодой человек, хоть отдаете себе отчет в своих действиях? Наше дело – лишь вершить беспристрастный суд, мы не вправе использовать мощь Тайного Суда даже во благо самых близких людей. Бывали случаи, когда кое-кто нарушал это правило, и поверьте, ни к чему хорошему это не приводило. Так, один член Тайного Суда во время Великой французской революции отбил своего друга, которого уже везли на гильотину, – и что в результате? В ответ на это по требованию Робеспьера в тот же день было казнено еще сто человек, якобы участвовавших в похищении. Такое случалось и позже – в Турции во время резни армян, совсем недавно, уже при Гитлере, в Германии, и каждый раз это приводило к неисчислимым жертвам. Нет, нет, на подобное мы не имеем ни малейшего права, таково было незыблемое решение наших отцов-основателей. Единственное исключение – если беда настигнет кого-либо из членов Тайного Суда, тут уж мы прилагаем все усилия, и эти усилия до сих пор всегда приносили успех. Но это не означает, что у вас в руках джинн из волшебной лампы, к услугам которого вы можете прибегать по первому хотению. И не думайте, что мы совершенно неподконтрольны. Наше отделение постоянно контролируется из Центра; мало того, как я недавно узнал, скоро грядет очередная проверка, и мне меньше всего хотелось бы, чтобы именно сейчас…

То, что грозный председатель Тайного Суда боится каких-то там проверок, несколько уронило его в глазах Васильцева. Во всяком случае, сам он, Юрий, никаких проверок не страшился – ну вышвырнут из судей, и шут с ними, не повод, чтобы отступаться от друга, попавшего в беду. Не переча Домбровскому, для себя он тогда решил, что попыток спасти Суздалева не оставит, только действовать будет осторожнее. Но Домбровский, видимо, угадав его мысли, покачал головой:

– Эх, по глазам вашим вижу, что от своего не отступитесь!

Ладно, что с вами делать, постараюсь помочь. Только дайте мне срок, месяца полтора-два.

К нынешнему дню этот срок уже вышел, и Юрий спросил напрямую, что там с профессором. Однако по взгляду Домбровского понял, что хороших новостей пока нет.

– Потом, потом! – замахал рукой председательствующий. – Вон, я слышу, Борщов уже вернулся, так что – продолжим.

Когда все снова расселись по местам, Домбровский спросил:

– Ну так что решим с этим Урюпкиным?

– Урюпником, – снова подсказал Борщов.

– Да, да, Урюпником… – Он повернулся к Васильцеву: – Итак, Юрий Андреевич, на сей раз послушаем вас. Каково будет ваше заключение?

Впервые ему предоставляли слово перед вынесением вердикта, что, правда, могло объясняться не только доверием, но еще в большей степени погруженностью остальных в размышления о чем-то ином. Юрий изо всех сил постарался отрешиться от посторонних мыслей – как-никак решался вопрос о жизни человека, даже если с трудом можно было назвать человеком эту мразь.

Поднявшись, он сказал:

– Нет сомнений, что подсудимый совершил отвратительные преступления, за которые, безусловно, заслуживает лишь одного приговора: смертной казни.

Борщов и Домбровский кивнули рассеянно, а Викентий уже начал было натягивать на голову свой пурпурный капюшон.

Между тем Васильцев вспомнил этого мерзкого паука, сидевшего, как в стеклянной банке, в снопе света. Даже самый гадкий и ядовитый тарантул, посаженный в банку, перестает быть опасным.

– Однако… – произнес он, и все посмотрели на него уже с любопытством. А он вдруг на секунду почувствовал какой-то подленький сердечный трепет – не свой, а гаденького человечка, прикованного к креслу. – Однако, – тверже сказал Юрий, – этот Урюпник – последний трус и, как все трусы, может творить злодеяния лишь до тех пор, пока не окажется, как сейчас, на свету. Уверен, что отныне он не решится ни на что подобное. Поэтому мое заключение…

* * *

– …к смертной казни, – произнес председательствующий и ударил молотком.

Человечек, застрявший в луче софита, слабо взвизгнул и опал в кресле. Теперь это был тарантул с оторванными лапами, лишенный яда.

Выдержав паузу, председательствующий снова ударил молотком и продолжил:

– Приговор считать условным, оставив осужденного под надзором Суда.

Но последних слов приговоренный уже не слышал, он был в глубоком обмороке.

Свет софита погас, подручные Викентия отцепили кандалы и понесли из зала обмякшее тело.

– А вы растете как судья, – вполголоса сказал Юрию Домбровский. – Вы пришли к верному решению, из вас выйдет толк. Что касается остального, то, надеюсь, у нас еще будет время поговорить.

* * *

Из здания Суда, которым на данный случай послужило здание якобы закрытого на ремонт кинотеатра, расходились, как того требовали правила, порознь. Это здание числилось находящимся в ремонте вот уже несколько лет; в действительности никакие ремонтные работы тут не велись, и все годы оно являлось главным местом заседаний Тайного Суда. Когда-то Васильцев спросил Домбровского: неужто никто так и не удосужился поинтересоваться, что здесь на самом деле происходит – как-никак самый центр Москвы. И вообще, почему их еще не обнаружили – в конце концов, не из одних же «поднадзорных» НКВД состоит.

Домбровский ответил:

– Тут вовсе не в «поднадзорных» дело. Вы помните изречение Гёте: «Вижу то, что знаю»? В этом смысле мы – абсолютные невидимки для них: они не только о нас не знают, но и не желают знать. Раскрывают столько подпольных организаций, существующих лишь в их больном воображении, что уже недостает фантазии представить себе нечто эдакое, существующее во плоти. Парадокс в том, что мы тем неуязвимее, чем сильнее их рвение.

Постепенно Васильцев тоже уверовал в свою невидимость, и тогда исчез тот липкий, не проходящий страх, накрывший собою всю страну.

Но что же тогда могло нынче так сильно встревожить Домбровского? Переходя улицу, Юрий опять вспомнил его столь

буквально сбывшиеся предостережения. Сосулька, шпана, отравление – да, все это уже случилось. От чего, бишь, он там еще предостерегал?..

И в этот самый миг его ослепил свет фар. Прямо на него на бешеной скорости мчался автомобиль.

Глава 12
Ыш абарак бузык

Движение опередило разум – даром не прошли навыки, полученные от Викентия. Юрий, как тот учил, стремительно выхватил из кармана пригоршню мелочи и изо всех сил метнул ее в сторону автомобиля. Звук был такой, словно по машине прошлась пулеметная очередь.

Ветровое стекло обрушилось, автомобиль вильнул вбок, врезался в афишную тумбу и протяжно, на одной ноте завыл. Вой происходил оттого, что водитель безжизненно повалился лицом на клаксон. Человек, сидевший рядом с водителем, пытался открыть заклинившую дверцу, но это у него никак не получалось.

Васильцев понял, что человека этого надо во что бы то ни стало задержать и отвести к Домбровскому – возможно, у него удастся что-то выпытать. С этой мыслью он не спеша обошел автомобиль, чтобы зайти сзади, – как учил Викентий, торопиться в подобных случаях не следовало: именно неспешность дает противнику ощутить твою силу и собственную обреченность, а торопыги как раз и напарываются на ножи.

Автомобиль этот (кстати, без номеров) представлял собой странное зрелище. С одной стороны, это был могучий черный «роллс-ройс», на каких ездит только очень большое начальство; с другой – выглядел он так, словно его приобрели в лавке какого-нибудь торговца утилем: правое крыло было какого-то поносно-желтого цвета и явно от другой машины, на крыше приляпана жестяная заплата, вместо одного бокового окна – лист фанеры.

Маленькому человечку, боровшемуся с дверцей, наконец удалось ее немного приоткрыть, и он начал с трудом протискиваться наружу. Вид он имел такой же утильный, как и этот «роллс-ройс»: на нем были какие-то жокейские бриджи, явно подобранная на помойке женская шерстяная кофта нелепо-оранжевого цвета, шляпа, подвязанная ленточками у подбородка, с полями, обвисшими, как уши у спаниеля, ботинок на высунувшейся из-за дверцы ноге давно «просил каши». Даже на некотором расстоянии Васильцев почувствовал, что из машины отвратительно несет помойкой.

Когда это пугало наконец-таки выбарахталось наружу, Юрий, приблизившись сзади, брезгливо взял его за плечо:

– Тебе придется пройти со мной, и давай-ка без фокусов.

Тот начал было валять дурака:

– Да чё, гражданин начальник? Чё сразу «пройдем», мы чё, мы

люди маленькие…

Вдруг вывернулся неожиданно ловко, выхватил длиннющий нож и, издав поросячий визг, кинулся на Васильцева.

Лезвие просвистело у самой шеи. Но после уроков, полученных от Викентия, этот финт не представлял для Юрия никакой опасности. Он отклонился, при следующем взмахе клинка схватил того за запястье и сделал «мельницу». Человечек перекрутился в воздухе, нож отлетел в одну сторону, а сам он – в другую.

С земли он подниматься не стал, лежа плачущим голосом вопросил:

– Справился? Здоровый, да? Хромой – а прыткий, гад! – А когда Юрий стал надвигаться на него, жалостно заскулил, прикрывая небритую, опухшую рожу руками в перчатках с оторванными пальцами: – Не бей, дяденька, отпусти убогого…

– Ну ты, убогий, подымайся, – раздался голос Викентия у Васильцева из-за спины. – Молодцом, все грамотно, – бросил он Юрию и снова прикрикнул: – Ну, встал, быстро!

Внушительный вид палача, служившего до того атлетом-гиревиком в цирке, сразу отбил у этого пугала всякую охоту затевать препирательства, покряхтывая, он встал. Помойкой от него несло просто невыносимо.

– Двигай, – сказал Викентий и подтолкнул его пониже кофты ногой.

«Убогий», заложив руки за спину, понуро двинулся вперед, точно шел на расстрел.

– К Домбровскому? – спросил Юрий.

Викентий кивнул и проговорил в спину пугалу голосом, не обещавшим ничего хорошего:

– Сейчас все выложишь, убогонький.

Тот обернулся, сказал неожиданно весело:

– А вот это дудки, дяденьки. *Ыш абарак бузык!..* – и в следующее мгновение внезапно исчез, как сквозь землю провалился.

Впрочем, он действительно провалился под землю. Там, как оказалось, был открытый канализационный люк, в него-то убогий и соскользнул.

Васильцев машинально едва не нырнул туда вслед за ним, но Викентий его придержал:

– Стой! – и сокрушенно добавил: – Бесполезно. Это все равно что крысу впотьмах ловить. Ушел. Ловкий, гад…

– А что он такое сказал? – спросил Юрий. – На каком языке? – Но в этот момент сзади донеслась запоздалая трель милицейского свистка.

Викентий скомандовал:

– Уходим! – и они скользнули в ближайшую подворотню.

* * *

Когда пришли к Домбровскому, в просторной гостиной, кроме хозяина, находился еще и Борщов, зачем-то сюда явившийся прежде них. Выражение лиц у обоих было напряженное – похоже, Васильцев и Викентий своим визитом прервали какой-то происходивший между ними очень серьезный разговор.

После того, как Юрий поведал о недавнем происшествии, лицо верховного судьи еще более помрачнело.

– Вот, стало быть, как оно все оборачивается… – проговорил он. – Повторите-ка еще раз те слова, что произнес этот ваш убогий.

Васильцев постарался воспроизвести как можно точнее:

– Ыш абарак бузык.

– Вы уверены?

– Совершенно. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Не знаю, не знаю… – задумчиво отозвался Домбровский. – Может быть… Впрочем, я должен посмотреть… Простите, я должен оставить вас ненадолго… – С этими словами он направился к лестнице и поднялся на второй этаж, где был расположен его кабинет.

В этом барском особняке, который каким-то образом достался Домбровскому, Васильцев никогда прежде не бывал и теперь оглядывал роскошество гостиной залы – картины фламандцев на стенах, явно не копии, висящее на коврах старинное оружие, шпаги, мечи, алебарды, фигуры двух рыцарей в доспехах по обе стороны мраморного камина, массивную антикварную мебель, огромную хрустальную люстру под потолком. Вся эта роскошь нисколько его не удивляла, он знал, что тот английский лорд оставил достаточно золота, чтобы все служители Тайного Суда позволили себе жить едва ли не с таким же размахом, – но делать этого не следовало, особенно здесь, в СССР, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Да его, Юрия, нисколько и не тянуло к столь роскошной жизни, вполне довольно было того, что мог оставить работу в котельной, купить костюм поприличнее и, не ограничивая себя, приобретать какие угодно книги. Однако Домбровский, пользуясь положением *свободного художника* (что сие означает и в какой области он художник, Юрий так пока и не уразумел), имел возможность позволить себе такое вот барское

житье.

– Да, живут же люди! Себе б так, а? – обращаясь к Юрию, спросил Борщов, завидущими глазами оглядывая убранство огромной залы.

Аскетичный во всем Викентий косо посмотрел на него. Васильцева тоже этот Борщов не больно к себе располагал, скользким каким-то казался и очень уж был не равнодушен ко всякого рода добру, всегда, впрочем, довольно безвкусному. Однажды Васильцев зашел по делам Суда в его двухкомнатную квартиру (тоже, кстати, немалое диво по нынешним коммунальным временам) и поразился нелепейшему нагромождению всяческих вазочек, шкатулочек, фаянсовых слоников на комодах, толстозадым лепным амурчикам на потолке, китайским ширмочкам, розовым шелковым занавесочкам на окнах – так, по его представлениям, скорее должен был выглядеть номер в каком-нибудь провинциальном борделе.

Тут, скорее всего, наложило свой отпечаток трудное детство будущего грозного судьи. Борщов сам не скрывал того, что был он сыном гулящей девицы, нажитым ею от заезжего офицера, с малых лет хлебнул лиха – рос в приюте, служил приказчиком в захудалой лавчонке, половым в дешевом трактире, там был пойман на краже, бит и изгнан; прибился к карточным шулерам, за нечистую игру был бит уже вовсе нещадно, после тех побоев у него и голова такой причудливой формы сделалась. Было дело, сиживал и в тюрьмах Ефрем Борщов. И видимо, во все те несладкие времена вынашивал в душе мечты именно о такой вот роскоши, с вазочками, с амурчиками.

И вдруг – новый, совершенно немыслимый изворот жизни: внезапно его где-то находит Домбровский. Незадолго до того скончался один из судей Тайного Суда, и оказалось, что судьей этим был не кто иной, как тот самый бывший офицер, который, согрешив по молодости, стал причиной появления Борщова на свет. Так, по незыблемому для Суда праву происхождения, Борщов занял его место, и потаенные мечты несчастного молодого человека нежданно-негаданно смогли вдруг воплотиться в явь. Пришлось, правда, немало учиться, но тут уж Борщов приложил усилия и вполне грамотно выступал на процессах. Явь того стоила!

– Эх, себе б такую комнатенку! – проговорил он мечтательно.

Викентий опять взглянул на него сурово, а Васильцев представил себе эту залу с бордельными розовыми шторами, с амурчиками на потолке, заставленную ширмочками, и едва сдержал улыбку.

– А вы почему здесь? – спросил он. – Тоже случилось что-нибудь?

– Да как сказать… – Борщов потер шишку на голове, еще более увеличившуюся в размере. – Георгий же Теодорович велел, чтоб ему обо всем странном сразу докладывали, а со мной как раз хреновина такая… Нынче после заседания только в квартиру зашел – сразу учуял: что-то неладное. Буквально носом учуял: помойкой в доме воняло.

– Помойкой? – Юрий насторожился.

– Ну да! Хоть святых выноси! А у меня в доме всегда чистенько все, вы ж знаете. Значит, получается, вонючка какая-то у меня в хате побывала.

– И что, – нахмурился Викентий, – пропало что ценное?

– Да пропало-то – тьфу! Колбаски ливерной двести грамм купил для кота, для Прохора, держал за окном, – вот она-то как раз и пропала. Еще квашеной капусты было полбанки; ну да ладно, капуста – хрен бы с ней, а вот насчет колбасы… Не столько ее, сколько Прохора жаль, орет небось теперь котяра без ужина. Он у меня знаешь какой! Аллергией, между прочим, страдает, вполне как человек. Только аллергия у него странная – на динамит. Учует хоть граммулечку – сразу его, болезного, перекручивает всего. Однажды, когда одни гады подорвать меня хотели, он, Прохор, мне этим жизнь спас. Он у меня…

– Ладно, – перебил его Викентий, – про кота расскажешь потом. Больше ничего не пропало? Хорошо посмотрел?

– А как же! То-то и оно, что ничегошеньки! Скорее прибыло. Вот это… – Он положил на стол грязный, неряшливо выдранный из тетрадки листок, тоже с помойным запахом, на котором, видимо, разделывали селедку прежде чем использовать его для письма.

Написано на нем корявым почерком, буквами, расплывающимися на сальных пятнах, было вот что:

> Ты теперя, Ефрем Борщов, у нас богатенький, а мы народец бедный, так что не взыщи. По бедности вот колбаской твоей поживились и капусткой.
>
> *ЛУКА*

Под этим столь же корявым, но уже другим почерком было приписано:

> Колбаса твоя, прямо скажем, дрянь, а вот капустка квашеная ничего, вполне сносная, за что тебе от нас благодарность. Квась, Борщов, дальше, а мы еще как-

нибудь наведаемся.

ФОМА

Викентий спросил:

– Что еще за Лука с Фомой? Знаешь таких?

– Да знать не знаю, понятно! Но дело в другом: ведь откуда они, эти гады, прознали, что я Ефрем Борщов? Никто ж не знает, кроме вас, я ж на всех документах сменил на покрасивше, я ж под природной фамилией существую только для членов Суда, а по всем ксивам нынче я – Загребжельский Ромул Эдгарович! (Вот каковы, оказывается, были представления бывшего приказчика и шулера о красивости!) Как же они прознали-то, гады?

– А верховный что думает? – спросил Викентий.

– А верховный думает… – в этот самый миг отозвался хозяин, как раз спускавшийся по лестнице с небольшой папкой в руке, – он думает про это самое «ыш абарак бузык».

Глава 13,
в которой надвигающаяся опасность обретает свое имя

– … И еще он думает, – усевшись за стол, продолжал Домбровский, – что начало происходить нечто весьма и весьма скверное. – Добавил сокрушенно: – Моя целиком вина! Были все признаки, что когда-нибудь это произойдет, мы должны были быть готовы, а я все надеялся на русский «авось». И вот похоже, что дождались-таки… – Он вздохнул и замолк.

Первым не выдержал этой паузы Борщов:

– Чего «дождались»? Уж не мучьте, Георгий Теодорович.

Некоторое время Домбровский собирался с мыслями и наконец спросил:

– Что, по-вашему, является самой древней и самой могущественной силой на земле?

– Разум, – ответил Васильцев, и сам сразу понял, что смолол вздор.

Домбровский лишь махнул рукой:

– Ах, оставьте.

– Страх, – предположил Викентий.

– О нет! Люди, в отличие от зверья, давно научились его преодолевать, а эту силу не преодолеют никогда. Ну, а вы что скажете? – обратился он к Борщову.

По лицу того было видно, что в нем в этот миг боролся нищий приказчик из захудалой лавки с решительным и беспощадным судьей Тайного Суда, натерпевшийся лиха мальчонка Ефрем Борщов с галантерейным Ромулом Эдгаровичем Загребжельским. В конце концов победила, видимо, его та, давняя, первая сущность.

– Пожалуй, голод, – после раздумий ответил он.

– Вот! Наконец-то! – воскликнул Домбровский. – Именно он: Царь Голод! Он беспощаден, ибо он много древнее любви и сострадания. Он коварен, ибо ему не до благородства. Наконец, он абсолютно бесстрашен, ибо в мире нет ничего страшнее, нежели он сам. И потому царства, где властвует он, вечны и несокрушимы!

– Вы имеете в виду нечто фигуральное? – решился спросить Васильцев.

– Что вы! Какие уж там *фигуры*! Эти царства действительно существуют, причем существуют испокон веков. Наверно, они

возникли еще до Всемирного потопа и пережили все другие царства на земле, а их подданным несть числа. Именуются они Королевство Нищих и Империя Помоек и даже имеют своих монархов, существующих вполне во плоти, – Императора Помоек и Короля Нищих, обе династии существуют уже многие тысячи лет. Их власть и их подданные вездесущи, ибо не найти на земле таких мест, где вовсе не было бы ни помоек, ни нищих. Иное дело, что этих подданных довольно непросто распознать.

– Нищих-то? – недоуменно спросил Борщов. – Эка невидаль! Да на каждом углу!

– Вы об обычных уличных попрошайках? Нет, эти несчастные, конечно, тоже их подданные, но только они, бедняги, в большинстве своем даже понятия не имеют об истинном подданстве своем. О, там у них строжайшее иерархическое построение! Лишь очень немногие из них, помойное, если так можно выразиться, дворянство, посвящается в истинное положение вещей. Вообще, в умении сохранять свои тайны даже мы могли бы им позавидовать. Так же, как их несметным богатствам могли бы позавидовать иные государства.

– Богатство? У нищих? – удивился Юрий.

Викентий, однако, не выразил на сей счет ни малейшего удивления, а Борщов хмыкнул:

– Ты, брат, по одежке-то не суди. Вон, усатый наш тоже небось ходит в солдатских сапогах да во френчике, а владеет полмиром. Да я еще во Владимирском централе слыхал, мне по секрету шепнули: вся нищая шантрапа со своих грошиков мзду платит каким-то своим паханам, а те тоже платят – кому-то еще повыше. И урки фартовые каким-то спиногрызам отстегивают, и блатные барыги со своих барышей, и даже начальнички всякие – что при царе Николашке, что при Совдепии. Сами не знают куда – а отваливают, иначе, точно знают, – кранты! Да что там! Ты про камушки, что у Якова Свердлова в сейфе нашли, слыхал? Небось заныкал, не поделился – вот из него за крысятничество нутро-то и вышибли[12].

– Ну вы, Ефрем, все же подбирайте выражения, – поморщился Домбровский, – вы сейчас не во Владимирском централе… Ну а в целом все верно: испокон веков существует некая воронка, в которую – иногда крохотными ручейками, иногда могучими реками – стекались деньги со всего мира. Трудно даже представить себе, сколько там накопилось за тысячелетия! Капиталы эти не были подвержены переменчивым колыханиям нашего мира, ибо существовали в виде вечных ценностей – золота, рубинов, алмазов. Любые смутные времена, умножая людские пороки и нищету, лишь умножали и без того несметные

богатства невидимых царств и их невидимых властителей, так что легенды о гномах, стерегущих свои подземные богатства, как видите, отнюдь не лишены некоторых оснований. Но горе тому, кто об этих царствах слишком много знал – с той поры его жизнь не стоила и ломаного гроша. Укрыться было негде, а монархи действовали безжалостно, и их приказы исполнялись неукоснительно.

– Но ведь и вам о них, как я посмотрю, не так уж мало известно… – произнес Викентий.

– О нет, совсем чуть-чуть. Все, что я нашел в архивах Суда, собрано здесь, – Домбровский указал на лежавшую перед ним папку. – За время своего существования Тайный Суд несколько раз по необходимости вступал с ними в контакт, ибо только им были известны кротовые норы, которыми нашему сообществу иногда в крайних случаях приходилось пользоваться. Вы, кстати, помню, спрашивали, – взглянул он на Юрия, – как наши люди проникали в закрытые помещения. Вот вам и ответ… За это с их властителями Суд расплачивался чистоганом, казалось, они не должны были оставаться в обиде. Однако всегда это весьма и весьма плохо, порой совершенно страшно кончалось, ибо даже во имя справедливости нельзя заключать конкордат с дьяволом.

– Но если они такие всемогущие демоны, – нахмурился Васильцев, – то не кажется ли вам…

– Вот-вот! – подхватил Борщов. – Колбаска, капустка, сосулька, какая-то шпана, даже отравленные сосиски – не мелковато ли?

Домбровский покачал головой:

– Просто сейчас они ведут какую-то игру, один Сатана может угадать, какую именно. Возможно, хотят снова вступить с нами в контакт… Впрочем, не знаю… Вот, посмотрите-ка, на что они в действительности способны… – с этими словами он достал из папки какую-то фотографию.

Борщов, первым взяв ее в руки, лишь присвистнул и передал фотографию Васильцеву.

Господи! На ней он увидел человека, руки и ноги которого были прибиты железными костылями к стене. Еще один костыль пробил ему живот. И – самое страшное! – судя по мученическому взгляду, человек этот явно был еще жив.

– Да ведь это же… – тихо проговорил Викентий. Впервые Васильцев видел смятение на этом каменном лице.

Домбровский кивнул:

– Да, да, это Арнольд Серебряков, ваш предшественник. Уж простите, не хотел вам рассказывать о его печальном конце, но вот пришлось. Однажды в сложной ситуации он вынужден был, не

поставив меня в известность, прибегнуть к их помощи, но расплатиться с ними по неким причинам не смог. Те владыки такого не прощают. Результат сами видеть изволите.

Тишина настала такая, что было слышно, как снежинки шелестят по окну. Борщов первым пришел в себя.

– А начальство их где? – спросил он. – Ну, я про этих, про короля с императором.

– Думаю, где-то совсем поблизости, – ответил Домбровский. – Уверен, где-то здесь, в Москве. Я еще от покойного Серебрякова слышал, что именно здесь их нынешняя резиденция. Да и не удивительно! Во все времена они были там, где страх и предательство обуяли сердца, так что, по всему, нынешняя Москва для них самое подходящее место.

– Но почему вы думаете, – спросил Васильцев, – что все это – их проделки? Я про сосульки и прочее.

– Первые подозрения закрались у меня еще прежде, но окончательно я уверовал в правильность своих предположений лишь после того… – он взглянул на Юрия, – после того, как услышал от вас…

– Ыш абарак бузык, – машинально повторил Васильцев эту застрявшую в нем абракадабру.

– Вот-вот, это самое. Видите ли, как я уже говорил, их подданные существуют всюду, где есть помойки и нищета, то есть вообще повсеместно на земле, и говорят поэтому на всех мыслимых языках; имеется, однако, и язык, отличающий их, так сказать, элиту, наподобие греческого языка у римлян или французского у нас, в России, век назад. Он не имеет сходства ни с одним языком, ныне где-либо существующим, вероятно, он достался им от каких-то очень древних предков, может быть, от шумеров, а может, и от кого-то еще, жившего намного ранее, ибо и помойки, и нищие были всегда. И вот, как мне удалось откопать в старых архивах, это самое «ыш абарак бузык» на том языке означает нечто вроде боевого клича, который способна выкрикивать только их знать.

– «Служу царю и отечеству!» – вставил Борщов.

Домбровский кивнул:

– Примерно.

Юрий вживе вспомнил того жалкого, пахнущего помойкой человечка в затрапезной кофте, в раззявленных ботинках и едва не улыбнулся: каковы, интересно, сами монархи, если такова их знать? Однако тут же взгляд его упал на ту страшную фотографию, все еще лежавшую на столе, и всякая охота улыбаться сразу отпала.

– Да, да, – проследив за его взглядом, сказал Домбровский, –

они чудовищно опасны, так что пусть вас не расслабляет сегодняшняя удача. Уверен, все окончилось так благополучно лишь потому, что так это было ими по какой-то неясной причине запланировано. В дальнейшем, однако, не ожидайте столь легких побед. – Он обвел взглядом всех присутствующих: – Еще раз всех заклинаю – неусыпно будьте настороже!.. Кстати, – снова обратился он к Юрию, – у вас ведь нет оружия. Вот, держите-ка. – Он достал из кармана и протянул Васильцеву новенький парабеллум с какой-то нахлобучкой на стволе (как догадался Васильцев, то был глушитель). – Отныне всегда носите его с собой. При вашем зрении толку, возможно, и маловато, но все же вы, Викентий, преподайте-ка ему уроки стрельбы.

О своем детском подвиге со стрельбой из нагана Юрий говорить не стал, тем более что при других обстоятельствах едва ли смог бы его повторить.

– Сделаем, – пообещал палач.

– Остальные, надеюсь, при оружии?

Борщов помахал в воздухе крохотным пистолетиком с инкрустированной перламутром рукояточкой, похожим на грозное оружие не больше, чем какой-нибудь возникший из амурных романов Ромул Эдгарович Загребжельский был похож на битого не раз, с асимметричной от побоев головой бывшего шулера Ефрема Борщова, сидевшего тут с заклеенной пластырем шишкой на лысине.

– Это еще что за аркебуза? – покривился Викентий.

– Браунинг «Мата Хари», – сказал Борщов, несколько задетый, – коллекционный, между прочим, экземпляр, я за него недавно двести целковых отвалил. Очень даже, между прочим, надежное оружие (когда, конечно, в умелых руках). Ваша честь… Георгий Теодорович, дозвольте продемонстрировать этому маловеру.

Домбровский, улыбнувшись, склонил голову.

Борщов мигом привинтил к стволу крохотный глушитель, тщательно прицелился в стоявший на камине подсвечник с тремя зажженными свечами и со словами: «Пардон, ваша честь», – трижды нажал на спусковой крючок.

Раздалось три тихих щелчка, и на третьем выстреле одна из свечей переломилась пополам. При учете игрушечности его пистолетика, стрелял Борщов, в общем, прилично. Он победоносно взглянул на Викентия. На палача, однако, это большого впечатления не произвело.

– Будем считать, что более-менее, – сказал он. С этими словами достал большущий, под стать ему самому револьвер, мигом насадил на него глушитель и, практически не целясь,

выстрелил.

Легкий хлопок – и переломилась другая свечка.

– Что ж, тоже, будем считать, неплохо, – повернув в ту сторону голову, сказал Домбровский.

Он небрежно достал из внутреннего кармана пиджака небольшой пистолет с глушителем и, уже не оборачиваясь, произвел выстрел через плечо. Хлопок – и последняя свеча, оставшись стоять, погасла, пуля отстрелила фитиль. Домбровский даже не стал смотреть на результат.

– Ладно, позабавились – и будет, – подытожил он. – А вы, Юрий, постарайтесь поскорей освоить эту несложную, в общем, штуковину, ибо я чувствую, что нам в ближайшее время, увы, отнюдь не забава предстоит… Теперь о другом. – Он обратился к Борщову: – Какие у нас дела на ближайшее время готовятся к рассмотрению?

Тот достал очки в золотой оправе и изящную записную книжицу с тиснением:

– Значит, так… Если не считать дела пропавшего Куздюмова, то, во-первых, дело сотрудника кремлевской охраны Дыбина, обвиняемого в организации дома терпимости для высокопоставленных лиц. Девочек, в большинстве взятых из приютов, зачастую изуверски убитых, потом находили на городских свалках… Далее: дело заведующего хозяйственной частью из Наркомздрава, обвиняемого в самом что ни есть каннибализме. Далее: дело художника-орденоносца… Ну, тут все просто и понятно: обвиняется в убийствах московских антикваров с целью грабежа. Далее: дело майора госбезопасности Чужака, обвиняемого…

Последняя фамилия была знакома Васильцеву, и этого процесса он ждал с особенным нетерпением. Такая предвзятость, конечно, противоречила статусу судьи, но он уж ничего не мог с собой поделать. Однако тут как раз Домбровский остановил Борщова:

– Довольно. По праву председательствующего объявляю: производство по всем делам временно прекратить. Сейчас, когда под угрозу поставлено само существование Тайного Суда, я намерен предпринять действия совсем иного рода, но об этом – потом. Покуда же… – Он обратился к Викентию: – Сколько у вас на сегодня людей?

– Четырнадцать опекают поднадзорных, двадцать семь осуществляют оперативно-розыскные мероприятия, пятеро – для особых поручений, еще пятеро – для охраны, двое – мои помощники. – Юрий никак не предполагал, что под началом у Викентия столь многочисленная рать. – Итого…

– Ясно, – прервал Домбровский. От его вальяжных манер теперь не осталось и следа, в этот миг он походил на командующего в канун решающего сражения. – Нынче же распорядитесь, – приказал он, – с этой минуты все они переходят исключительно в мое личное распоряжение и не вправе подчиняться более никому.

– Но… – попытался было встрять Викентий, явно недовольный таким поворотом дел.

– Это приказ, – голосом, не терпящим возражений, пресек его Домбровский. – В ближайшее время нам предстоят самые серьезные испытания, и в данный момент все силы должны быть сосредоточены в одних руках. Мы переходим на чрезвычайное положение.

– На осадное, – вставил Борщов.

– Если угодно.

– Имеете какой-то план? – спросил Викентий.

– Да, но сообщу о нем позже. А пока что… Сообщите своим людям, что отныне все они подчиняются только либо лично мне, либо обладателю пароля, который я при необходимости сообщу одному из вас. И завтра же принесете мне список всех подчиненных.

– Ясно, – угрюмо отозвался Викентий. – Мне пароля, я так понимаю, пока не сообщите?

Домбровский промолчал.

Борщов поинтересовался:

– А нам-то с Васильцевым что делать покамест?

– Покуда – проявлять осторожность, про остальное – тоже потом. Еще вопросы?

– Да, вопросик один… – решился Борщов. – Давеча вы про какого-то Призрака изволили упомянуть; может, все-таки скажете, что за Призрак такой?

– Нет… Может, когда-нибудь, при случае. По правде, сейчас мне трудно сказать о нем что-либо. Если вы о нем не слыхали, то забудьте, вполне возможно, что он мне, как и полагается призраку, вообще примерещился. – Он встал. – А на сей миг не смею более никого задерживать.

На том военный совет был окончен, все молча направились к двери. Но в последний момент Домбровский внезапно сказал:

– А вы, Юрий Андреевич, ненадолго задержитесь.

Глава 14
В осаде

И снова перед Васильцевым сидел не командующий накануне боя, а вальяжный барин, которого он прежде знал.

– Я задержал вас, дорогой Юрий Андреевич, – сказал он, – потому что есть одна вещь, которую с наименьшим риском я могу доверить только вам.

Васильцев был немало удивлен:

– Почему мне? А Борщов, а Викентий?.. Я человек совсем новый в Суде.

– Да, – кивнул Домбровский, – вы еще недостаточно опытны, и в этом, конечно, пока ваша слабость, а наши противники всегда умеют отыскивать наиболее слабое звено, однако неопытность – пожалуй, самый быстро исправимый недостаток… А что бы вы сказали, к примеру, о нашем новоиспеченном графе Загребжельском?

– Ну… – проговорил Юрий, – его прошлое… и его вкусы… Но как судья он вызывает у меня только уважение.

Домбровский согласился:

– Да, как к судье у меня к нему никаких нареканий. Его вкусы и манеры, конечно, несколько забавны, но с этой стороны тоже не вижу никакого вреда для нашего дела – в конце концов, до определенных границ каждый вправе вести себя так, как ему нравится. Прошлому его я, признаться, тоже не придаю слишком большого значения, во всяком случае, никаких опасений оно у меня не вызывает. Напротив, он всеми силами тужится от этого прошлого подальше убежать, и в этом смысле положение судьи устраивает его наилучшим образом. Однако тут имеются и свои «но». Такие люди редко бывают полностью удовлетворены достигнутым, им всегда страстно хочется большего, и это именно та струнка души, на которой можно сыграть… Нет, вы не подумайте, что я ему не доверяю, много раз он показывал себя с наилучшей стороны… И все-таки, все-таки… Есть в нем что-то эдакое…

Пожалуй, отчасти Юрий был согласен с ним.

– Ну а Викентий? – спросил он. Вот уж в отношении кого не могло возникнуть никаких сомнений.

– Викентий… – проговорил Домбровский. – Знаете, если выбирать между ними двоими, то в критической ситуации, наподобие той, что сейчас, я бы все-таки больше доверился Борщову.

Васильцев поднял на него удивленные глаза.

– Видите ли, – пояснил Домбровский, – Викентий, конечно, лишен всех недостатков нашего Борщова-Загребжельского, да и вообще каких-либо человеческих недостатков, но он сосредоточил в своих руках колоссальную власть. Сами давеча слышали, какая армия у него под началом, и каждый, не раздумывая, выполнит любой его приказ. Жизненный опыт подсказывает мне, что у всякого, кто жаждет власти, эта жажда никогда не бывает утолена до конца. Ну а уж коли власть ускользает от него, такой человек становится уязвим для всякого рода происков со стороны, что может привести ко множеству всяческих неожиданностей.

– Так вы потому и вывели эту армию из-под его власти? – спросил Васильцев.

– Да, это было одной из причин, впрочем, не единственной. В нынешней ситуации надежные люди понадобятся мне самому… Однако, сами понимаете, мои сомнения никоим образом еще не есть истина. Просто, если что, держите и это тоже на всякий случай в уме…

– Если – что? – нахмурился Юрий, которому эти слова весьма не понравились. Катя тоже опасалась каких-то *«если что»* – и вот исчезла.

– Если рядом не будет меня, – спокойно ответил Домбровский, – а такую перспективу тоже надо учитывать.

– Вы полагаете, вас могут…

– Полагаю, что я – их первейшая цель, – не дал ему договорить Домбровский. – И в этом случае вы как мой преемник, как председатель Суда…

– Я?.. Но почему – я?

– Думал, вы уже поняли, ведь это же прямо следовало из всего, что я сказал. Хорошо, поясню. Если во главе Суда станет либо Викентий, либо этот наш Загребжельский, Тайный Суд легко может превратиться в балаганчик, управляемый в действительности монархами, о которых я говорил. Борщов, стань он во главе Суда, способен пойти на сговор, если ему при этом предоставят возможность жить не по-загребжельски, а по-королевски, ну а Викентий – если ему посулят командование уже не десятками, а тысячами. Что же касается вас… – Он пристально взглянул на Юрия: – Ведь вы, надеюсь, от меня ничего не скрываете?

Васильцев покачал головой. О его жизни тот знал решительно все… Ну, *почти все*…

Словно уловив это «почти», Домбровский, глядя все так же пристально, спросил:

– И не было у вас никаких новых знакомств в последнее

время?

Уж не про Катю ли он? Но в эту часть своей жизни Васильцев не собирался впускать никого.

– Не было, – сказал он достаточно твердо.

– Что ж, это говорит о том, что я сделал правильный выбор. Хотите еще о чем-то спросить?

– Да. Скажите, монархам этим – им-то зачем нужен Тайный Суд?

– Сам по себе Тайный Суд, вы правы, им ни за каким лешим не нужен, ибо само слово «справедливость», заложенное в наш фундамент, едва ли вообще существует в их языке. Однако власть, которой Суд располагает в некоторых сферах, им очень даже может пригодиться.

– Вы имеете в виду наших поднадзорных?

– В том числе и их, и ведомства, которые они представляют. Те монархи вообще любят прибирать власть к рукам. Не удивлюсь, если вдруг окажется, что многие события в мире происходят не без их подсказки и что уже в иных властных структурах очень большие люди действуют с оглядкой на них. Я не хочу, чтобы Тайный Суд тоже возглавляли их марионетки, потому своим преемником я вижу только вас. Ну а что касается опыта – он придет, не сомневайтесь. – Васильцев хотел было что-то возразить, но Домбровский уже перевел разговор на другую тему: – Подойдите к камину, мой друг… – сказал он. – Видите, справа – на одной мраморной плитке прожилки чуть потемнее, чем на других. Надавите хорошенько на нее…

Васильцев сделал, как было велено. Раздался глухой скрежет, и несколько боковых плит камина поползли куда-то вглубь стены, открыв черное отверстие тайника.

– Теперь верните все на место.

Юрий снова надавил на плитку, и отверстие закрылось, не осталось ни единой щелочки.

Домбровский улыбнулся:

– Как видите, нехитрое, в общем-то, приспособление, но о нем не ведомо никому, коме меня, а теперь вот – еще и вас. И если случится что-либо непредвиденное, вы сможете найти там все необходимое, чтобы продолжать наше дело: там и деньги изрядные, достаточные на какое-то время, и номера счетов в разных банках, и многое другое. Уверен, вы сами поймете, как всем этим распорядиться… Да, надо же еще передать вам пароль!.. Ладно, после. Отложим пока.

О многом еще Васильцеву хотелось спросить, в том числе и о судьбе профессора Суздалева, однако Домбровский заторопил его:

– А теперь ступайте, ступайте, мой друг! Я нынче что-то устал, да и вы, думаю, нуждаетесь в отдыхе. До свидания… Крепко надеюсь, что *свидания* нам с вами все-таки еще предстоят. – И снова эти слова весьма не понравились Юрию.

* * *

Идя домой, Васильцев увидел на тротуаре под фонарем нищего попрошайку. Лохмотья на нем были даже для нищего какие-то слишком уж нарочито безобразные. Что он делал на безлюдной улице в этот полночный час?

Нащупав в кармане пистолет, Юрий приблизился к попрошайке и произнес:

– Ыш абарак бузык.

Тот вздрогнул, посмотрел на него несколько ошалело. Затем покрутил пальцем у виска и сгинул в темноту. Может, впрямь принял за умалишенного, однако… Однако, возможно, вздрогнул, услыхав знакомые слова…

– Вот и я к нему давно уже приглядываюсь, – раздался голос Борщова, неслышно подошедшего сзади.

Это тоже показалось Юрию подозрительным: не слишком ли долго стоял на ночном холоде бывший шулер в своем не по сезону легком пижонском плащике?

– И давно приглядываешься? – спросил Васильцев.

– Да вот, сколько тебя жду, столько и приглядываюсь. Уж думал – может, его задержать?

– А ждешь-то зачем?

– Ну… – замялся Борщов. – Может, думал, скажешь что интересненькое, что тебе еще ихняя честь нарассказала.

– Да в сущности… – замялся Васильцев. – Ничего особенного… Так, мелочи всякие…

– Ясненько. Не доверяешь, стало быть. А зря! – с обидой проговорил Борщов. – В таком случае, пардон. Оревуар. Смею откланяться. – Это произнес уже не Борщов, а уязвленный Ромул Загребжельский и, постукивая тросточкой, гордой походкой зашагал прочь.

Через полчаса, подходя к своему подъезду, Юрий увидел силуэт Викентия. Спросил:

– Меня ждешь?

Тот кивнул и спросил без обиняков:

– Старик тебе не сказал, отчего это он у меня всех людей решил забрать?

– Но он же объяснил: чрезвычайное положение.

– А чем это я ему при таком положении не приглянулся? Мои люди привыкли слушать меня.

Не желая врать, Юрий лишь пожал плечами.

– Ну-ну, – буркнул палач. – Ладно, пойду исполнять приказ, – и, более не продолжая разговор, исчез в ночи.

Перед Викентием Васильцеву было особенно неловко. «Может, все-таки Домбровский проявил излишнюю подозрительность», – думал он, поднимаясь на свой этаж.

Однако едва вошел в квартиру, все мысли разом испарились, кроме одной, пока еще невнятной: *началось*…

Глава 15
Крах. Последний подвиг капитана Блинова

…«Началось!» – едва вступив в квартиру, подумал Васильцев. Причиной был этот запах, с порога шибанувший в нос, – знакомый отвратительный запах застоявшейся помойки. Кто-то в доме, безусловно, побывал, и Юрий был уверен, что знает, кто именно. Не исключено, что они и сейчас где-то здесь… Спросить было не у кого, все соседи давно спали.

Сжимая в руке парабеллум, он неслышно приблизился к двери своей комнаты, прислушался. Ни шороха…

Он резко распахнул дверь и включил свет.

Нет, в комнате никого не было, только пахло еще отвратительнее, чем в коридоре. А на столе лежал такой же грязный, в сальных пятнах, неряшливо вырванный из ученической тетради листок бумаги, как тот, что сегодня показывал Борщов. На листке было написано:

> Ты, Васильцев, у дружка своего, у Борщова, поучись, какую капустку покупать. А у тебя, Васильцев, не то что капустки – вообще в доме ни шиша. Убогий ты, Васильцев, навроде иных нашенских: мало что хромой и слепой, так еще и голодный. Нельзя так жить, без жратвы, – ноги же протянешь.
>
> *ФОМА*

Далее следовало:

> Вот у Борщова твоего капустка – это капустка! Учись, убогий!
>
> *ЛУКА*

Как-то слишком уж вольно действовали эти подземные царьки. Юрий подумал, что ошибкой было со стороны Домбровского отпускать их по домам, сейчас следовало держаться всем вместе. С этой мыслью он немедля отправился к Борщову – тот жил ближе других.

На звонок в дверь ответа не последовало. Само по себе это

ничего еще не означало – обычно по вечерам Борщов сиживал в ресторанах, восполняя мечты своей голодной юности, но вот то, что никак не отозвался борщовский кот Прохор, вызвало у Васильцева недобрые подозрения.

Подергал дверную ручку, и оказалось, что дверь не заперта. Юрий вошел.

На столе лежала записка:

> Дорогой Юрочка! Ты знаешь, Ефрем Борщов – не трус и многое в жизни повидал. Но против этих упырей слаб я оказался в поджилках. Да и Прохора жаль – уж он-то, котяра, ни в чем не виноват, а они, чувствую, никого не пожалеют. Так что залегаем с Прохором на дно, уж не суди строго. Советую и тебе с Домбровским и с Викешей взять с меня пример – ей-ей, не выстоять вам против этой нечисти.
>
> В любом случае не поминай лихом!
>
> *Твой любящий Борщов-Загоржельский*

Возможно, Борщов был и прав, но все-таки он, Юрий, пока еще не собирался так просто сдаваться. От Борщова он направился к дому Викентия.

Дверь квартиры палача тоже была не заперта, а из-за нее явственно сочился уже знакомый тошнотворный запах застоявшейся помойки. С чувством полной безнадежности, даже забыв про парабеллум, он распахнул дверь, вошел.

В гостиной царил невообразимый хаос. Ковер был истоптан глинистыми следами, шторы почему-то сорваны с карнизов, стулья перевернуты, на скатерти стола было намусорено хлебными крошками и полосками квашеной капусты. Юрий не сразу увидел ручеек крови, сочившийся из спальни, а увидев, метнулся туда.

Ничего более страшного он прежде не видел. Викентий был распят на стене железными костылями, пятый костыль торчал у него из груди. Все было, как на той фотографии, которую нынче показывал Домбровский. И – самое ужасное – Викентий был еще жив. Он шевельнул головой и произнес тихо:

– Передай – я не успел…

Затем по его телу пробежали судороги, изо рта хлынула кровь, и жизнь оставила его.

Что Викентий имел в виду, не трудно было догадаться: он не успел переподчинить свою армию Домбровскому и передать ему списки. Без того этой армии, по сути, более не существовало.

Спустя несколько минут Юрий был уже возле дома

Домбровского. И сразу понял, что и тут опоздал. Свет не горел, два окна были разбиты. Через разбитое окно Юрий и влез в гостиную.

Здесь разгром был еще страшней, чем у Викентия: практически вся мебель сокрушена, пол усыпан хрустальными подвесками от люстры, осколками зеркал и фарфоровых ваз. В углу валялась дубовая ножка от стола, вся в крови – видимо, Домбровский, как палицей, гвоздил ею неприятеля.

К стене хлебным мякишем был прилеплен листок. Юрий сорвал его. На нем уже знакомыми каракулями было написано:

> А дедок ваш крепким оказался! Ну да ничего, наши людишки еще и не таких видывали.
>
> Ты его, Васильцев, тут не ищи, все одно не отыщешь, да и зачем тебе: покойник – он покойник и есть. Ты, Васильцев, лучше капустку жуй.
>
> *ФОМА*

А внизу – буквами наподобие скрюченных паучьих лап:

> Мы тут прихватили кой-чего, уж не взыщи, Васильцев. Так что в дырку эту у камина ты и не лазь, все равно ничего не найдешь, кроме мышиных какашек. С приветом
>
> *ЛУКА*

Открытый тайник в стене у камина зиял черной пустотой.

Юрий, обессиленный, опустился на единственный уцелевший стул. Теперь он остался один на один с врагом, от которого ждать пощады не приходилось, и опереться в этом противостоянии ему было решительно не на кого. Он был отныне верховным судьей Тайного Суда, но этот всесильный Суд теперь состоял из него одного.

Он был командующим армией, вот только армия эта растворилась где-то безнадежно. Он был обладателем огромных сумм на банковских счетах, вот только документы на эти счета исчезли вместе с Домбровским. Он имел все – и не имел ничего.

Сейчас он не чувствовал ни ожесточения, ни страха, было только чувство безнадежности и своего кромешного одиночества в этом мире.

Васильцев не знал, сколько времени так просидел, и тут вдруг в голову ему пришло, что хоть на одно дело он пока еще способен. Те два поднадзорных числились за ним, и уж теперь

никто не помешает ему с их помощью вызволить Суздалева.

С этой мыслью он вскочил. На пути к дверям заметил, что держит в руке листок с каракулями подземных монархов. Хотел порвать его, но тут увидел, что послание написано на обороте какого-то документа. Юрий перевернул его.

Это была справка из внутренней тюрьмы НКВД. В ней значилось, что троцкист-убийца, эллинский шпион, истопник (быв. профессор) Суздалев такого-то числа скончался после допроса от разрыва селезенки.

Вот и все. Значит, и тут он оказался бесполезен. Почему-то эта потеря ударила его даже больнее, чем все ужасы нынешнего проклятого дня.

А ведь мог, мог спасти профессора! Если бы не проявлял идиотского благоразумия, к которому его призывал Домбровский, если бы действовал сам!

«Дурак! Двуногое без перьев!» – клял он себя, невесть куда шагая по улице. Кажется, даже говорил вслух, потому что вдруг услышал:

– Сам ты двуногое! Ишь, чудо в перьях! – Это какая-то торговка семечками выпорхнула у него из-под ног. – Позаливают зенки, прут куда ни попадя!..

«Напьюсь!» – подумал Васильцев. Через несколько минут чей-то хамоватый голос выкрикнул:

– Водки!

Словно очнувшись, Юрий вдруг обнаружил, что голос этот принадлежит ему. То есть не столько даже ему, сколько совсем другому человеку, капитану государственной безопасности Блинову, распоясавшемуся хаму, на чье имя у него, Юрия, имелось вполне исправное удостоверение. Этим документом разрешалось пользоваться только в экстренных случаях, но сейчас ему было наплевать на все правила. Удостоверением пришлось махнуть перед носом швейцара, ибо это заведение на Садово-Триумфальной было спецрестораном для сотрудников НКВД.

– А на закусочку? – маслясь в подобострастной улыбке, спросил изогнувшийся над ним официант.

– Я сказал – просто водки! Живо! – Манеры хама давались легко. Неужто так все просто, была бы только в кармане красная корочка?

– Слушаю-с!

Упорхнул, вернулся с запотевшим графинчиком, снова утанцевал. «Так и надо: на цырлах», – отметил где-то внутри Васильцева капитан госбезопасности Блинов.

Отметил, что двое сидевших за дальним столиком взирают на него, как кролики на удава. То были *поднадзорные*. За остальными

столиками публика пребывала в расслабленном состоянии, порой, от хмеля утратив профессиональную бдительность, отдыхающие переговаривались излишне громко, и до него стали долетать обрывки разговоров.

«Кто это?» – «Который?» – «Ну этот, очкастый». – «Какой-то Блинов. Молодой, да ранний. Уже капитан госбезопасности». (Уже, стало быть, швейцар успел доложить.) – «Ни хрена себе![13] Когда ж успел?» – «Небось сынок или зятек». – «Тсс, потише ты!» – «Да я чё, я и ничё… Давай – за нашу Родину!» – «Вот так-то лучше… За нее!.. А ты на закуску, на закуску-то налегай».

«… Читал? (Это уже от другого столика.) На днях Непомирайку и Негорюева враги кокнули». – «Да-а… С Непомирайкой я за день до того сидел, как вот с тобой сейчас. Беззаветный был человек! А вот вишь, бдительность потерял». – «А ты не теряй! Враг, вон, повсюду. Ну, за них, за беззаветных ребят! Не чокаясь…»

«…А у него сколько, по-твоему, раскрытых троцкистов за месяц?» – «Ну?» – «Двенадцать! А у меня?» – «Штук тридцать, поди?» – «Да?! А сорок шесть не желаешь?» – «Ну?!» – «То-то! А кому третий кубарь на петлицу?» – «Ну?» – «Ему! Справедливо?» – «Ну…» – «Гну!.. Ему! А мне – тю-тю! Справедливо, я тебя спрашиваю?..»

«А он мне, б…, говорит: не имеете права!» – «Хо! Так и говорит?! Ну а ты?» – «Ну а я… Вынесли, суку. Нескоро снова внесут…»

«…А я ей говорю: хоть ты и заслуженная артистка, а супротив старшего сержанта госбезопасности ты тля, и докладывать на своих артисток-хренисток будешь ежедённо. И ваще…» – «А ты ее – тавó?» – «А как думал?..»

Борясь со страстным желанием надавать им всем по мордам, Васильцев осушил одну за другой еще две рюмки, поскольку его целью нынче было именно напиться.

Его графин был уже почти пуст, когда какие-то слова, произнесенные сзади, заставили напрячь слух. Он обернулся. Там вели разговор два лейтенанта, уже изрядно разопревшие от жратвы и выпивки.

– И за что ж ты его так, этого кочегара-профессора? – спрашивал один, с прилипшим к губе листком салата.

– А выдрючивался, – буркнул другой, у которого все никак не получалось подцепить вилкой шпротину.

– Привыкать надо, друг мой Серега, – поучал тот, с салатом на губе. – Все они, троцкисты, до поры выдрючиваются.

– А чё он обзывался? – Шпротина, не донесенная до рта, упала с вилки на скатерть.

– Так ить все они, троцкисты, обзываются до поры, да и зиновьевцы с бухаринцами не лучше. А потом шелковыми становятся, если с ними умеючи. Меня тут вот один давеча и сукой называл, и фашистом, а я сижу, в душе классовая ненависть кипит, а сижу себе, слушаю. Только потом уже… Но все ж не так, как ты, вот он и дожил у меня до пули в затылок. А перед тем еще и на четверых своих подельников показал. А мне за то – премию в двести рубликов. Вот так надо, брат Серега.

– Да, я знаю, у тебя, Сеня, выдержка… Хотя «фашиста» и «суку», может, и я б стерпел – не впервой. А тут…

– Ну и как же он тебя?

– Во, я записал даже… – Отложив вилку, он достал блокнот и прочитал с натугой: – Во! *Сикофантом*.

– Да-а, ничего не скажешь, умеют они, гады! Ишь, с подковыркой! Тут, конечно, и тебя можно понять; но зачем же вот так вот, в селезенку? Ты его, гада, – по сусалам, по сусалам. Ладно что без зубов – зато живой. Они нам, гады, до поры живыми нужны… – Вдруг, заметив, что Васильцев навис над ним, вспрыгнул: – Слушаю, товарищ капитан государственной безопасности!

– По сусалам, говоришь? – откуда-то изнутри Васильцева спросил капитан Блинов. – По сусалам – это как?

Лейтенант Сеня, глупо хлопая глазами, потянулся за салфеткой, чтобы отереть рот.

Не успел.

– Вот так по сусалам? – с этими словами Васильцев нанес хороший удар прямо в прилипшую салатину.

Послышался хруст, лейтенант пролетел по залу метров пять, стукнулся башкой о бочку из-под фикуса и затих. «Красиво!» – одобрил удар капитан Блинов.

Зал притих, все с интересом, а некоторые и не без удовольствия, наблюдали за происходящим. Лейтенант Серега вскочил и с недоумением уставился него.

– Что вылупился, сикофант? – спросил Блинов-Васильцев. – В селезенку, говоришь? Это как? Вот так? – и саданул ему в низ живота.

Тот издал икающий звук и нырнул носом в тарелку со шпротами. Затем, потянув на себя скатерть, осел на пол.

Васильцев почувствовал давно забытую, сладостную свободу, когда миг – да мой! Потом пускай что хотят с ним делают, гады, но вот напоследок еще – эту масляную рожу достать!

Вот так его, *ыш абарак бузык*!

Ах, как сладостно звенели падающие тарелки и графины, как театрально визжали дамы, как царственно парили над залом

сорванные занавесы!

– Во гуляют товарищ капитан!

– Да урезоньте его кто-нибудь!

– Да как же я их, когда они по званию капитан госбезопасности?

– *Я* тебе говорю! *Я*, старший майор Гмыря!

– Старший майор?! – обрадовался Васильцев. – Вот тебя, Гмыри, мне как раз недоставало!

Ах, какой божественной трелью отозвался рояль, когда Гмыря грохнулся головой на клавиши! Просто симфония!

Но приказ старшего майора все-таки возымел действие – человек пять навалились на Васильцева. Да тут же и разлетелись по сторонам: уроки Викентия не прошли зря. Спустя секунду кто-то хныкал, придерживая вывихнутую руку, кто-то собирал в платок выбитые зубы, кто-то корчился на полу не в силах встать.

Теперь, войдя в раж, Васильцев сам перешел в наступление. Против него было человек двадцать, они выстроились стенкой, но замерли в нерешительности.

Юрий уже не помнил, скольких из них поверг, когда кто-то сзади саданул его чем-то тяжелым по голове. Он почувствовал, как кровь струится по шее, мир перед глазами стал расплываться, но, кажется, не то троих, не то четверых он еще все-таки успел сразить, прежде чем остальные навалились на него всем скопом, скрутили-таки, поволокли на улицу.

Потом, уже на воздухе, долго били сапогами, по ребрам, по голове. Боли он почти не чувствовал, но понимал: сейчас забьют до смерти.

Внезапно послышалось:

– А ну отставить! – произнесено было негромко, но властно.

Избивать сразу перестали. Один спросил:

– Это кто это там гундосит?

Другой ответил потише:

– Не залупайся, это майор Николаев из контрразведки.

Юрий понял, что они уходят. Все закончилось, и он жив.

Никогда прежде он не замечал, что воздух может быть так свеж и сладостен. Это был запах свободы.

Услышал голос:

– Юра! Юрочка! Ты живой?

Да кто это? Неужели?!..

– Катя… – проговорил он и лишь после этого потерял сознание.

Глава 16
Сов. секретно (Продолжение)

> … Хочу также Вам, Лаврентий Павлович, сообщить, что нарком Н.И. Ежов явно скрывал от партии архиважную информацию, касающуюся…

«Архиважную! Ишь какой ты! Прямо по-ленински загнул!» – протирая пенсне, подумал первый заместитель народного комиссара и снова склонился над писаниной этого мама дзагла[14], Призрака.

> …касающуюся этого Тайного Суда. Обращаюсь поэтому лично к Вам, ибо полагаю, что бывший нарком государственной безопасности Ежов, явно саботируя операцию по уничтожению террористической организации «Тайный Суд», затевал какую-то свою игру…

Ладно, с недомерком, с Колькой Ежовым, и без письма Призрака все было ясно: спекся Колька, о чем Коба[15] вчера уже прозрачно намекал. Но покамест собирается перекинуть Кольку с госбезопасности на речной транспорт. Тот небось и сам уже что-то почуял, да, видно, не понял дурной своей башкой – ишь, еще за какие-то соломинки, какашка, цепляется, какие-то игры, шени мама[16], затевает! С кем играться надумал?! С партией шутки шутить?

Ничего, партия таких шутников быстро ставит на место. К стенке! – там как раз самое место для них!

Что там еще интересного у Призрака? Ага, вот это – про Буциса, на дереве повешенного. *«Люди, простите меня! Гад я распоследний!»* Может, и сгодится на что-нибудь. Например, засранец этот «железный», Колька Ежов с такой фанеркой на шее очень, пожалуй, неплохо смотрелся бы. А что, мысль!

Да, Призраком этим, пожалуй, бросаться не стоит. Что он там – про дальнейшую связь?.. Ага, вот:

> …*Прошу связь со мной держать не через всяких дебилов-сержантов и недоумков-лейтенантов*… (на тех, поди, намекает, подлец, которых грохнули на днях) …*а через надежных и хотя бы относительно неглупых людей, если, конечно, таких там, у себя в НКВД, отыщете*…

Не, во гад!

Что ж, его право музыку заказывать. Да и верно, верно пишет, мерзавец! Связь надо держать не с мелюзгой всякой, которая про все Кольке донесет, а с проверенными людьми. С кем бы только?..

Да вот хотя бы…

* * *

– Ты, что ли, Чужак?

– Так точно, товарищ Берия!

– Чужак – это что, агентурный псевдоним?

– Никак нет, фамилия такая.

– А я думал, псевдоним: очень похоже. Призрак, Чужак… Про Призрака знаешь?

– Никак нет!

– Ну и хорошо, меньше знаешь – дольше живешь… Шучу… А почему фамилия у тебя такая – Чужак? Ты для кого чужак?

– ???

– Может, для партии ты чужак?

– Никак нет. Член ВКП(б) с тридцать первого…

– Или для органов ты чужак?

– !!!..

– Или для советской власти ты чужак? В Гражданскую что делал?

– Пулеметчиком начинал, потом в кавалерии, потом в частях особого назначения…

– Ладно. Пулеметчик, говнометчик – про все это я в твоем деле читал. И все же: ты – чей?

– ???

– Мне нужны *мои* люди, а не чужаки.

«Уфф!»

– Ну, что скажешь, Чужак?

– Я – ваш, Лаврентий Павлович!

– Ну а если мой – тогда слушай…

* * *

Ох ты жисть-жестянка! Что ж удумал-то менгрелец четырехглазый! Чтоб отныне работал он, Чужак, втихаря против опоры своей, против наркома, против самого Николай Иваныча! И был он теперь – что семечко, очутившееся меж двух петухов: не один склюет, так другой…

С иной, правда, стороны… С иной стороны, не выживешь нынче, единственную опору для жизни имеючи: рухнет она – и где ты? А вот ежели еще и на четырехглазого обпереться – тогда ты уже не цапля, стоящая на одной ноге, тогда ты человек, которому не зря ж две ноги природой дадены…

То есть это дурак бы в точности так и подумал бы. Но майор дураком не был и знал, что ежели склюет менгрелец народного комиссара, то будет в нем, в Чужаке, нужда, как в использованном гондоне, и стоить будет его жизнь ничуть того предмета не более. Где силу такую отыскать, чтобы помогла уцелеть? Чтобы при ее подмоге, целым проскользнув между наркомом и менгрельцем, живым выйти (а жить сейчас чего-то хотелось как никогда). Ну, жилка, помоги, вытяни, родимая, научи, как выжить!

И не подвела жилка-жилушка, подсказала. Чужак бережно вслушивался в этот подсказ, с трудом превозмогая жуть.

Да, то была сила! Хоть и страшная, но настоящая. Имя ей было – *спиногрызы*.

* * *

– …И еще… По результатам наших наблюдений, майор Чужак не раз вступал в контакт с тайной организацией нищих, с которой, вероятно, делится награбленным. Сам называет эту организацию «спиногрызами». Вероятно…

По слову «вероятно» майор Н.Н. Николаев понял, что фактов больше нет, дальше пойдут лишь догадки и всяческое празднословие. Майор признавал только факты, поэтому прервал говорившего.

– Понятно, – сказал он. – Если у вас все, то можете идти.

Оставшись в кабинете один, он достал из ящика стола фотографию и снова на нее посмотрел. Многое повидал на свете, но такого… Живой человек был прибит железными костылями к стене. Он уже знал, что человек этот – один из членов Тайного Суда.

Знал он также, что другие члены Тайного Суда то ли из страха, то ли по каким-то своим соображениям куда-то скрылись. Так что на сегодня этого Тайного Суда, к сожалению, фактически нет. Правда, никуда пока не сбежал Юрий Васильцев, но и тот, судя по его вчерашним подвигам в ресторане, действует уже как свободный одиночка.

Этот истопник-математик вызывал у майора Н.Н. Николаева искреннюю симпатию, особенно после вчерашнего. Сколько раз

хотелось и самому вот так же с этой жующей мразью: по сусалам, по сусалам!

Интересно, где этот Васильцев сейчас?.. Ну да это он, майор, непременно узнает…

А каков Чужак! Выходит, связан с этой нищенской империей! Хорош!..

Про организацию нищих Н.Н. Николаев знал немало, хотя это и не относилось напрямую к деятельности его отдела.

Знал, что «из нищего форса» они громко называют себя «Королевством Нищих» и «Империей Помоек» и даже придумали для себя увлекательную мифологию: что-де их королевство и империя древнее всех земных царств, что король с императором владеют всеми когда-либо существовавшими языками (ибо – и тут они правы – и помойки, и нищие были всегда и везде); что у них есть и свой язык, знакомый только их «знати» (в действительности – некая придуманная ими же тарабарщина, набор звуков, наподобие их клича: «Ыш абарак бузык»). Знал также, что у их «дворянства» непременно должны быть какие-нибудь уродства – как минимум, по шесть пальцев на руках и на ногах, а то и глаз, расположенный на пузе. Последнее было как раз правдой: видимо, кто-то из их основателей запустил дурную кровь, подобно тому, как Джованни Медичи[17] запустил наследственную гемофилию в царственные дома Европы, не исключая российского.

Еще он знал, что время от времени они устраивают свои подземные карнавалы, во время которых всегда происходит нечто фантасмагорическое, усугубленное тем, что на это время они опаивают своих подданных настоем мухомора. А уж насколько они жестоки и злобны, можно судить хотя бы по этой страшной фотографии.

Стало быть, теперь им что-то нужно и от Васильцева, а он, Васильцев, как знал Н.Н. Николаев, не из тех, кто прячется в кусты. Скорее всего, он выйдет на них. Обидно будет, если с ним – вот так же (майор снова взглянул на фотографию).

Выйти на него, попытаться отговорить?.. Да ведь не послушает! Н.Н. Николаев знал такую породу людей.

А если выйдет от них живым – стало быть, этот тот самый человек, который нужен: тот, кто сможет возродить Тайный Суд.

Ладно, решил майор, пускай пройдет через это испытание, а там поглядим. Жалко будет, если погибнет. Даже не только из-за Тайного Суда – просто по-человечески будет жалко.

И еще Н.Н. Николаев подумал, что таким же, как Васильцев, мог бы со временем стать тот далекий мальчик с забытым именем.

Впрочем… Да, да… Митенька! Мальчика звали Митенька!

Глава 17
Сержант Синичкина. Спиногрызы

Жизнь снова вошла в него вместе с болью. Эта боль заполняла каждый сантиметр его тела. Медленно он стал восстанавливать все, что произошло накануне, – дезертирство Борщова, исчезновение Домбровского, последний взгляд умирающего Викентия, развязные письма владык подземелья, смерть профессора Суздалева, – и все это не сильно прибавило ему радости от того, что сам он все-таки остался жив. Разве что память о давешнем погроме в ресторане, о тех десяти минутах истинной свободы помогала не пасть духом окончательно: день все же был прожит не напрасно. Правда, и те на славу его отделали. Странно, что не забили до смерти – чай, этим ребяткам не впервой.

Лишь тут вспомнил про Катю. Где она? И почему появилась именно в тот момент?

Он открыл глаза – и не понял, где находится. Окон здесь не было, все освещение – тусклая лампочка под потолком, вдоль стен рядами висели казенные шинели, пахло паленым утюгом и солдатским цейхгаузом.

С трудом повернул голову и, не сдержавшись, застонал от боли.

– Юрочка! Живой! Слава богу! – возле него стояла девушка в гимнастерке, лица без очков он не мог разглядеть, но по голосу узнал:

– Катя… – И добавил: – Где я?.. Ничего не вижу без очков…

– Очки – это не беда, живой главное! – сказала она. – А очки мы сейчас подберем, здесь, на складе, полно всякого добра. – Куда-то на минуту исчезла, вернулась с очками: – На, примерь. Подходят?

Очки пришлись впору. Теперь только он разглядел на петлицах ее гимнастерки знаки различия сержанта НКВД и спросил:

– Ты – кто?

Она щелкнула каблуками:

– Разрешите представиться, сержант внутренней охраны Светлана Синичкина. Не бойся, Юрочка, документы – не придерешься. А здесь – мое хозяйство, внутренний склад НКВД, самое безопасное место, без спецдопуска сюда никто не сунется.

Как бы в опровержение ее слов, раздался стук в дверь. Катя упорхнула в коридор, и оттуда донесся ее… да нет, совсем не ее,

а скандальный хамоватый голос, вполне приличествующий грозной складохранительнице, сержанту внутренней охраны Синичкиной:

– Ну, и чё надо? Обед у меня! Вот, читать умеете?

Мужской голос был заискивающий:

– Да мне бы только, Светочка…

– Кому Светочка, а кому товарищ сержант! Чё в обед приперся, спрашиваю? (Ну, Катюша Изольская, ну миссис Сазерленд!)

– Дело-то срочное, товарищ сержант. Вот, гимнастерочка… ворот – вообще напрочь. Новую бы…

– Да у вас, товарищ лейтенант, я гляжу, окромя гимнастерки, еще и вся, извиняюсь, рожа набекрень. И где же вы это – до такого состояния?

– Да не, я как раз самую малость. Это капитан один разгулялся, Блинов фамилия, здоровый, гад! Ничего, мы ему тоже накостыляли, мало не покажется… А меня, надо ж, через час к самому товарищу Берия вызывают; ну как я к нему – в такой гимнастерке?

– А ничё, что, пардон, с такой рожей?

– Ничё, скажу, что на боевом задании, да и Галочка из канцелярии обещалась подпудрить малость; а вот в гимнастерке такой никак нельзя.

– Так давай ордер на новую.

– Да кто ж вот так выпишет за здорово живешь? Мне эту всего запрошлым месяцем выдали. Вы уж, товарищ сержант, как-нибудь…

– «Как-нибудь»! У меня тут не частная лавочка, чтобы «как-нибудь»!

– Да я ж понимаю, Светочка… то есть товарищ сержант; но вы уж войдите в положение…

– Эх!.. Ладно! Слава труду, сердце у меня девичье доброе. На, держи. Из внутренних резервов. Бэушная, правда, тут вот рукав попорчен, но все получше этой. А рукав пусть тебе Галочка твоя из канцелярии подштопает. Бери, помни мою доброту!

– Век помнить буду, товарищ сержант! А это – вам.

– Чё это? Не надо, нам не положено.

– Так я ж – от чистого сердца!

– Ну если от чистого… Ладно, топай, лейтенант, к Галочке своей.

Вернувшись с бутылкой ликера «Бенедиктин», пояснила:

– Взятка. Уже столько понанесли – лабаз могу открывать… Ну, как я их держу?

Васильцев с трудом сумел улыбнуться – казалось, кожа

сейчас лопнет на распухшем лице:

– Да, держишь здорово, – сказал он. – И слава уже, смотрю, у тебя на всю контору.

– Не завидуй. Слава о капитане Блинове тоже долго еще держаться будет. Я только к концу последнего действия подоспела; но все равно, скажу тебе – впечатлило!.. Ну а если б не подоспела? Боюсь, больше мы с тобой не разговаривали бы.

– Да я… после того, как ты пропала… не очень на встречу и рассчитывал… – не без труда проговорил Юрий – плохо слушался прокушенный язык.

– Да… – вздохнула она. – Ты уж прости, что так получилось, но иначе, поверь, было никак нельзя. Вдруг обнаружила, что они меня почти выследили, это было слишком опасно.

– Кто – «они»? – спросил Юрий и сразу осознал, сколь глуп его вопрос: он не прояснит и тысячной доли тайн и загадок, окружавших ее.

– Да, ты прав, – согласилась она, – «они» слишком разные, чтобы их – вот так, одним словом. Давай-ка потом. А пока скажи мне: ну зачем ты вчера устроил это побоище? Понимаю, душу отвел; но конспирация как же?

По этим словам Юрий понял, что она знает и про него, и про Тайный Суд, и про все события последних дней решительно все, поэтому отозвался в сердцах:

– Какая, к лешему, конспирация! Все равно все уже прахом.

– Если ты имеешь в виду Тайный Суд и полагаешь, что его больше не существует, то поверь, тут ты глубоко заблуждаешься, – улыбнулась Катя. – За свою долгую историю он претерпевал и не такое. Время сейчас, конечно, не простое, но это еще не повод для отчаяния.

– Викентий… – произнес Юрий. Договаривать не стал – страшны были воспоминания.

– Да, я знаю, – спокойно сказала Катя. – Я была там сразу после тебя, но он был уже мертв. Тебе он ничего не успел сказать?

Юрий покачал головой:

– Ничего… Почти ничего… Главное – все его люди исчезли для нас вместе с ним: они больше никому не подчинялись.

– Это плохо, – согласилась Катя, – но вполне поправимо. В конце концов, людей можно и заново набрать, так уже случалось.

– И Домбровского убили…

– Ну, убили его или нет, – перебила Катя, – мы пока с уверенностью не можем сказать. Во всяком случае, трупа пока никто не видел.

– И все документы из тайника исчезли… И деньги…

Катя спросила:

– А ты прежде видел деньги там, в тайнике?

Юрий нахмурился, припоминая. Что-то там лежало на полках, но были ли там деньги, с уверенностью он не мог сказать. Вместо ответа лишь прибавил:

– И Борщов удрал, где-то схоронился со своим котом…

– И ты, – заключила Катя, – понял, что все кончено, и дал себе волюшки напоследок, верно я уловила?

– Что-то вроде того… – произнес Юрий. Сейчас он чувствовал себя мальчишкой рядом с ней, запутавшимся, глупым, набедокурившим мальчишкой. И добавил в свое оправдание: – Но ведь вправду, больше никого не осталось…

Катя сказала строго:

– Как это «никого», если остался ты? А ты – это не просто ты. Насколько я понимаю, именно тебя Домбровский оставил вместо себя на случай, если с ним что-нибудь случится. Значит, ты – это и есть Тайный Суд. Пускай пока в единственном лице, это со временем поправимо. И раскисать тебе – непростительно!

Она была права! Раскис, как кисейная барышня! Дурак, размазня! Тут даже оправдываться нечего.

– А во-вторых, – продолжила она, – ты вовсе не так одинок, как думаешь. В Москве только одно из отделений Суда, имеется Центр, и он, поверь, неусыпно наблюдает за происходящим. Кстати, именно из этого Центра меня и прислали.

– Ты?.. – только и проговорил он. Так вот в чем дело! Теперь многое становилось на свои места.

– Прости, я не могла тебе сказать всю правду при той первой встрече, еще не знала, что ты во все посвящен. Хотя, конечно, понимала, что рано или поздно…

– Ах, ну да, по праву происхождения! – догадался Юрий. – Но ведь в таком случае – и ты тоже…

– Конечно, – кивнула она, – как же иначе. Правда, отец перед смертью не посвятил меня во все, это сделали потом другие люди.

С ума сойти! Значит, и ее отец, интеллигентнейший архитектор Евгений Гаврилович Изольский, – значит, и он тоже… Впрочем, надо ли удивляться, если отец его, Юрия, добропорядочный адвокат Андрей Исидорович Васильцев, был из той же когорты?

– Тогда, в Гражданскую войну, – продолжала Катя, – казалось, что Тайный Суд здесь, в России, прекратил свое существование, в особенности – после гибели Андрея Исидоровича. Вот мы и оказались за границей. В сущности, он тогда поступил так же, как нынче ваш Борщов. Но я, когда мне предложили, – я согласилась сразу.

«Зачем?! – подумал Юрий. – Из той спокойной, безопасной жизни в Лондоне – сюда, в эту кровавую круговерть?»

– Просто, – вздохнула Катя, словно услышав его немой вопрос, – не хотелось быть… как твой отец однажды говорил… я запомнила…

– Двуногой без перьев, – подсказал Юрий. – Это еще Платон, кажется, сказал.

– Я знаю. Но впервые услышала от твоего отца, и запало в душу. Не хотелось быть вот такой вот ощипанной курицей… А Москву выбрала – да, чтобы встретиться с тобой, я в тот раз тебя не обманула.

– Ну а исчезла-то почему? – спросил он.

– Вдруг почувствовала – здесь происходит что-то не то.

– Нападение в Марьиной Роще?

– Там и вправду могла быть просто случайность, – на то она и Марьина Роща. Но потом, пока ты лежал в больнице, стали происходить всякие непонятные вещи… В общем, я поняла, что меня выследили и квартира миссис Сазерленд оказалась не самым безопасным местом. К счастью, на такой случай у меня имелась запасная легенда.

– Светлана Синичкина?

– Да. Как, справляюсь?

– Как будто ею родилась, – улыбнулся Юрий. – А кто выследил? Эти, из помойной империи?

– Их людей я тоже заметила, но дело не только в них. Сами по себе они не так опасны, как кажутся.

Юрий вспомнил последний взгляд умирающего Викентия. Какую бо2льшую опасность Катя имела в виду?

– Видишь ли, – продолжила Катя, – я давно уже слышала про их царство. Несмотря на свои несметные богатства, они по сути так и остались жалкими попрошайками. Их ничего не волнует, кроме денег, и в такую сложную игру, как сейчас, они по собственной инициативе ни за что не стали бы ввязываться, головы у них устроены по-другому. Нет, за ними наверняка стоит какая-то другая, пока неясная сила.

– Но какая? НКВД?

– О, вот уж нет! Эти умеют только хватать беззащитных, а сами дрожмя дрожат и ждут, когда их тоже поставят к стенке… Впрочем, по своим каналам я узнала, что их начальству недавно стало откуда-то известно про Тайный Суд. Кто-то пожелал и их тоже стравить с нами. Некий *Призрак*. Ты про такого не слыхал?

– Да, – вспомнил Юрий, – Домбровский однажды упоминал какого-то Призрака, но объяснять ничего не стал. Вряд ли ему известно, кто это такой… А почему ты сразу к Домбровскому не

обратилась?

– Сначала хотела понаблюдать со стороны, что у вас тут происходит. Ну а потом… сам знаешь…

Юрий кивнул:

– Да, потом уже было поздно… И что теперь будем делать?

– Собирать осколки, что же еще? – она пожала плечами.

И Юрий впервые за эти дни вдруг ощутил уверенность: у них все получится. Теперь, когда он с ней, у них все получится, не может не получиться!

– Ну а теперь, – попросила Катя, – расскажи все, что знаешь ты, постарайся не упускать никаких мелочей.

Он начал с самого начала, с того дня, когда получил письмо от Домбровского. Кажется, в самом деле удалось не пропустить ни одной даже самой малозначащей мелочи. Катя, слушая его, иногда кивала – должно быть, это было для нее не ново, – а иногда хмурилась – похоже, не сходились какие-то детали в той мозаике, которую она складывала в уме.

– Навело на какие-нибудь мысли? – спросил он, доведя свое повествование до подвигов капитана Блинова.

– Разве что появились кое-какие зацепки для размышлений, – проговорила она. – Обсудим это позже, а пока… Давай разберемся, кого мы пока видим своими противниками и насколько близко можем к каждому из них подобраться. Итак – во-первых?

– Эти помойные любители капустки, – перед глазами Юрия возникла картина страшной смерти Викентия, и холодок прошел по телу оттого, что, возможно, предстоит схватка с такими противниками.

К некоторому его облегчению, Катя покачала головой:

– Вряд ли с них надо начинать. Подобраться-то к ним можно, но начинать надо с другого.

– С Призрака?

– Нет, это – в самом конце, о нем мы практически ничего не знаем.

– С Борщова? С Домбровского?

– Ты что, имеешь хоть малейшее представление о том, где они?

Юрий покачал головой.

– С чего же тогда? – спросил он.

– Думаю, – ответила Катя, – начинать следует с самого слабого звена…

– Алё, – развязно произнесла в трубку сержант Светлана Синичкина. – Я с кем говорю, с лейтенантом Уховым?.. Что,

Сенечка, узнал? Молодец!.. А чё делаешь?.. Вот и я тоже. А подарков мне тут цельный короб нанесли… Да всё, и закусить, и прочее. Составишь компанию?.. Ну так не задерживайся, жду… – Положив трубку, пояснила: – «Язык» нам нужен, а лучше «языка», чем этот Сенечка Ухов, не найти: редкостный охламон. Нынче он как раз на майора Чужака пашет. Уже выложил спьяну, что этому Чужаку поручено самим Берия проникнуть в Тайный Суд, что-то он такое, видно, замыслил. Сейчас мы этого Ухова – наизнанку.

– А мне что делать? – спросил Юрий.

– Ничего, лежи как лежишь, только голову одеялом накрой. Шурином моим будешь.

Через несколько минут послышался скрёб в дверь, и Юрий услышал сквозь одеяло голос Синичкиной:

– Но-но, Сенечка, покедова – без рук! Ишь, трезвый – а сразу пристаешь, неча мне тут!

Они вошли в складскую комнату.

– А это кто? – спросил лейтенант Ухов.

– А это мой кум с Ростов-Дона, прибыл барахлом отовариться. Да вот же! Едва деньги в кармане почуял, сразу назюзился, уже вот второй день не просыхает. Напьется – и дрыхнет как бревно. Ты, Сенечка, на него не гляди, он не слышит ничего, до завтрева не очухается. Ты только не говори никому, что я его тут приютила: сам знаешь, не положено в казенном помещении.

– Ясно, не положено. Да ты ж меня, Светик, знаешь, я – молчок.

– Не знала б – не позвала бы. А вот гляди, чего нам Бог послал. – Загремели бутылки, посуда.

– Ну-ну! – все же заметил бдительный чекист. – Про Бога ты тут не больно-то.

– Ох, сама знаю, Сенечка, как-никак сама член ВКП(б), а вот же прицепилось к языку, как болячка. Больше не буду. Ну давай, Сенечка. Слава труду!

– Слава труду! – поддержал ее лейтенант.

Чокнулись.

Катя взяла завидный темп – за десять минут под нехитрые тосты чокались раз пятнадцать. Наконец сержант Синичкина направила разговор в нужное русло:

– А ты, Сенечка, я слыхала, под самим майором товарищем Чужаком служишь?

– Точно так. Беззаветный, скажу я тебе, человек! Но только об этом – тсс!

– Ясно, что – тсс, чай, не маленькая.

– То-то! А товарищ Чужак теперь во всем лично Самому

отчитывается.

– Ух ты! Ежову, что ль? Николай Иванычу?

– Не, Ежов – всё, хана ему вроде. Только тсс!

– Ох ты, мамочки! И кто ж заместо его?

– Товарищ Берия Лаврентий Павлович.

– Это в очках который?

– Не в очках – в пенсне. Потому как культурный человек, видать, зрение попортил по ученому делу.

– Бедненький… А ты с товарищем Чужаком все троцкистов изводишь?

– Сейчас – другое. Вышли на глубоко законспи… законспе… в общем, на целую организацию. Тайный Суд называется. Самое звериное логово. Он, этот Тайный Суд, чекистов мочит. Слыхала, что с Буцисом и Ведренкой сотворили?

– Ох ты, свят, свят!.. Прости, опять прилипло поповское… Опасное, наверно, задание?

– А ты думала? Вон, помнишь, Непомирайко с Негорюевым?

– Не дай-то господь… Тьфу ты черт, снова!.. Но ты уж у меня смотри, я, ежель чего, переживать буду, ушки у тебя красивые, махонькие.

– Это уж как партия прикажет.

– Да, такая у вас, у родимых, служба. Отчаянные вы мои головушки!.. И как же вы про этот Тайный Суд раскопали?

– Да вот Призрак один завелся…

– Да ты что! Так прямо и призрак? Аж на душе зябко…

– Не настоящий призрак, не боись. Агентурный псевдо… псивдо… Кликуха, в общем, такая.

– Рецидивист?

– Наверное.

– Когда ж вы, мои милые, всю эту нечисть искорените, чтоб не мешала людям социализм строить?

– Не сомневайся, ужо искореним! Не сразу только…

– А чего ж тянуть?

– Да тут такое дело… Только ты – тсс!

– Могила!

– А задумал товарищ Берия этот Тайный Суд под себя приспособить – чтоб он врагов народа карал, во как!

– Что-то лепишь ты, Сенечка. Вам что, «троек» мало – троцкистов карать?

– «Тройка» – не то. Так злыдни больно легко отделываются: маслину в затылок – и поминай как звали. А вот прикинь: висит какой-нибудь троцкистско-бухаринский злыдень на дереве, и на шее у него табличка какая-нибудь эдакая.

– Как у Буциса?

– Во-во. Конечно, для всякой мелкоты и «тройки» вполне довольно, а ежели ты – навроде наркома?.. Красиво мыслит товарищ Берия, вот что значит в гимназиях обучался.

– Наркома? Не больно-то?

– А чё? Хоть бы даже этого нашего прошлого.

– Ежова?! Николай Иваныча?! – ужаснулась сержант Синичкина.

– А что, он заговоренный, Николай Иваныч твой? Очень даже ему место с такой табличкой. Мне товарищ Чужак самолично намекал; а ему, Чужаку, – кто? Улавливаешь?

– И что ж, ты задание такое получил?

– Что-то я заболтался тут с тобой, – вдруг посерьезнел лейтенант.

– Так я же – тсс!

– Ну и хорошо, что – тсс! Проехали. Какое Родина поставит задание – такое и выполню[18].

– И с Ежовым тоже?.. Все, все, молчу! Я ж, Сенечка, только за тебя боюсь. Тебе-то самому не стрёмно?

– Ох, скажу я тебе… Бывает, всю ноченьку глаз не сомкну!

– А ты, Сенечка, выпей еще для храбрости. Молодец, вот так! И еще одну! Полную!.. Давай еще – Бог троицу любит!.. Ну, ты как, Сенечка?

– Вот щас – порррядок! Полный порррядок! Самое то! И нет таких пррреград, которые бы большевики…

Раздался грохот. Юрий выглянул из-под одеяла. Лейтенант лежал лицом на столе. Потом с нечеловеческими усилиями он приподнял голову и, устремив перст к потолку, произнес одно только слово:

– *Спиногрызы!*..

– Ты про что, Сенечка?! – спросила сержант Синичкина.

– Спиногрызы, вот! – повторил лейтенант и погрозил пальцем потолку.

– Какие такие спиногрызы?

– Вот такие вот! Страхолюдные! Сила у них какая – знаешь?! Вроде одну капустку жрут, а – силища! Думаешь, мы с товарищем Чужаком пальцем деланные? Ошибаесся! Потому что – спиногрызы!.. – и пьяные слезы потекли по его лицу.

С каждой минутой его слова все более утрачивали сходство с человеческой речью, но у Кати, кажется, получалось вытянуть из него что-то хоть немного осмысленное. Юрий понял только одно: что у майора Чужака давно уже налажена связь с этими самыми *спиногрызами*; именно в них майор и лейтенант Сенечка рассчитывали найти защиту. И тропа к этим спиногрызам уже, кажется, была ими проложена.

Говорил лейтенант все тише, Юрий уже не слышал почти ничего из его бормотания, но Катя продолжала терпеливо с ним работать, и вроде бы не без успеха.

Наконец лейтенант опять уронил голову на стол и мерно захрапел.

– Теперь, – сказала Катя, – до завтра будет дрыхнуть, я ему на всякий случай еще тройную дозу снотворного вкачала. Но все, что надо, мы из него вытянули. Ладно, и ты пока спи, завтра нам предстоит много дел.

Глава 18
Схождение в преисподнюю

Утром их путь начался с Дорогомиловского рынка – как удалось Кате вытянуть из лейтенанта Сени, привередливые спиногрызы признавали капустку только оттуда. Отоварившись трехлитровой банкой квашеной капусты, далее они двинулись к Парку культуры – именно оттуда начинался путь в преисподнюю. По дороге Катя наставляла Юрия:

– Постарайся ничего не пугаться. Как я поняла, выглядят они очень страшненько, думаю, тамошняя знать подбиралась по принципу личного уродства. Кроме того, вступали в действие всякие мутации, характерные для замкнутых людских кланов. В общем, я чувствую, насмотримся! Один меня особенно настораживает – *треугольный*, который вроде бы мысли умеет читать.

Про этого, с треугольной башкой, лейтенант Сенечка вчера поведал в самом конце, дрожа как осиновый лист от страха. Мужику, по его словам, в империалистическую войну снарядом снесло верхушку черепа, вот ему в госпитале и приделали на это место колпачок из гуттаперчи, но если он этот колпачок снимает, то открытым мозгом чужие мысли читает. Его сам Берия хотел для своих целей приспособить, но спиногрызы первыми его перехватили и упрятали, теперь он на них работает.

– Так что придется контролировать свои мысли, – сказала Катя. – Сумеешь?

– Попробую, – пообещал Юрий. Он прикинул, как это сделает, и не смог сдержать улыбки. Подумал: «Такого ерша ему запущу – мало не покажется!»

Когда подошли к станции метро «Парк культуры», искать долго не пришлось – сразу увидели связного, которого описал лейтенант Сенечка. Огромного роста слепец, одетый в отрепье, с черной повязкой на глазах, стоял, прислонившись спиной к стене, и беспрерывно щелкал семечки. На груди у него висела фанерная табличка с надписью: «Чиним швейные машинки с выездом на дом».

– «Зингер» девятьсот второго года чините? – спросила Катя (это был пароль).

Некоторое время слепец явно оглядывал их, причем делал это как-то при помощи правого плеча, ибо голова с повязкой на глазах оставалась неподвижной. И вдруг, к ужасу своему, Васильцев обнаружил вперившийся в него вполне зрячий глаз,

только располагался этот глаз вовсе не там, где должно, а на плече. Заплатка там отпала, и из-под нее ясно виднелся большущий глаз – с веком, с ресницами. Глаз неторопливо обозрел его, Юрия, затем Катю, наконец, к облегчению Васильцева, человек с табличкой прикрыл заплаткой прореху на плече и оглушительно свистнул в два пальца.

Тут же у кромки тротуара с визгом притормозил автомобиль. Это был уже знакомый Васильцеву «роллс-ройс», весь в заплатинах, с фанерными листами вместо боковых стекол. Горбун-водитель, одетый явно с помойки, приоткрыл дверцу и бодро отрапортовал:

– Карета подана! Просю!

Васильцев и Катя пролезли на заднее сиденье. Верзила с табличкой уселся рядом с водителем, но развернулся назад и снова откинул заплатку на плече, и его глаз теперь блуждал по Кате и Васильцеву.

– Доставим в лучшем виде, – пообещал горбун, заводя двигатель, – будете премного довольны.

– Спасибо, – кивнула Катя.

– «Спасибо»… – буркнул горбун. – За «спасибо» нынче и кошки не мяукают.

Катя вынула из ушей золотые сережки и протянула их горбуну. Тот попробовал их на зуб и одобрил:

– Да, рыжье настоящее. Люблю, когда клиент с пониманием. – Он повернулся к плечеглазому: – Сразу в Туннель Висельника, или как?

– Сначала Рентгена подберем, – ответил тот, – пускай просветит их по дороге. Он нас там, у туннеля, поджидает.

Юрий догадался, что под Рентгеном подразумевался тот самый «треугольный», умевший просвечивать чужие мозги.

После недолгого пути машина притормозила, в нее впрыгнул какой-то чудик в длинном, до пят, плаще и с треугольным колпаком на голове, уселся на приставное сиденье напротив Кати и Васильцева, и машина снова тронулась.

Живя в городе, где ни с того ни с сего в одночасье и навсегда исчезают жители, где действуют некие непостижимые для здравого ума законы, где по ночам люди не спят, в липком страхе ожидая стука в дверь, где некий Тайный Суд вершит справедливость, он, Юрий, не раз ловил себя на мысли, что проживает в мире, придуманном чьим-то больным воображением, в мире, которого в реальности просто не может быть. Потому сейчас, скользнув оттуда в этот новый мир, где у людей глаза растут из плеч, где правят нищие короли и помойные императоры, где тебя просвечивает своим рентгеном какой-то

монстр с треугольной башкой, он почти не удивился: просто, по всей видимости, эти *миры, которых не может быть*, были вложены один в другой, наподобие матрешек, и кто знает, во сколько еще таких миров ему нынче предстояло провалиться.

– Покуда завяжи им глаза, – приказал тот, что с глазом в плече.

Треугольноголовый достал из кармана повязки и быстро завязал глаза Кате и Юрию.

– К Туннелю Висельника подъезжаем, – пояснил горбун-водитель, – ничего не потеряете, если не увидите, обычно все проходят мимо, никто не замечает: дырка – она дырка и есть.

– А почему он так называется? – спросил Васильцев.

– А! То особая история! – обрадовался вопросу словоохотливый горбун. – Когда тут недавно метрошку рыли, одна бригада метростроевцев сгинула. Оказалось, ихний прораб, не шибко в картах грамотный, не в том месте копать начал. А задор-то комсомольский, стахановский; вот он и нарыл лишних километров пять, пока его бригаду не нашли и не остановили. Прораб наш от душевного расстройства в том же туннеле и удавился, а бригаду его за вредительство отправили в Воркуту шахты рыть. Ну а заделывать туннель никто не стал, сметы на то Лазарь Каганович не подписал, и туннель этот ни по каким документам не значится. Ну а уж мы этот туннельчик расширили. Немножечко так, километров на пять-шесть, так что есть где схорониться честно́му народу… Вот и въехали, – подвел он итог, и сразу в нос ударил запах затхлости и залежей нечистот.

Лишь теперь треугольноголовый снял повязки с их глаз. В туннеле было темно, автомобиль освещал путь фарами. Затем Рентген снял с головы свой конический колпак и остался в повязке из грязной марли, под которой шевелился какой-то невидимый студень. Васильцев понял, что в следующий миг начнется сеанс рентгена, и подмигнул Кате: сейчас он знал, что ему делать.

Задача была, в сущности, из простых, Юрий не раз принимался ее решать, когда болели зубы. Странное дело, всякий раз он потом напрочь забывал решение и приходилось браться за нее с нуля. Что ж, сейчас, похоже, зубы сведет у кого-то другого, не без злорадства подумал он.

Итак… Заяц мчится по прямой с постоянной скоростью. Волк начинает погоню из точки, находящейся вне этой прямой; его скорость постоянна по величине, а бежит он таким образом, чтобы заяц всегда находился перед ним. Спрашивается: какова форма кривой, по которой бежит волк?

Рентген сразу заерзал на своем приставном сиденье и начал

потеть.

Собственно, задача сводилась к системе обыкновенных дифференциальных уравнений, но для решения требовались довольно хитрые подстановки, которые Юрий регулярно забывал и всякий раз восстанавливал их заново. Ну-ка, если взять тангенсы – там, кажись, должно исчезнуть одно очень гнусное слагаемое…

Было ощущение, что Рентгена сейчас стошнит прямо на пол.

…А может, стоило, наоборот, дополнить это чертово слагаемое до полного дифференциала? А что? Возможно, все упростится…

Ах, как ломало беднягу Рентгена! Лицо его дергалось, из-под марли, покрывавшей голову, струями лился пот. Обладатель плечевого глаза наконец заметил, как колбасит его дружка, и спросил:

– Э, Петюня, укачало никак?

Рентген-Петюня надел гуттаперчевый колпак и, переведя дух, проговорил, утирая пот:

– Клиент непростой попался.

– Ничё, Петюня, тебе, чай, не такие попадались? – подал голос горбун. – Вон, помнишь, прошлым месяцем мы вурдалака-расчленителя одного везли, он еще из кожи молодых девок портмоне делал, потом продавал на Сухаревке; тоже тебя страсть как колбасило, а ничего, расколол-таки злыдня. Ты уж поднапрягись, соберись, не с пустыми ж руками к ихним величествам являться. Я-то сразу усек, что эти злыдни непростые, но неужто похлеще того?

В этот самый момент Васильцев подумал, что тут вполне не лишне бы сделать обратную тригонометрическую подстановку, и Ренгена-Петюню, как динамитом, подкинуло вверх, его гуттаперчевый шлем вонзился в крышу машины. Так и оставив его там торчать, он распахнул дверцу, выкатился из автомобиля и, издавая какие-то жалкие звуки, ушмыгнул во тьму.

– Да, нервный Петюня сделался, – вздохнул горбун. – Теперь ищи его свищи. Небось теперь недели две где-нибудь отлеживаться будет… Не трясет? – спросил он пассажиров. – А то можно бы и сбавить, – видимо, после происшедшего заключил, что с такими людьми надо обращаться как можно почтительнее.

– Да скоро уж будем, – буркнул его товарищ, моргнув заплаткой на плече.

Васильцев отметил, что туннель начал расширяться, машину почти перестало подкидывать на ухабах и в затхлом воздухе подземелья стали улавливаться запахи дешевой парфюмерной лавки.

Вдруг свет фар наткнулся на огромные резные ворота, перекрывавшие весь проем туннеля, и машина стала как вкопанная.

– Приехали, – сказал горбун, и Васильцев понял, что сейчас они въедут в еще один *мир, которого не может быть*, – уже, кажется, третий по счету.

Горбун нажал на клаксон, ворота отворились, и машина въехала в просторное помещение, напомнившее Всильцеву недостроенную станцию метро. Горбун подтвердил его догадку:

– Тут один чудак-энтузиаст столицу всемирного метро надумал соорудить – на случай всецельно победившего социализма. Навроде Дома Советов, но только под землей. Уже почти отстроил, но тут выяснилось, что у чудака этого с происхождением что-то там не так, да еще символику троцкистскую бдительные люди углядели на потолке. В общем, чудака этого – к стенке, все подходы засыпали, но наш народец по горсточке, по горсточке все разгреб – и вон оно что получилось!

Помещение действительно подавляло своими размерами, правда, в сером свете, слабо пробивающемся откуда-то сверху, выглядело оно тускло и оттого особенно загадочно. Посреди площади размером со средний аэродром возвышалось огромное сооружение – не то радиобашня, не то грот-мачта какого-то океанского парусника. Вдоль стен стояли скамьи, и на этих скамьях сидели мелкие существа неясного пола, одетые в мышино-серую одежду и занятые каким-то рукоделием; по представлениям Юрия, именно так должны были выглядеть сказочные ткачихи-кикиморы. По всей видимости, рукодельницы то и дело укалывали себе пальцы, и изо всех углов ежеминутно доносился слабый писк.

Глаза Васильцева уже обвыклись с полумраком, и он увидел два огромных трона, стоявших подле загадочного сооружения, и на этих тронах шевелилось что-то явно живое. На одном троне восседало свиноподобное существо с огромной головой, одетое в наряд, который, не будь он так грязен, подошел бы какому-нибудь оперному королю. Спереди и сзади у свиноподобного выделялись два неестественно больших полушария: спереди – брюхо, сзади – горб. Видимо, уродства служили тут чем-то наподобие знаков аристократизма. На соседнем троне сидел некто неестественно высокий, с прямой спиной, черным, как асфальт, лицом, с руками невероятной длины, одетый в какой-то языческий расшитый звездами синий балахон. Юрий догадался, что лицезреет монархов этого подземного мира – тех самых Короля Нищих и Императора Помоек, Луку и Фому, о которых не так давно рассказывал Домбровский.

На какой-то миг все замерло. Обитатели подземного царства, оставив свои дела, теперь во все глаза изучали пришельцев. Пауза явно затягивалась.

Вдруг свинорылый хлопнул в ладоши, и потоки ярчайшего света по спиралям разбежались от пола до самого потолка, и сразу свист, писк, ор, гам сверху донизу заполнил помещение.

Тут, однако, монарх в синем балахоне поднял руку, и все звуки в одно мгновение оборвались.

Глава 19
Праздник счастья

– Итак, – произнес он голосом, похожим на скрип мельничных жерновов, – по случаю этого радостного весеннего дня мы в нашей скромной обители объявляем праздник всеобщего счастья.

– Счастья! Счастья! Счастья! – прокатилось на разные голоса по ослепительно сияющему залу.

– Да, да, счастья! – пискнул со своего трона свинорылый. – Ибо каждый имеет право на кусочек счастья, каким бы сирым и убогим не произвела его на свет судьба!

– Счастья! Счастья! – снова грянуло от пола до выси. – Да здравствует король! Да здравствует император!

– Вот ты, сестра Цицилия, – обратился смуглолицый монарх к одной из сереньких кикиморок, – скажи, каким ты представляешь себе свое маленькое счастье? Да, мы знаем, ты потеряла двух деток, ты извела свою плоть, чтобы не нарожать новых, ты питалась картофельными очистками, ибо ни на что более не зарабатывала своим трудом, ты молила Всевышнего о смерти, ибо не видела в этом мире ничего, кроме боли и унижения; но ведь было, было же что-то, что ты вынашивала в своих тусклых снах, нечто такое, что одним звуком придавало тебе силы и не давало расстаться с этим миром. Пускай ты не ведала, что это такое (как мы и все не ведаем, что же такое счастье), но оно притягивало к себе и наполняло твои дни каким-то смыслом. Ну, скажи нам, сестра Цицилия, было в твоей жизни что-нибудь такое? Говори, мы тебя слушаем!

– Говори, говори, Цицилия, говори! – пронесся ропот по залу.

И кикиморка слабо пискнула:

– Было!

– Ну-ну! – встрял свинорылый монарх. – Назови же нам эту свою недостижимую мечту!

Кикиморка некоторое время стояла, не в силах произнести заветное слово, и наконец выдавила из себя:

– Ананас!

– Ананас! Ананас! Ананас! – прокатилось по залу.

– Да, да, ананас, мы слышали, дитя мое, – кивнул свинорылый. – Поведай же нам все подробно про этот заветный ананас.

– Я, ваше величество… – начала она, однако король перебил:

– Говори просто «сир», так оно яснее и короче. Итак, ты

говоришь – ананас?

– Да, сир. Мой первый малыш услышал это слово, когда прислуживал во время Масленицы в одном богатом доме. Ананаса ему не досталось, он толком и не понял, что это такое. Когда он подрос, то зарезал двух человек, желая добыть этот самый ананас, но его пристрелили из дробовика, прежде чем он к нему прикоснулся. Потом была история с младшим моим сыном…

– Тоже пристрелили из дробовика? – спросил свинорылый.

– Нет, сир, он упал с елки, на которой висел этот самый ананас, и сломал себе спину. Через два дня он отошел. И вот с тех самых пор…

– С тех самых пор, – подсказал ей монарх в синей мантии, – ты мечтаешь об ананасе, как о Божьей панацее, верно мы тебя поняли, сестра Цицилия?

– О да, сир! Иногда мне кажется, что лишь только я воочию увижу его…

– А ты хоть знаешь, сестра Цицилия, как выглядит сей заморский фрукт?

– Мне говорили, сир, что он похож на большую еловую шишку, но изумительно вкусен внутри. Это так? Или врали мне люди?

– Нет, сестра Цицилия, никто тебе не врал. Вон он, самый большой и самый спелый ананас из всех, какие только бывают на свете. Полезай, бери его, он твой.

Большущий ананас, опутанный гирляндами из разноцветной мишуры, висел на самой верхушке грандиозного сооружения. Взвизгнув от восторга, сестра Цицилия ступила на подножие трона, потом, цепляясь за какие-то выступы и импровизированные шпангоуты на корпусе мачты, полезла наверх. Несколько раз та или иная опора подламывалась у нее под ногой, женщина зависала в воздухе, зал издавал сдавленный крик, но каким-то чудом сестра Цицилия находила новую опору и под радостный рев зала продолжала свой путь к близкому уже счастью.

Ананас был совсем рядом. Сестра Цицилия потянулась изо всех сил, вцепилась в него обеими руками и, потеряв опору, повисла в воздухе. Тишина наступила такая, что было слышно, как на пол оседает мишура.

Вдруг ананас сорвался и вместе с Цицилией, не желавшей выпускать колючее счастье из своих рук, полетел вниз. Чтобы не повредить эту диковину, она летела спиной вниз, держа ананас на вытянутых руках.

Упала она на какой-то штырь, торчавший из цементного

пола, изо рта у нее вырвался слабый писк, тут же смятый фонтанчиком хлынувшей крови, руки выпустили ананас. Ударившись об пол, он раскололся на две половинки и источил заморский аромат.

– Дайте мне, умоляю, дайте мне его! – выдавила из себя сестра Цицилия, протягивая руки к половинкам фрукта.

Ей подали половинку ананаса, и она жадно впилась зубами в золотистую массу.

– Ну как?! Как?! Каков он, скажи! – послышалось со всех сторон шуршание.

– Он… – произнесла Цицилия. – Он – божественен!

– Она счастлива! Посмотрите на нее, она счастлива! – воскликнули кикиморки, сидевшие на скамьях.

– Да, я счастлива… – проговорила сестра Цицилия и в тот же миг испустила дух.

– Она счастлива, она счастлива! – взвыл зал. – Счастье! Да здравствует счастье!

– Именно! Именно так, дети мои! – прозвучал голос, подобный скрипу мельничного жернова. – Она счастлива, истинно счастлива! Ибо истинное счастье приходит к нам лишь один раз в жизни, иначе это будет уже не подлинное счастье, а скучная, приевшаяся повседневность! Ежеминутно дарить человеку счастье – значит, лишать его того мгновения, когда он в состоянии в полной мере это счастье испытать.

– Истину говорит, истину говорит, дети мои! – взвизгнул свинорылый король. – Счастье – это миг, самый вожделенный миг в жизни! Возгласим же этот миг счастья всею силою наших измученных голосов!

– Счастья! Желаем счастья! Да здравствует счастье! – взорвался хор рычащих, визжащих, скрипящих, воющих голосов.

Но тут свинорылый поднял кверху палец, похожий на сардельку, и произнес:

– Однако, дети мои, счастье – это не медный грош, который всякий может подобрать. Счастье надо заслужить, заработать! Откуда, по-вашему, взялся ананас для усопшей в счастии сестры Цицилии? Откуда взялся этот вожделенный заморский фрукт? Он прибыл к нам из далекой Эфиопии. Туда надо было снарядить корабль, собрать команду, прикопить ихних эфиопских тугриков, или что у них там в ходу. Вот почему мы все должны работать в поте лица – и тогда каждому из нас последний миг принесет это долгожданное счастье. Вот ты, брат Серафим, – обратился он к крохотному человечку с лицом, изъеденным язвами, – чем ты занимался всю свою многотрудную жизнь?

– Милостыню просил, – проскрипел уродец сифилитическим

голосом.

– А если не подавали?

– Глотки резал, – без тени смущения признался брат Серафим. – Откладывал по копеечке.

– И много ли копеечек отложил?

– Сундучок. А сколько там, в сундучке, покамест не считал – все равно, видать, мало покамест.

– Но ведь ты не просто откладывал по копеечке, брат Серафим? Тебе нужно было нечто большее, чем эти копеечки. Тебе, как всем на этой земле, нужно было счастье!

– Да – но… – развел руками бесхитростный убийца. – Счастье – оно, видать, только там, на небесах…

– И какое же такое счастье ты углядел там, на небесах?

– «Рено»! – выдохнул брат Серафим, и даже язвы, казалось, на миг исчезли с его лица. – Автомобиль «рено»! Когда меня прокатили на нем, я понял, что ради этого стоит жить! Я перерезал глотку его хозяину, но сам так и не сумел стронуться с места: видимо, не мое было счастье…

– Не твое, говоришь? – проскрипел помойный император. – Ошибаешься, брат Серафим. Счастье – у каждого свое. И каждый его заслуживает. Ну-ка, сколько там в твоем сундучке?

Сразу откуда-то возник сундучок, кикиморки распахнули его и начали пересчитывать мелочь. Наконец одна из них сказала:

– Двадцать три тысячи сто десять рублей и сорок пять копеек.

– А «рено» твой сколько стоит? – спросил свинорылый.

– Шестьдесят пять тысяч рублей. Только жить мне всего-то осталось…

– Жить тебе осталось, брат Серафим, столько же, сколько и всем нам – до обретения счастья. – С этими словами свинорылый швырнул в сундучок пухлый мешок с монетами. – Теперь тут ровно шестьдесят пять тысяч рублей, – подытожил он. – То, за что ты бы еще лет двадцать резал глотки. А теперь… – пальцем-сарделькой он поманил к себе человек двадцать уродцев, одетых в рубища, – теперь мы уносим этот переполненный слезами, кровью, человеческими страданиями сундук. – Уродцы поспешно выполнили его приказание. – И вместо него у нас появляется…

Похоронный оркестр инвалидов вразлад исполнил туш, и под эту музыку исчезнувшие было уродцы выкатили нечто блистающее никелем и светящееся разноцветными огнями. Свинорылый изрек:

– …и вместо него у нас появляется новейшее творение завода «Рено», подобный тому, который на всю Москву имелся только у пролетарского поэта Маяковского. Поэт Маяковский тоже немало заплатил за это свое счастье – ругал монахинь, славил убийц, и

вот в конце концов заслужил это чудо техники. Но поверь, брат Серафим, ты заслужил его ничуть не в меньшей степени. Говорят, в этом волшебном деянии человеческих рук спрятано целых двадцать лошадей!

– Где?! Где?! – залепетали уродцы, пытаясь ковырнуть грязными пальцами сверкающий металл.

– Руки прочь от чужого счастья! – прикрикнул на них свинорылый монарх. – Ваше счастье еще впереди!

Уродцы рассыпались в разные стороны и теперь лишь попискивали от восторга.

– А ты, брат Серафим, – сказал монарх, – садись на это великолепное сиденье, бери в руки этот великолепный руль и исполни наконец то, во имя чего ты перерезал столько глоток. Ну, не робей! Это теперь – твое!

Снова грянул туш. Не в силах произнести ни слова, брат Серафим, отерев грязные руки о не менее грязное рубище, аккуратно приоткрыл дверцу, уселся за руль и тихим шепотом произнес одно слово:

– Счастье…

– Счастье! Счастье! Посмотрите, он счастлив! – взорвался хор голосов. – Давай, брат Серафим! Ну, давай же, покажи, как ты счастлив!

– Посмотри, какие у всех глаза, – шепнула Катя Юрию. – Безумные!

Юрий кивнул:

– Их чем-то опоили, настоем мухомора, наверно.

Человечек тем временем уселся за руль и вдруг в один миг преобразился: теперь это был уродец, преисполненный счастья. Он нажал на клаксон автомобиля, тот пропел канкан; затем бережно надавил на педаль, и «рено» описал неторопливый круг по притихшему залу. Вдруг раздался визгливый женский голос:

– Серафим! Серафимушка! Возьми и меня с собой! – Это крикнула одна из кикиморок с такими же, как у Серафима, сифилитическими струпьями на лице.

– А ты кто еще будешь такая? – сурово проскрипел мельничный жернов, запрятанный где-то внутри второго подземного монарха.

– Я сестра Евфросиния, – ответила женщина.

– И чем же ты прежде занималась, сестра Евфросиния, поведай нам.

– Я… – Она потупила взор. – Я занималась тем, о чем не принято говорить вслух. До тех, конечно, пор, пока не заработала эту постыдную болезнь, после которой ни один нищий не заплатит мне ни гроша.

– Но при чем здесь это? – Свинорылый кивнул на сверкающий «рено».

– О, ваше… О, сир! – воскликнула она. – Однажды… Я тогда была молода и, поверьте, даже красива… И вот тогда один красавчик мужчина позвал меня прокатиться на таком же чуде. Я не могла поверить своему счастью! О, как мы мчались с ним по Тверской, с какой завистью смотрели нам вслед мои товарки!

– Так ты один раз уже получила свое счастье; чего ж тебе еще надо? – спросил свинорылый король.

Сестра Евфросиния разрыдалась:

– О, ваше… О, сир! Это счастье было таким недолгим! Тот красавец завез меня за угол, потом жестоко избил и отнял у меня все деньги, на которые я могла бы прожить еще полгода. Вот тогда я с целью прокормиться и заработала свою позорную болезнь. Но я бы еще и еще раз пошла на это, чтобы еще – хоть один-единственный разок…

– Что ж, – заключил второй, с жерновами, монарх, – ты тоже заслужила свое право на кусочек счастья. Что, брат Серафим, разделишь ты счастье с этой бедной женщиной?

Тот после некоторых раздумий распахнул дверцу:

– А, садись! – великодушно произнес он.

Взвизгнув от восторга, сестра Евфросиния впрыгнула на сиденье.

Брат Серафим дал газ. Автомобиль сделал неторопливый круг по залу. Затем круги становились все быстрее, и при каждом из них все громче и радостнее визжала сестра Евфросиния. Наконец мелькание огней автомобиля образовало единый, неразрывный круг, а рев мотора, визг сестры Евфросинии и завывания толпы слились в один звук, нараставший с каждым кругом. Казалось, сейчас автомобиль преодолеет закон земного тяготения и устремится ввысь. Не только публика, но и оба монарха, затаив дыхание, наблюдали за этим готовящимся взлетом.

Автомобиль был уже на пути в открывшуюся перед ним вселенную, когда с мачты внезапно сорвалась какая-то астролябия и врезалась в «рено», уже отрывавшийся от земли. Оглушительный удар – и сверху, как шрапнель, посыпались осколки. У сестры Евфросинии парашютом раскрылась юбка, и женщина упала вслед за братом Серафимом – спиной на вздыбившийся и торчавший из автомобиля коленвал. Перед тем, как испустить дух, она прошептала лишь два слова:

– Я счастлива!

– Я счастлив, – прохрипел брат Серафим. Их уста слились в поцелуе, и оба они в единый миг отошли в мир иной.

– Счастье! Счастье! Это было подлинное счастье! – закричали в толпе.

Глава 20
Блюдо, подаваемое холодным

– Да, подобному счастью можно только позавидовать, – проскрипел своими жерновами смуглолицый монарх. – Однако… – перевел он взгляд на высохшего человечка со злобным лицом. – Однако, брат Кудим, на твоем лице я не вижу даже отблесков того счастья, которое освещает другие лица здесь. Неужели в твоем сердце нет даже потаенного уголка для счастья?

– Ах, – вздохнул тот, – вы же знаете, сир…

– А, да, да, – кивнул монарх, – вспоминаю твою историю. Твое счастье – иного рода, и его надобно подавать холодным. – Впервые он поднял глаза на Катю и Юрия; эти мертвые глаза напоминали антрацит. – Вы принесли то, что от вас требовалось? – спросил он.

– Вот, – Катя протянула ему банку с квашеной капустой.

Монарх поставил банку в углубление между тронами, открыл ее, вытянул несколько полосок капусты, положил их в рот, и в его глазах даже промелькнуло что-то живое.

– Хучим, абусала хучим, – удовлетворенно произнес он.

– По-шумерски, кажется, – шепнула Катя.

– В действительности, этот язык гораздо старше, – услышав ее, сказал монарх, подцепив еще капустки. – Он так же древен, как голод и нищета, а что может быть древнее в истории человеческого рода? Но капустка ваша воистину хороша; я так подозреваю, что с Дорогомиловского рынка.

– Хучим! Анабузык беш! – подтвердил свинорылый король, подцепив жирными пальцами и свою долю капустки.

– Но мы несколько отвлеклись, – продолжил темнолицый. Он снова посмотрел на сухонького человечка своими антрацитовыми глазами. – Итак, брат Кудим, в чем ты видишь свое счастье?

– Я требую справедливости! – вскричал брат Кудим.

– О, – заколыхался свинорылый, – тогда, боюсь, мы ничем не сможем тебе помочь. Где ты видел ее, справедливость? Покажи ее нам.

Человечек задумался, но поскольку так и не нашел, что бы мог предъявить монархам, сказал:

– В таком случае, ваше… в таком случае, сир, я хочу мести. Настоящей, свершившейся мести, вот чего я хочу!

– Вот это уже лучше, – кивнул свинорылый. – Ибо истинная месть всегда сопутствовала нужде и голоду; стало быть, это в некотором роде по нашей части. Но как здесь уже говорилось,

месть – это блюдо, которое следует преподносить холодным. Я слышал эту мысль от одного тифлисского семинариста, и она запала мне в душу[19]. Мысль наверняка здравая, ибо по сей части этот семинарист впоследствии немало преуспел. Твои же глаза, брат Кудим, горят огнем; о каком же холодном блюде тут может идти речь? Для начала успокойся и изложи нам свою историю.

– Он надругался над моей тринадцатилетней дочерью! – выдохнул брат Кудим и так сжал пальцы в кулаки, что с ладоней закапала кровь.

– Ну вот, ты уже способен к членораздельной речи, – похвалил его свинорылый. – Назови же теперь имя своего обидчика.

– Его называют Лунный оборотень, – ответил тот, – но я его выследил; в жизни его зовут…

– Павел Никодимович Куздюмов, – проскрипел своими жерновами темноликий, – ведущий служащий Наркомтяжа. Что ж, он хорошо известен и нам; мало того, скажу тебе, он сейчас находится совсем неподалеку.

Катя и Васильцев переглянулись: вот, оказывается, где скрывался Лунный оборотень, на поиски которого Тайный Суд потратил столько сил! Только зачем эти подземные царьки удерживали его?

– Да, да, – подтвердил свинорылый, – он совсем рядом; но видишь ли, какая беда… Его уже выследили совсем другие люди. Двоих из них ты можешь даже сейчас лицезреть. – Он кивнул в сторону Кати и Васильцева. – Но эти люди используют одно слово… ты вот, брат Кудим, тоже раз по неразумению употребил его, а мы тут, сирые, даже и не поняли толком. Ну-ка, повтори еще раз.

– Справедливость, – уже менее уверенно повторил брат Кудим.

– Вот-вот, – кивнул свинорылый. – А что это такое, мы, признаться, так и не смогли уразуметь. Скажи, что вот, например, ты понимаешь под этим словом?

– Смерть гаду! – твердо сказал брат Кудим.

– Я рад, что наши понимания совпадают, – согласился темнолицый. – И смерть этого, как ты выразился, гада тебя настолько удовлетворит, что ты воспримешь это как истинное счастье?

– О да! – воскликнул тот.

– Видишь ли, – вздохнул монарх, – люди, уже почти изловившие твоего оборотня, порой считают, что человечка можно исправить, даже такого гадостного, как этот твой Лунный оборотень. Они проводят над подобными некий свой суд, который

почему-то считают справедливым. Может быть, и твое сердце, если оно достаточно горячее, тоже внемлет каким-нибудь словам об этой самой справедливости, которой, ей-ей, нет места на свете. Ну, что ты скажешь на это?

– Нет! – твердо заявил брат Кудим. – Мое сердце холодно как лед.

– Вот и прекрасно! – кивнул свинорылый. – И коли так, то вынеси сам тот единственный приговор, которого твой оборотень по праву заслуживает. Впрочем, я что-то не вижу здесь самого господина Лунного оборотня.

Толпа вытолкнула маленького человечка на середину зала и расступилась. Куздюмов зыркал глазами во все стороны, но нигде не находил поддержки.

Как и полагается отпетому негодяю, начал он с торговли. Проговорил:

– Имею четыре комнаты в пятом доме Советов на Арбате. Могу – в качестве компенсации…

– Гнида! – вырвалось у худосочного Кудима.

– Я понимаю, – продолжал Куздюмов, – этим никак не покрыть… Но также готов компенсировать четырьмя тысячами золотых червонцев…

– И что бы ты сделал с ним, брат Кудим, после таких посулов? – проскрежетали жернова темнолицего монарха. – Имей в виду, что эти посулы исходят из души самого отвратительного скряги на свете, значит, можно поверить хоть в толику его раскаяния. Как же нам следует поступить с ним? Смягчатся ли наши сердца?

– Нет! Нет! – зазвучало из толпы. – Смерть ему!

– Не слишком ли вы горячны, братья мои? – спросил свинорылый. – Неужто вы еще не уразумели, что это блюдо следует потреблять холодным? Пусть свершится желаемое вами; но будете ли вы при этом так же всецело счастливы, как покинувшие нас сестра Цицилия, брат Серафим и сестра Евфросиния? Нет – ибо вы будете жаждать, чтобы муки его были вечными, а это, увы, невозможно по причинам, не зависящим от нас: слишком уж тонка ниточка человеческой жизни. Итак?..

– Смерть! Все равно – смерть оборотню! – раздалось из толпы.

– Что ж, – кивнул свинорылый, – как добропорядочные монархи, мы должны подчиняться гласу наших подданных. Итак, выйди сюда, Куздюмов.

Того снова подтолкнули.

– Ваше… Виноват! Сир! – прокричал он. – Я осознал!..

– Он осознал, – усмехнулся свинорылый. – Я бы не сказал, что слишком уж вовремя. Итак, что будем решать? Беш? – обратился

он к своему напарнику.

– Беш! Анабузык! – проскрипели в ответ мельничные жернова.

– Fiat jasttitifl![20] – согласился свинорылый король. Видимо, и впрямь для здешних монархов было неотъемлемым правилом знать языки всех народов, у которых существовали помойки и нищета.

– Да, ad patres![21] – подытожил император.

После этих слов они одновременно тронули какие-то рычажки, расположенные в основаниях тронов, – и Куздюмов, едва успев вскрикнуть, исчез в каком-то люке, внезапно распахнувшемся под его ногами. Крышка люка мгновенно вернулась на место. Пол был по-прежнему сверкающе гладок, без единой щелочки, и лишь откуда-то снизу напоследок всплеснулся вой недавнего Лунного оборотня:

– За что?.. Уй, не надо, ребятки!.. Да вы что же?! Что же вы это?! – но через мгновение там, внизу, все стихло.

Так же тихо было и в зале.

– Ты счастлив, брат Кудим? – спросил император.

– Что с ним? – поинтересовался тот.

– Это уже не важно, брат Кудим. Главное – его больше нет и не будет никогда. Теперь от тебя требуется ответ: ты – счастлив?

– Я… – проговорил тот. – Я не знаю…

Был он в эту минуту тих и потерян. И тихо и потерянно шелестела толпа, вдруг расступившаяся вокруг него.

– А ведь я вас предупреждал, братья мои, – изрек своим скрипучим голосом император, – холодным надо потреблять это блюдо. Оттого тот тифлисский семинарист, не к ночи будь он помянут, до сих пор жив, здоров и даже по-своему счастлив, ибо не будет терзать себя разочарованием, что его недруг получил не по полной. «Нет человека – нет и проблемы» – так он, кажется, говорил. Мудрейшая мысль! Вы же, дети мои, так же, как брат наш Кудим, до конца дней своих будете бичевать себя мыслью: слишком легка, мол, участь оборотня, а неведение об этой его участи будет подогревать ваш душевный жар. Нет уж! Анабузык – и все дела! И жуйте себе капустку! Эй, капустку в зал!

При этих его словах целый строй уродцев внес в зал бадьи с квашеной капустой на серебряных подносах.

– Жуйте, жуйте, братья мои! – приглашал подданных свинорылый король. – Жуйте с холодными головами! Никакого оборотня нет, ибо его никогда и не было! И главное – будьте счастливы!..

Кто-то принялся жевать, кто-то отстранялся. И у тех, и у других счастья на лицах не было.

Глава 21
Тень Призрака

Свинорылый перевел взгляд на Юрия:

– Что-то не вижу счастья на твоем лице, Васильцев, – сказал он. – А ведь ты и твоя подруга, вы должны быть счастливее других, ибо вожделенная вами справедливость, уверяю вас, только что восторжествовала. Как там у вас? Камень, палка, веревка…

– Трава, страдание… – машинально закончил Васильцев.

– Вот-вот! Были там и камень, и веревка, и страдание. Было кое-что и похуже, тошно даже говорить… Или вам столь уж необходимо было видеть все это воочию? Тогда чем вы по сути отличаетесь от того самого оборотня, про которого давно пора уже забыть. Забыть, жевать капустку и быть счастливыми!

– Но… – Васильцев не сразу нашелся с ответом. – Но все должно быть открыто – лишь тогда справедливость…

– Ах, опять он – это слово! – перебил его скрип жерновов. – Сколько уже можно говорить? Смысла в нем не больше, чем у прожеванной капустки. Вот зря, зря ты ее не ешь, брат Васильцев, сразу мир проще и яснее увиделся бы!.. Ну хорошо, если ты о ней, о справедливости, то разыграем специально для тебя комедию в трех актах. Итак, акт первый. Где там у нас майор Чужак? Кажется, я только что его видел.

При звуке этой фамилии у Юрия сжалось сердце.

Монарх хлопнул в ладоши. Тут же раздался звук чеканных шагов, и перед двумя повелителями предстал майор Чужак собственной персоной:

– По вашему приказанию, майор государственной безопасности Чужак! – щелкнув до блеска начищенными сапогами, отрапортовал он.

– Да, Чужачок, – кивнул свинорылый король, – мы же давно знакомы, так зачем, я не понимаю, столько шуму? Мы тут люди тихие.

– Виноват, ваше… Виноват, сир!

– Кстати, Чужачок, просьба твоя была исполнена: нарком Ежов, о котором ты так настоятельно просил, висит-таки на дереве во дворе дома скорби с тою самой табличкой на шее. Тебя интересует, как это все было проделано?

– Никак нет! – щелкнул каблуками Чужак. – Меньше знаешь – дольше живешь!

– И тебя не трогает, что так и не откроется весь груз его

преступлений? А ведь в сравнении с ними наш Лунный оборотень, только что в муках отошедший в мир иной, – не более, чем заплутавший мальчишка.

– Чего там? – ответил Чужак. – Висит – и пущай себе там и висит.

– Разумный, разумный ответ. Почти как у этого вашего усатого: «Нет человека – нет проблемы». Я бы сказал, с таким подходом к делу далеко пойдешь, Чужачок… Если бы только не одно маленькое «но». Однако к этому «но» мы со временем еще вернемся. А пока… Пока поведай, с чем ты на сей раз пожаловал, майор Чужак, у меня всякий раз просто сердце радуется, когда тебя слушаю.

Чужак вытащил из кармана узелок и развязал его. Все вокруг сразу заискрилось от сияния самоцветов.

– Камушки! – вожделенно произнес свинорылый.

– Камушки! – скрипнул смуглолицый. Один камень он даже облизнул и потом зажевал капусткой. – Ну и поведай нам, драгоценный Чужачок, какова судьба твоих камушков на этот раз.

Чужак показал огромный кулон с красным рубином на золотой цепи.

– Шестого дня у графини одной шмон произвели. Она, стерва, этот камушек готовила, чтобы сынка своего отмазать, редкостную гниду, бывшего офицера-врангелевца. Ничего, не отмажет уже. Да и сыночек уже месяц как в расходе. А камушек знатный оказался, я так прикинул – на восемь карат.

– Да и к твоим рученькам, надо полагать, тоже кое-что прилипло, Чужачок?

– Ну так… эта-а…

– Да нет, нет, Чужачок, мы не в претензии. Тем более, я вижу, ты кое-что еще принес на нашу бедность?

– Точно так! – просиял майор. – Брошь от камергерской вдовы Нелидовой. («Вот же мерзавец, уже и до соседки, Софьи Феликсовны добрался!» – подумал Васильцев.) Чистые изумруды, – продолжал Чужак. – Отдавать не хотела, цеплялась все. Кабы не цеплялась – еще бы, глядишь, до Соловков дожила, а тут… Все жадность бабская!

– И тоже, надеюсь, это не единственное, что ты прибрал у камергерской вдовы?

– Так эта-а… – замялся Чужак. – Там же еще товарищ Панасенков, уж не говоря об лично Лаврентии Павловиче… И еще…

– Ну а это что за перстень? Натуральный, по-моему, сапфир?

– Натуральней не бывает, – подтвердил Чужак. – Это от актрисульки одной, вдовы какого-то режиссера-хреносера, уже

шлепнутого. Ох, как баба не хотела с перстенечком-то расставаться! Долго тыкать ножичком пришлось, пока не раскололась наконец[22].

– Снова же надеюсь, это не единственное, что ты взял у нее?

– Ну так…

– Ладно, ладно, Чужачок, это мы так, для отчетности, – миролюбиво сказал свинорылый, – сами понимаем, у тебя свои расходы; за то же, что ты оторвал от себя лично, мы выносим тебе свою монаршую благодарность. А уж сколь благодарны тебе наши сирые и убогие подданные, тому и слов не подобрать. Ах, скольких ты спас от нищеты, нужды, голода! Пожуй капустки, Чужачок, ей-ей, ты заслужил этого.

Видимо, в сем подземном царстве то была награда, наподобие ордена. Чужак скромно, зная меру, вытянул из банки листика три капусты, не больше, и, протирая взмокшие от умиления глаза, произнес:

– Служу верой и правдой!

– И счастлив ли ты, Чужак, этой службой своею?

Слезы просто-таки хлынули из суровых глаз майора.

– Беззаветно!.. – произнес он, более не находя слов от прочувственности.

– А теперь вернемся чуть назад, Чужачок, – сказал свинорылый. – Ну-ка, напомни, чем ты порадовал нас в прошлый раз?

Чужак достал из кармана кителя блокнот – с учетностью у него было явно все в порядке – и стал зачитывать:

– Значицца, так… Бусы из жемчугов от одной балеринки, у которой муж намедни шлепнутый, цепь золотая от одной нэпмановской морды, запонки золотые от троцкиста-прохвессора… Тэ-эк, что там еще?..

– Будет, будет, Чужачок, и этого пока довольно, – перебил его свинорылый. – А теперь выйди-ка сюда, сестра Копейкина.

Перед монархами предстала еще молодая, но совсем увядшая женщина с серым лицом и тусклыми глазами:

– Я тут.

– Скажи нам, несчастная Копейкина, на что потратила ты те две жемчужины, которые мы тебе даровали?

– На Федечку, сыночка моего единственного.

– Что же такое случилось с твоим Федечкой, напомни-ка нам?

– Болел, родимый, ножки у него вовсе не ходили. Доктор один сказал, что пойдет мой Федечка, только операция ему нужна. Не задаром, конечно…

– И хватило тех двух жемчужин на операцию?

– Хватило, благодетель ты наш!

– И что же теперь с твоим Федечкой?

– Ходит, родимый! Ходит, радуется! Свет божий увидел!

– А известно ли тебе, многострадальная Копейкина, через какие испытания прошла та балерина, прежде чем выдала-таки нашему доблестному Чужаку свое сокровище?

Об этом хорошо был осведомлен Васильцев. Несчастную несколько раз засовывали в горящий камин – все это было скрупулезно зафиксировано в материалах Тайного Суда. Там имелся целый пухлый том, касавшийся деяний майора Чужака.

– Ничего не знаю, – покачала головой Копейкина.

– А если б знала – было бы тебе проще жить?

Молчала Копейкина. Молчали и остальные, получавшие когда-то подобные дары.

– Видишь, Васильцев, – с укоризной вздохнул свинорылый, – скольких людей вы бы с вашим Судом сделали… нет, не скажу, что целиком несчастными, ибо какую-то толику счастья они все-таки получили; но разве не поубавилась бы их радость, если бы они знали вашу Правду, всю, целиком? И вы этого хотели? Стоила ли ваша Правда того?

Васильцев совсем уже потерялся во всей этой софистике и не находился с ответом.

– Но этот Чужак – преступник, – ответила Катя вместо него, – и как преступник должен понести наказание.

– Ах, девочка, – проскрипел смуглолицый, – боюсь, ты так ничего и не поняла. Я ведь вовсе не о наказании, которое, будь уверена, все мы когда-нибудь понесем; я лишь о том – все ли следует предавать всеобщему знанию? Что ж, если ты этого не осознала, придется перейти ко второму акту нашей комедии. Итак – ты тут говорила о наказании, и даже не столько о нем, сколько о том, что оно должно быть публично осознано, – верно мы тебя поняли?

– Верно, – кивнула Катя.

– И ты полагаешь, что именно для этого и нужен ваш Тайный Суд?

– Да, – сказала она твердо.

– Splendidamente![23] – воскликнул свинорылый. – В таком случае, дитя мое, мы начинаем этот обещанный второй акт! Но для начала позволю спросить господина Васильцева: что это, драгоценнейший Юрий Андреевич, топорщится у вас в пиджаке с правой стороны?

Там были золотые отцовские часы, Юрий только сейчас о них вспомнил. Он извлек их из кармана и увидел, как сразу пожухло лицо майора Чужака.

Свинорылый монарх подмигнул майору:

– Оплошал ты, Чужачок, а?

По лицу майора и без лишних слов было ясно: оплошал, никуда не денешься, оплошал! Некоторое время он потел, чувствуя, что, похоже, влип по самое не хочу: похоже, этот хромой очкарик кочегар-доцент в каком-то фаворе у тутошних повелителей, и чем теперь дело обернется, никакая гадалка не подскажет. Вроде и мелочь в сравнении с остальным – часики какие-то; а вот, гляди ж ты, как оборачивается! Ах, не заподлицо сработал, стар, видно, стал!

– Нюмка Буцис попутал, гнида, в девятнадцатом году, – выдавил он из себя наконец.

– Ну, с твоего Буциса уже и спросу нет, – скрипнули жернова. – Да и не в часах дело – они действительно лишь кроха в череде твоих деяний. Мы сейчас совсем о другом. У этих часиков отнюдь не простая судьба, – вот об этом и предстоит разговор. Итак, – обратился он к Васильцеву, – вы по-прежнему считаете, что все дело не в мере наказания, а в том, что все тайное должно выплыть на свет?

Юрий лишь кивнул. Не хотелось вязнуть в словесной софистике.

– И вы, милая дама, солидарны с ним в этом вопросе? – обратился свинорылый к Кате.

– По-моему, я уже говорила, – сухо обронила она.

– Á la perfection![24] – подхватил тот. – В таком случае попрошу часики сюда!

Кто-то сразу выхватил часы из рук Васильцева и бережно поднес их своему повелителю. Тот отер руки, испачканные капустой, о трон, надел на нос пенсне, открыл крышку часов и прочел надпись:

– «Дорогому Андрею на добрую память. Е.Г.И.», – прочел он. – Это что же за «Е.Г.И.» такой, не будете ли любезны сообщить?

– Евгений Гаврилович Изольский, – сказала Катя, – мой отец. Они дружили.

– И не только дружили. Насколько нам известно, их связывали и иные отношения, касавшиеся как раз того самого Тайного Суда, верно ли я понимаю?

– Да, – кивнула Катя. – Андрей Исидорович Васильцев был председателем Суда, а мой отец его заместителем.

– Які тісні відносини![25] – чему-то обрадовался свинорылый. – А не будете ли вы любезны вспомнить, кто надоумил покойного Андрея Исидоровича продать эти часики?

Катя покачала головой.

– Я знаю, – сказал Юрий. – Как раз Евгений Гаврилович и предложил. Время было голодное, и Изольский сам уговорил его.

Сказал, что ничуть не обидится, все поймет.

– Так-так-так, – закивал свинорылый. – Мы все ближе подходим к истине. Теперь только один вопрос к тебе, мой Чужачок.

Майор подобострастно взбоднул головой.

– Так вот, Чужачок, поведай-ка нам, откуда твой Буцис знал, что часики эти будут у адвоката в нужном месте в нужный момент?

Чужак долго хмурился, вспоминая, и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Так ить фраер его один навел! Точно! Сейчас только вспомнил! Фраер сказал Нюмке: в таком-то, мол, часу адвокат часики понесет на продажу! И адресок подсказал. Только, просил, пристукните этого адвоката покрепче, чтоб уж не встал. А у Нюмки рука была крепкая!..

– Ладно, крепость руки вашего подельника Буциса нас сейчас менее всего волнует. Нас куда больше интересует тот, кого вы тут упомянули как «фраера».

Майор захлопал глазами:

– А что? Фраер – он фраер и есть… Хотя… – И вдруг озарился: – А был тот фраер по службе архи…

– …Архимандритом?! – изумился кто-то в толпе.

– Не-е… – Чужак почесал в затылке. – Ну, как это там у них, у буржуев?

– Архитектором? – подсказал смуглолицый монарх.

– Точно!

– Боже мой, неужели отец?! – тихо произнесла Катя и уткнулась лицом в ладони.

– Вот мы и подошли к истине! – торжественно провозгласил свинорылый. – К той самой истине, ради которой, сколь я помню по вашим словам, и существует этот ваш Суд.

– Отец… – только и смогла прошептать Катя. – Зачем он?.. Зачем ему?..

– Очень просто, – объяснил свинорылый. – Чтобы занять его место. Обычное дело: Le Roi est mort, vive le Roi![26]

– Но он не мог! И на его место он вовсе не метил! Я знаю, он не мог!

– Да, он не мог, – сказал Юрий. Сам еще не знал, верит он в это или нет, но он прижал девушку к себе и чувствовал, как плечи ее дрожат под его руками.

– Он не мог, не мог, не мог… – повторяла она.

– Вот она, ваша хваленая справедливость, – злорадно проскрипел смуглолицый.

– Во-во! – поддакнул ему Чужак.

Ах, напрасно он снова привлек к себе внимание. Смуглолицый в упор посмотрел на него, отчего крупный майор сразу сжался в комок.

– Кстати, – проскрипел монарх, – если уж справедливость вашего Суда не распространяется на прекрасных дам, то распространяется ли она на проштрафившихся майоров?

Чужак дрожмя задрожал от этих слов. И все же нашел в себе силы сказать:

– А камушки? А браслетики? А жемчуга?! Я ж верой и правдой! Нищие ваши, убогие – как же они, сироты, без этого всего?! – Даже впервые в жизни прослезился от почти всамделишного сочувствия к этим самым сирым и убогим.

– А, – махнул рукой свинорылый, – ты об этом? И как полагаешь, мало ли найдется в вашем вертепе таких майоров? Их и нынче-то… Сколько их таких?

– Да раком ставить от Москвы до Владивостока, – скрипнули жернова.

И понял Чужак, умом понял – совсем будет сейчас хреново, хотя произнести в ответ смог одно только слово, лишнее, глупое сейчас:

– Чё?

– А вот чё, – сказал смуглолицый. – Знакома ли тебе бессмертная трагедия Фридриха Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе»? При нынешних обстоятельствах я, конечно, имею в виду главным образом слова мавра, произнесенные им в конце третьего акта?

И снова не нашел майор Чужак ничего, кроме прилипшего этого «чё?»

– Ничё! – грозно рявкнул свинорылый. – «Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen»[27], – не эти ли слова бессмертного Шиллера вспомнились тебе, брат Фома?

– Да, брат Лука, ты, как всегда, угадываешь мои мысли. Беш?

– Беш! Анабузык! – отозвался свинорылый.

Ах, не понимал Чужак ни тарабарщины ихней и ведать не ведал ни о каком Шиллере-шмыллере с его словечками на фашистском языке, лишь одно понимал сейчас все яснее и яснее: ежели ничего не придумать – то кокнут, вот прямо сейчас всенепременно кокнут. Решат побыстрее, чем на заседании ОСО! [28] Ну, жилка-жилушка, ну вытянь, заветная, хоть в последний разик!

Нашептывал он это себе беззвучно, ежась в комок, седьмым потом исходил и все нашептывал.

И снова, снова не подвела, родимая! Вот оно, слово! В нем – спасение! И родилось оно, это слово, вовсе не из головы, а

откуда-то из воздуха.

Ну да, конечно! Вот оно, в воздухе витает! Тот самый запах! Тот, что шел от письма, что давал ему потрогать благодетель (тьфу ты! какой благодетель?! вражина лютая!), – ну да как ты его не зови, а ведь он, он записочку ту дал! И пахла она, эта записочка…

Да ведь точно же! Тот самый запах! Вот он, где-то совсем рядышком!

Еще раза два втянул майор Чужак этот запах обеими ноздрями, боясь попасть впросак, и наконец произнес это слово:

– *Призрак*!

Все взоры устремились на него. И он почувствовал: похоже, все-таки не кокнут.

По крайней мере, сейчас – не кокнут!

Глава 22
Сов. секретно (продолжение)

Запах засранца Кольки Ежова, как казалось Лаврентию Павловичу, еще не выветрился из кабинета. Какую там табличку придумал майор Чужак ему, Кольке, на шею? Коротко, без выкрутасов: «Я – говно!» Хорошая табличка, тут не убавить, не прибавить. Надо бы Чужака этого до старшего майора в звании повысить, пожалуй, заслуживает.

Где он, кстати?

Лаврентий Павлович позвонил по внутреннему – справиться. Оказалось, уже второй день как на секретном задании. Тут почему-то заскребло на душе у наркома госбезопасности: задание-то у майора было больно щекотливое и обернуться могло шут знает чем.

Чтобы отвлечься от этих зыбких мыслей, народный комиссар припомнил о приятном: как нынешней ночью кутили с Кобой на Ближней даче. Поначалу все как обычно: ну, посадили Стаску Микояна задницей на кремовый торт, ну, сыграл Клим Ворошилов на гармошке, а Микита Хрущ привычно пустился плясать гопачка, что особенно Кобе нравилось, ну, Молотову, Каменной Заднице, как его еще Ильич в свое время прозвал, под эту самую задницу каменную заливного осетра подложили, ну, Кагановичу насрали в фетровую шляпу – в общем, вроде все весело было, но как-то без особых затей. Скучновато, пожалуй, даже. Несмотря на выпитое «Киндзмараули», Коба был неулыбчив и задумчив. Тут-то он, Лаврентий, и сообщил про табличку у Кольки Ежова на груди. Думал вождя развеселить, а вот ответа такого никак не ожидал.

– Ежов? – выколачивая трубочку, спросил Коба. – А кто такой Ежов?

Кто бы еще так мог? Нет, гений, истинный гений!..

Вдруг подумалось: а случись что-нибудь эдакое с ним, с Лаврентием Павловичем, – ответ, пожалуй, будет тот же: «Берия? А кто такой Берия?» Потому что он – гений, а они все – тли. Кто вспоминает тлю по имени после того, как ее раздавит?..

Нет, снова не то, не то думал! Видно, кабинет Кольки подобные мысли навевал. Сменить надо бы кабинет. Завтра же. А покуда лучше-ка приступить к делам. Дела – они от всех гадостных мыслей лечат.

На столе лежал сов. секретный доклад с показаниями некоего Петра Недоноскина под секретной кличкой Рентген. Кличку эту

он, говорят, получил за то, что умел просвечивать чужие мысли, как рентген косточки. Тут, в НКВД, от Глеба Бокия[29], контры, много осталось всякого такого дерьма.

А от тяжкой службы, видимо, Рентген этот совсем сбрендил, уж такого тумана напустил, что нарком и дочитывать не стал: какой-то волк догоняет какого-то зайца, используя, растуды его, чуть ли не эту… тригоно… в общем, фигню всякую, от которой и здоровый человек сбрендит того и глядишь… Кочегар-доцент, волка направляя, задавал ему дифферен… или еще какой-то хрен… короче, плох, совсем был плох Петька-Рентген для дальнейшей работы.

Отпуск ему дать?

Да отпуск у нас – только в одну сторону бывает.

Давно бы списать, но все же покамест это казалось наркому преждевременным. Тут дело в чем – приклеился этот самый Рентген к какой-то нищей шелупони. Там даже свои король с императором имелись (дожили, вишь, на третьем десятилетии советской власти!). Но некую пользу от вшивых этих короля с императором народный комиссар все же усматривал. Кольку вот, к примеру, Ежова, не кто иной, как они сработали. И хорошо сработали, тут ничего не скажешь! Лаврентий Павлович даже надежного человечка, майора Чужака, к ним в волчью пасть послал, немалую пользу надеялся и в дальнейшем от этих короля с императором получить. У них там нечто наподобие подземной коммуны; фигня, в общем-то, как и все коммуны, прости господи, но дел с их помощью кое-каких наворотить можно. Тут вот Деканозов[30] из Берлина пишет: там что-то подобное устроено, об этом его, Деканозова, докладная пока нечитанная лежит на столе. Вот он, Лаврентий Павлович, и собирался перед тем, как ее прочесть, с этим самым Рентгеном переговорить, а тот только: волк да заяц, да хреногометрия какая-то, да кочегар-доцент. При этом трясся весь, ветры пускал, обоссался прилюдно, говнюк, ни черта от него добиться не удалось.

Правда, еще про Призрака что-то приплел.

А Призрак этот, по всему, дельный мужик. И тоже состоит в какой-то связи с этими королем и императором. Только мыслить умеет – не то что Петька-Рентген. И мысли далеко не дурацкие и настолько близкие к тому, что Вовка Деканозов (который тоже не дурак) из Германии пишет.

Лаврентий Павлович вспомнил прошлогоднее Вовкино письмо. Даже не письмо, а перевод из какой-то ихней газеты. Сов. секретное, понятно, в одном экз., и машинистка печатавшая – давно в расходе.

Там, в Германии, вот что. Шелупонь всякая собралась вокруг

Адольфа своего, а он, Адольф, не будь дурак, начал им подачки всякие давать. Ну, перед тем, правда, жидов маленько пограбил, но жидов кто ж где жалеть будет? А деньги тех жидов – бедноте да обиженным (ну, не все, ясное дело, себя, надо полагать, тоже в обиде не оставил). Умно! Это тебе не то что слать людей ради всеобщего счастья Беломорканал рыть. Вот и держится за него, за Адольфа, всякая шваль, и ох как крепко держится! А что?! Жирует на жидовские денежки, друг друга не жрет, как у нас в тридцать третьем…

От одной этой мысли зябко стало наркому, но человек он был не робкого десятка, поэтому нашел в себе храбрости додумать крамольную эту мыслишку до конца.

Вот представить себе только: заместо ихнего фюрера-хюрера поставить временно того же Призрака (как тот и намекает). Произвести в том подземелье что-нибудь наподобие нашей Великой Социалистической. Вшивых императоров – в расход, на их место – Призрака. А там уж…

А там уж и Призрака подвинуть можно: чай, и не таких подвигали. А на его место кого?..

Но на этом месте народный комиссар все же полет мысли своей пресек: мечтай – да знай меру.

Что же до Призрака – то была еще наводка такая, что Призрак этот – вообще баба. Чужак, умная голова, унюхал, что от послания Призрака французскими бабскими духами пахнет. Ну а ежели впрямь баба, то с бабами и того проще. Уж с бабами-то что делать – это Лаврентий Павлович не понаслышке знал.

И так его эта мысль про бабу-Призрака на минуту распалила, что хотел было прямо сейчас кликнуть Шурочку из молодежного отдела. Ох, хороша! А выделывает, сучка, что!..

Тут он, однако, притормозил: Шурочка – она никуда не денется, а делу – время.

– Рентгена еще раз ко мне, – приказал по внутреннему.

Через минуту вперся, вонючка, в кабинет, захныкал опять что-то про волка и хреногометрию. А уж напустил, напустил – хоть нос зажимай!

Про волка нарком с ходу пресек. Спросил в лоб:

– С майором Чужаком что?

Тот снова понес всякую хрень, но из хрени этой народный комиссар выковырял вот что: допрашивают сейчас Чужака, нехорошо допрашивают, ох расколется мужик!

Хотя… Ну а знает-то он, Чужак, что? Ничего такого, чтоб его, наркома, взять за задницу. Ну, внедрили его в волчье логово, ну, спекся – с кем не бывает. Вон уже и приказ на орден (посмертно) на провсякий случай лежит на столе. Нет, с этой стороны

большой опасности вроде не предвидится.

– И что там еще в этой норе крысиной происходит?

Рентген опять пошел-поехал: какая-та там шла говорильня – о счастье, о справедливости, в общем, навроде хреногометрии все той же. Народный комиссар собрался уж было дать сигнал, чтоб вывели, да вдруг Петюня-Рентген возьми и брякни:

– *Призрак*… – и снова ветра пустил от ужаса, такой уж имел организм.

Последнего народный комиссар на сей раз даже не заметил.

– Ну что, что Призрак?! – вцепился он.

Оказывается: вот прямо сейчас Чужачок, золотая голова, кажись, и расколол-таки этого самого Призрака!

А как расколол?

А по запаху! Не зря унюхал в тот раз бабские духи!

Нет, таким людям, как этот Чужак, не Красное Знамя надо давать посмертно, а самый что ни есть орден Ленина – вполне заслужил.

Ну а коли Призрак – баба, теперь уже, глядишь, и попроще будет выйти на него. И как-то вообще легче на душе сделалось у народного комиссара.

Однако взглянул на Петьку-Рентгена – и снова мысли нехорошие заколобродили в голове. Ежели он, Петька, так запросто все просвечивает на расстоянии, то и его, народного комиссара, мыслишки, глядишь, когда-нибудь высветит.

Нет, ничего в этих мыслях, конечно, такого, кроме беззаветного служения…

Хотя…

Если *всё, всё* припомнить…

Ах, зря, зря некоторые мыслишки приходили в голову, ой как зря!..

И с этого боку Петька-Рентген, да еще с башкой его дырявой, большую угрозу представляет…

– Ты вот что, Петр, – сказал он наконец. – Ты выдь-ка, посиди в приемной (пускай теперь секретарша Светочка понюхает).

Когда Рентген удалился, нарком снова нажал кнопку внутреннего:

– Капитана Саркисова ко мне.

Вошел красивый капитан, щелкнул каблуками. Замер, лишнего не спрашивая.

– Ты, Саркисов, этого Петьку-Рентгена сейчас в приемной видел?

– Точно так!

– Как думаешь, ценный работник?

– Точно так!

– А если переработался? Не пора ему в отпуск?

– Точно так!

– Ну, ты понимаешь, какой отпуск я имею в виду. Длительный. Длиннее не бывает.

– Точно так!

Золотой работник!

– Все понял?

– Точно так, товарищ народный комиссар!

– Ну а понял – так выполняй!

– Точно так!

Исчез буквально минут на десять. Вернулся, снова щелкнул каблуками:

– Товарищ народный комиссар! Секретный агент Петр Антипович Недоноскин по агентурному прозвищу Рентген, сейчас, переходя Лубянскую площадь, был сбит неустановленным автомобилем. Скончался, не приходя в сознание. Автомобиль ищем!

Жалко, трубки он не курит, с трубкой вышло бы получше. Ну да и так сойдет!

Народный комиссар протер пенсне, сделал пустые глаза, как Коба в тот раз, и спросил рассеянно:

– Недоноскин?.. А кто такой Недоноскин?..

Молчал капитан Саркисов. А в зеленых его глазах нарком прочитал: «Гений!»

* * *

«Значит, часть испытания они прошли, – подумал майор Н.Н. Николаев, узнав о гибели Рентгена-Недоноскина. – Что ж, молодцы!» Теперь он уже не как разведчик, думающий только о деле, а просто по-человечески болел за них.

Глава 23
В яме

– *Призрак*! – произнес майор Чужак, и все в зале притихли, уставившись на него.

– Гм… – скрипнул помойный император, словно его мельничный жернов на миг заело. – Я тут что-то услышал или мне почудилось?

– Услышали, ваше… Услышали, сир! – закивал майор, чувствуя, что каждое произнесенное слово призадерживает его в этом мире. – Призрак как есть! Где-то тута, рядышком!

– И ты полагаешь, это тот самый Призрак, которого и мы имеем в виду?

– Тот, ваше… Тот самый, сир! – Видя, что на него все еще смотрят с сомнением, майор затараторил: – Я письмишко этого Призрака держал в руках! Мне сам Николай Иваныч доверил. Ну, то есть Ежов, падла! А я это письмишко – и на нюх, и на зуб! И пахло от него заграничными пачулями, я их сразу унюхал! А сейчас вот принюхался – ну точно, они самые, пачули эти!

– Может, тебе капустка наша нюх затуманила? – усомнился свинорылый.

– Никак нет, сир! Нюх у меня завсегда как у пса легавого, это все знают. Тот самый запах, как на духу вам говорю! Пущай никто не расходится, я этого Призрака вам в один миг вынюхаю!

– Всем стоять на месте, – проскрежетали мельничные жернова. Этой команды он мог бы и не давать, все в зале и так стояли не шелохнувшись.

– А что в письмишке том было? – спросил скрипоголосый.

– Да всё! И про ваших, и про наших, и про Тайный этот Суд, едренть! Все ему, Призраку, известно! Последнюю вот маляву самому Лаврентий Павловичу накатал. Все знает, сучий потрох… Это я, пардон, про Призрака, гниду.

– И что он такое задумал?

– Ну а кто его знает? Призрак же! Думаю, даже самому Лаврентию Павловичу не известно. Но мы с этим – живо, не извольте сумневаться, ваше… сир! Не таких раскалывали, все выложит: и что троцкист с бухаринским уклоном, и что детей травил в детдомах, и что эфиопский шпион!

– Ну, это будет лишнее, пожалуй, – усмехнулся свинорылый. – А вот по собачьей своей части – давай, служи, Чужачок, авось что и вправду унюхаешь.

– Унюхаю! Бог свят, унюхаю! – с этими словами майор совсем

по-собачьи вытянул нос и взял стойку. Некоторое время ходил между собравшейся тут публикой, тщательно принюхивался к каждому, остановился возле Кати, обнюхал ее всю и завопил как оглашенный: – Вот он, Призрак! Хватайте ее, сучку! И уж отдайте ее мне, сиры, ни от чего не отвертится, слово даю.

– Ну-ну, Чужак, – сказал свинорылый, – ты свою работу сделал. Ну а тебе, милая барышня, – он устремил свой мутноватый взор на Катю, – тебе, ясное дело, придется нам кое-что объяснить.

Катя то ли впрямь ничего не понимала, то ли очень умело делала вид.

– Но это мои обычные духи, – растерянно проговорила она, – я всегда покупала их в Лондоне.

– В Лондоне!.. В Лондоне!.. Ишь, в Лондоне! – эхом прокатилось по залу.

– В Лондоне… – отозвался свинорылый. – Вон ты, оказывается, птица какого полета. И какая ж нелегкая занесла тебя из Лондона в наше несчастное подземелье?

– А мы тут люди простые, – добавил темнолицый, – мы тут, вишь, одной капусткой пробавляемся.

Пока они ерничали, у Юрия бешено работали мозги. Призрак!.. Неужели Катя и есть тот самый Призрак?! К ужасу его, все сходилось, как детали часов. Не случайно она ждала на морозе, пока он там, в «Национале», беседовал с Домбровским, не случайным было то нападение в Марьиной Роще – наилучший способ снова завязать с ним, с Юрием, отношения. Ну а то, что было между ними потом, у нее в квартире? Неужели тоже какой-то хитрый ход в дьявольской игре? Неужели, неужели?!

И потом вдруг исчезла. Тоже ради каких-то целей? Почему бы и нет? Ей нужно было держать его на привязи. Не случайно, наконец, и место ее последней работы – в НКВД: для Призрака не могло быть надежнее убежища. И на этих подземных монархов вышла как-то уж больно легко. Да, черт возьми, сходилось, сходилось!..

И несмотря на всю логику, не верил он, ну никак не мог поверить!.. Или просто был слишком легковерен?

Катя смотрела на него непривычно, непохоже на себя – и открытость была в ее взгляде, и непонимание происходящего.

Юрий отвел глаза: не знал, что сейчас противопоставить этому взгляду.

– Что ж, мы тебя, птичку-невеличку, выпотрошим, с этим у нас не заржавеет, – с ухмылкой сказал свинорылый. – А может, еще сама одумаешься, мы с братом Фомой до кровушки не больно-то охочи, что бы о нас ни думали. Ну так, самую разве

малость. (Юрий вспомнил кошмарную смерть Викентия и понял, какой злой юмор исходит из этих слов.) А пока, – продолжал монарх, – посидеть тебе, душа моя призрачная, придется; не взыщи, что местечко не такое уютное, как в твоем Лондоне, но – чем уж богаты! – Он хлопнул в ладоши: – Hey garde![31]

От толпы отделилась дюжина уродцев, ростом с гномиков – при других обстоятельствах Юрий рассмеялся бы виду этой гвардии. Экипированы, впрочем, гномики были вполне под стать своему названию – в кирасах, в шлемах, с алебардами в руках. Окружили их с Катей, развернули к выходу. Юрий почувствовал болезненный укол алебарды в спину и вынужден был двинуться туда, куда вели.

– Ведут!..

– Парочку!..

– Барана да ярочку! – похихикивали в толпе.

Их вывели из зала и повели длинным петляющим коридором, уходящим все круче куда-то вниз. Коридор освещался редкими факелами, торчащими из стен. В этом тусклом свете Юрий увидел железную решетку в полу.

Один из гномов забежал вперед, поднял решетку, другой, шедший сзади, вонзил конец алебарды Юрию в спину, тот полетел вниз и едва не сломал ногу, приземлившись на каменный пол темной ямы.

– А теперь, баран, лови свою ярочку! – послышался чей-то писклявый голос.

Юрий ничего не видел, но почувствовал, что надо делать. Он вскочил, вытянул руки и поймал Катю. Вместе они упали на пол.

– Что, барашек, ярочка твоя курдючок себе не отшибла? – спросил кто-то сверху, тоже какой-то пискля, – видно, писклявость была отличительной чертой этой подземной гвардии.

– На-ка, напоследок обслужи, хромой, свою ярочку! – пропищал еще один.

Вместо ответа Юрий нашел возле себя какой-то камень и запустил его в остряка-самоучку.

Тот лишь матюгнулся – особенно пискляво – и сказал:

– Может, пути-мути ему сделать, а то борзый больно?

– Оставь его, – посоветовал другой, – приказа не было. Будет приказ – будет и пути-мути. Пойдем пока, Вонмиглас.

Даже не смотря на свое положение, Юрий удивился именам, расхожим в этом подземном мире.

Решетка захлопнулась. Гномы, над чем-то беспрерывно тоненько смеясь и переговариваясь, стали удаляться. Затем задребезжала какая-то их воинственная песня, и наконец все стихло.

Юрий обнял Катю и так держал ее не выпуская. Он знал, что если выпустит, то придется начать разговор. И боялся этого разговора. Так они стояли не шевелясь. Долго-долго. Казалось, целую жизнь. Да и иди знай, сколько ее, этой жизни, им еще осталось…

Наконец он все же отпустил девушку. Темнота была хоть глаз выколи.

– Надо придумать что-нибудь со светом, – прошептала Катя.

У Юрия в кармане нашелся коробок со спичками, а у Кати флакончик с духами.

– Те самые, «Шанель номер пять», будь они неладны! – через силу улыбнулась она.

Юрий выковырял из лацкана пиджака немного ваты, скрутил из нее жгут, вставил во флакон, поджег. Лампадка получилась хилая, но какой-то свет все же давала.

Помещение, в котором они находились, было каменным колодцем глубиной метров в пять. На стенах висели всяческие орудия пыток – щипцы странной и неприятной конфигурации, плети, еще что-то непонятное, но явно зловещего назначения.

– Первая степень, – проговорила Катя.

– Что? – не понял Юрий.

Катя пояснила:

– Пытками первой степени в Средние века называли показ орудий истязания. Самые слабодушные сдавались сразу же.

– Ничего, пока как-нибудь перетерпим, – сказал Юрий.

Он снова попытался притянуть Катю к себе, но на этот раз она отстранилась.

– Не надо, – попросила она. – Ведь я как бы… Ну, дочь твоего отцеубийцы, что ли.

Юрий отмахнулся:

– Чепуха! Быть такого не могло, потому что не могло быть никогда.

– Это ты по моим честным глазам понял? – спросила Катя с горькой иронией.

– Глаза тут ни при чем, – усмехнулся он. – Просто липа слишком уж заметная.

– Ты тоже понял?

– А чего там понимать! Только этот Чужак мог поверить. Кем бы я ни считал твоего отца, но уж только не дураком. Называться этим бандюгам архитектором ничуть не умнее, чем дать им свой паспорт. Ты это имеешь в виду?

– Да, и это тоже. Помимо, конечно, того, что были еще причины, по которым мой отец не желал смерти твоему отцу, но об этом потом еще поговорим… – И, взглянув на стены с

пыточными принадлежностями, добавила невесело: – Будет еще, надеюсь, и для этого время. – Усилием воли заставила себя повеселеть: – Нет, додуматься! «Архитектор»! А ведь кто-то же придумал! С мозгами там явно дефицит! И насчет духов – такая же дурь! Тоже – на кого рассчитана?!

Юрий кивнул:

– На таких же шерлоков холмсов, как этот их майор Чужак.

– Самое обидное, – Катя закусила губу, – что они и нас за таких же недоумков держат. Да я с этими духами с юности не расстаюсь. Вот если бы перешла на «Красную Москву» – это вправду для леди Сазерленд было бы подозрительно. Даже как завскладом Синичкина духи не сменила, говорила всем, что у одной княгини подследственной взяла, там это в порядке вещей. Но опрыскивать этими духами письмо от какого-то Призрака – это уж надо вовсе не иметь извилин!.. Кстати, почти сразу по приезде в Москву, еще в гостинице, я обнаружила, что у меня пропал один флакончик с этими самыми духами. Тогда не придала этому значения, на гостиничную прислугу подумала. Не хватило фантазии представить себе, что кто-то пойдет на такую примитивную провокацию. Ладно, хоть с этим вроде разобрались… – Немного помолчав, вздохнула: – Но самое печальное то, что я все равно не была искренна с тобой, Юрочка. Наверно, следовало сразу рассказать тебе все о себе, но… Да нет, я и не могла! Ты еще был не готов, да и я тоже.

– Ну а теперь-то ты готова? – спросил Васильцев.

– Теперь – и не к такому готова. – Она снова взглянула на эти зловещие стены. – Мне будет проще, если ты станешь задавать вопросы сам, клянусь, теперь буду говорить всю правду. Давай, спрашивай.

Вопросов накопилось множество, и Юрий начал с самого незначительного:

– Там, в Марьиной Роще, – это все-таки ты подстроила нападение?

Она кивнула:

– Да, Юрочка, прости. Мне казалось, что так проще всего сойтись с тобой теснее. Я только велела оставить тебя невредимым. То, что он тогда ножом тебя пырнул, – инициатива исполнителя: московской шпане простого дела нельзя поручить, обязательно как-нибудь напортят. Надеюсь, у тебя уже все зажило?

– Чепуха, – махнул рукой Юрий, – уже и думать забыл… Но ждала тогда, у «Националя», ты все-таки не меня, а Домбровского, ведь верно?

– Верно. У меня и в мыслях не было, что в тот день увижу там

тебя.

– Так ты приехала из Лондона, чтобы следить за ним?

– Ну, не то чтобы следить – просто надо было прояснить кое-какую ситуацию. К московскому отделению Суда там, в Центре, накопилось много всяческих вопросов…

– Домбровский говорил о какой-то проверке из Центра, – вспомнил Юрий. – Так это тебя он имел в виду?

– Вряд ли именно меня, но кого-нибудь оттуда он, несомненно, ждал. Человек-то он не глупый и давно, видимо, сообразил, что в его здешних делах многое не стыкуется, а там тоже не дураки и очень даже могут этими нестыковками заинтересоваться.

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь ли, там, в Лондоне, умеют считать деньги. И вот вдруг там обнаружили, что у Домбровского бухгалтерия не сходится: деньги ему шлют и шлют, а траты его не так велики, как он это показывает. С некоторыми *поднадзорными* тоже большой вопрос. Бывало, совсем уж законченных упырей под надзор отпускали. И возникло подозрение, что подчас это делается совсем не даром. Да и несколько доказательств тому имеется.

– Под маркой Тайного Суда – частная лавочка… – проговорил Васильцев.

– Вот-вот, что-то наподобие того, – подтвердила Катя. – Короче говоря, во всем этом надо было срочно разобраться, с этой целью и послали сюда меня.

Юрию не хотелось верить, что в Тайном Суде столько времени председательствовал обычный жулик. Он попытался вступиться:

– Но он же, Домбровский, еще и художник. *Вольный художник* – он, во всяком случае, так представился. Не исключено, что зарабатывал картинами.

Катя едва не расхохоталась.

– «Вольный художник»! Не смеши меня. По профессии он часовых дел мастер, и кисти, насколько я знаю, ни разу в руках не держал. А вот что касается коллекционирования… Ты видел, какие картины у него на стенах висят?

– Да, отличные репродукции.

– «Репродукции»! – усмехнулась Катя. – Чтоб ты знал, там ты найдешь и подлинники – Рубенс, Гойя, Веласкес… Я уж не говорю о собраниях импрессионистов и кубистов, о персидской живописи, о китайских вазах!

– Вазы были разбиты, – вставил Юрий.

– А к осколкам ты не приглядывался? Я вот пригляделась.

Черепки дешевой кустарной керамики, которую на Сухаревке купишь за копейки! Нет, тут явная инсценировка для простаков! А одна только его коллекция старинного оружия чего стоит! Кстати, ты все это видел у него на стенах, когда был там в последний раз?

– Нет, – вспомнил Юрий, – все было разгромлено, стены голые.

– То-то и оно! Значит, готовился заранее, в один миг все это не унесешь.

– Но ведь там побывали эти подземные уроды!

– И ты полагаешь, он к их визиту не подготовился?

– А побоище? Мы же видели… Думаешь, инсценировка?

– Почему бы и нет? На такое у этого «вольного художника» вполне хватило бы ума. Так же, как оставить тебя в живых.

– Я-то при чем? – удивился Юрий.

– Ну как же! Кто-то должен был стать свидетелем его якобы кончины. У Центра длинные руки, и знай там, что он сбежал, его бы рано или поздно все равно нашли. Нужен был кто-то, вызывающий доверие, кто поведал бы о его героической кончине в неравном бою. Какому-нибудь Борщову с его репутацией могли и не поверить, а вот тебе…

Да, все сходилось! Юрий нахмурился:

– И по-твоему, он вступил в контакт с этой подземной братией?

– Тут тоже не вижу ничего странного, – она пожала плечами. – Не даром, конечно, поделиться пришлось, но можно пойти и на некоторые расходы, чтобы сохранить главное.

– А что ты вообще можешь сказать об этих подземных королях-императорах? Слышала о них прежде?

– Доводилось, – кивнула Катя. – В наших анналах есть о них упоминания. Эдакая подземная коммуна, наподобие той, что пытался построить Оуэн[32], только оказавшаяся более прочной. По нашим сведениям, она существует уже едва ли не третье тысячелетие… Ну, это, может быть, и легенда; но тому, что она есть, ты сам свидетель. Вообще, в нынешнем мире столько всякой нежити развелось! Посмотри, что у нас тут делается! А на Германию нынешнюю посмотри!

– А что там, в Германии? – удивился Юрий. Он был почти не в курсе происходящего в мире, ибо газет в последнее время совсем не читал, поскольку знал теперешним советским газетам цену.

– Совсем ничего не знаешь?! – изумилась Катя. – Я там как раз недавно была. Там тоже один *свободный художник* решил осчастливить немцев. И самое удивительное – за ним пошел народ! Так что глупость не только у нас процветает. Этот, кстати,

будет пострашнее, чем наши король с императором. Тоже – посмотреть на то, что там делается, – не сразу поверишь, что оказался в реальном мире.

Да, *эти миры, которых не может быть*, видимо, существовали во множестве.

– Идиотизм людской долговечен, – продолжала Катя. – Правда, не столь долговечны вожди, стоящие во главе. По-моему, в нашем подземном царстве тоже вскоре готовится очередной переворот.

– С чего ты взяла? – спросил Юрий.

– Так, предположение. Ты заметил, что2 шьют эти уродицы на скамьях?

– Как-то не приглядывался.

– А вот я пригляделась. И мне показалось – это погребальные саваны.

– Ну, мало ли кого собрались хоронить…

– Ну да… Один явно рассчитан на кого-то горбатого, с толстым брюхом и большой головой, а другой – на кого-то огромного роста и длинными ручищами… Причем оба савана почему-то расшивают золотой канителью и драгоценными камнями.

– Думаешь, для короля с императором?

– Не знаю, – покачала головой Катя, – но как-то сомневаюсь, что каждого тут после смерти обшивают золотом и самоцветами… Боюсь только, – добавила она, – что для нашей с тобой судьбы это не слишком существенно.

Скорее всего, она была права, но Юрий сейчас не об этом думал. Одна мысль терзала уже давно, и только сейчас он решился высказать ее вслух:

– Скажи, а тогда, в твоей квартире… ну, ты помнишь… когда это случилось между нами… ты… тогда…

Катя нашла в себе силы улыбнуться.

– Выполняла задание? – за него договорила она. – Глупенький ты, глупенький, Юрочка. Не хочу поджимать губки и говорить: «За кого ты меня принимаешь?!» – пошло и не к месту; но спроси лучше самого себя: неужели ты тогда ничего не почувствовал?

Вместо ответа Юрий прильнул к ней. Возможные муки, смерть – все сейчас не имело значения. Он верил ей. И она была тем единственным, ради чего следовало жить… Жаль, по-видимому, недолго; но только это и было настоящей жизнью: когда рядом с ней!

Катя потянула его к себе. Они оказались на грязном каменном полу. Но грязь, мышиные запахи, даже близкая гибель – все сейчас не существовало, точнее, существовало, но где-то

среди всякой нежити, *в тех мирах, которых не должно было быть*…

…Потом, когда лежали счастливые, усталые на его расстеленном на полу плаще, Катя спросила:

– Ты хоть немного сомневаешься, что мой отец не причастен к смерти твоего? Очень боюсь, что где-то в тебе это прячется.

– Нет, правда – нет! – горячо произнес он. – Сначала все же копошилось что-то, но потом, когда ты сказала…

– Мало ли что я могла сказать – ведь он мой отец!

– Я не о том. Когда ты сказала, что Домбровский – часовщик… Я ведь этого прежде не знал… А на покупателя отца навел именно какой-то часовщик, только он один знал, когда и куда отец понесет их.

– Да, похоже на то, – согласилась Катя. – Как раз именно Домбровский, в отличие от моего отца, страстно желал занять место председательствующего. И Призрак, я уверена, – это тоже он: слишком уж много этот Призрак знает о Тайном Суде. И Викентия тоже он убил – тот, насколько я знаю, о чем-то начал догадываться.

Тут, правда, Юрий, вспомнив силищу бывшего атлета Викентия, усомнился:

– Не знаю… С Викентием не так-то просто справиться.

– А ты знаешь, какой силой обладает Домбровский? – фыркнула она. – Это он с виду такой благообразный старичок, а мне рассказывали, он подковы разгибает запросто. К тому же он мог быть и не один.

– Ты имеешь в виду кого-нибудь из НКВД?

– Вряд ли. Он не тот человек, чтобы давать им лишнюю информацию, а с НКВД, если он вправду Призрак, явно затевает какую-то свою игру.

– Значит, помогли эти подземные вурдалаки – ты это думаешь?

– И тоже не в его духе. Посвящать в свои делишки целое подземное царство? Нет, не так он прост. Разве что еще кого-нибудь одного, да и то не собираясь потом оставить его в живых…

– Борщова?

– Во всяком случае сбрасывать его со счета я бы не стала, человек он достаточно мутный, и сил у него тоже достаточно… – Вдруг она вздрогнула: – Ой, по-моему, там кто-то есть!

При свете их импровизированной лампады Юрий оглядел стены колодца. Нет, никого там не было, да и не могло быть. Только вековая плесень и пыточные причиндалы.

– Тебе показалось, – успокаивающе проговорил он.

Но все-таки оба разом встали и оделись. Катя снова прислушалась.

– Там точно крыса! – девушка поежилась. Оказывается, при всем ее бесстрашии, существовало все-таки нечто, чего она боялась.

Тут лишь Юрий увидел, что один большущий камень в кладке стены все сильнее раскачивается. Еще минута – и он заходил ходуном.

– Если крыса, то уж больно большая, – заметил он и, увидев, что Катя задрожала еще сильнее, поспешил добавить: – Хотя можешь быть уверена, это вовсе не крыса.

Катя сразу перестала дрожать: похоже, кроме крыс, она действительно ничего не боялась.

– Кроме того, крыса вряд ли стала бы стонать, как человек, – добавил Юрий. – Надо бы ему помочь.

Вдвоем с Катей они стали расшатывать камень со своей стороны. С противоположной стороны кто-то, покряхтывая, работал с ними в такт.

Вскоре камень сдвинулся и упал по ту сторону стены. На его месте образовалась большая черная дыра, и затем из дыры показалась знакомая асимметричная голова, перевязанная бинтами.

Глава 24
В яме (продолжение)

– Борщов, ты?! – воскликнул Юрий.

Наконец бывший шулер просунулся в дыру целиком. Очутившись в их камере, он отряхнулся и по-гаерски раскланялся:

– Так точно, мы! Собственной персоной! Надеюсь, не сильно помешал?

Труднее всего Васильцеву было скрыть свое нынешнее отношение к мутной этой персоне. Все же он нашел в себе выдержки спросить совершенно спокойно:

– Ты-то как тут? Помнится, ты с Прохором своим на дно залечь собирался.

– А здесь чем тебе не дно? – осклабился Борщов. – Самое дно и есть!

– Но ты хотел сбежать?

– Хотел, – кивнул Борщов. – И сбежал! А вот куда надо сбегать, знает только тот, кто с пониманием. Где не будут искать – вот куда сбегать надо! Я вот помню, мы с напарничком одним моим обчистили в штос одну банду подчистую. Давно дело было, еще до Суда. Мы тогда на Нижегородской ярмарке играли.

Ладно, денежки наши, а ты попробуй их удержи! В нашем деле главное не выиграть, главное – выигрыш свой сохранить. А поди его сохрани, когда там ребятки – ухх! И все с засапожными ножами.

Напарник мой аж в Астрахань дунул на отходившем пароходе, так они, я слыхал, все равно его через три дня там нашли, да так располосовали, как только на Дорогомиловском рынке капусту шинкуют. А я, не будь дурак, залег в том же притоне, где та банда обустроилась, но только в подвале за печкой. Вот туда-то они, бараньи головы, носа и не сунули: никак уж не ожидали, что я – вот он, рядышком. Ну, поголодать, правда, пришлось, но голодать мы привычные, смертушка – она, поди, все же полютее голода будет. Неделю так за печкой лежал, ох как кишка кишку мыла! – а вишь – живой! Через неделю они только разъехались, а больше мы, слава господи, не перехлестывались.

Вот и с этими упырями я решил: где меня искать не станут? У себя же под носом! Мне про эти их крысиные норы один метростроевец спьяну рассказал. Видно, не одному мне, потому как его вскорости шлепнули за разглашение.

Ну а я себе на ус намотал – и молчок! Вот оно и пригодилось.

В жизни не додумались бы они меня тут, в этих своих катакомбах, искать! Только на этот раз я был уже не такой дурак, провизией припасся. И на себя, и на Прохора. Мы бы тут, коли надо, хоть два месяца просидели бы. Могу, кстати, угостить – и тебя, Юрочка, и дамочку твою… не знаю, как величать.

Он стал доставать из карманов хлеб, колбасу, но от всего этого Юрий отказался.

– Ну а сюда, к нам, – зачем? – спросил он. – Скука одолела?

Борщов покачал головой:

– Какая скука?! Мы ж – с Прохором, нам с ним скучно никогда не бывает. Просто решил – вы тоже мой финт проделать решили, вблизи упырей залечь. Тебя-то, Юрок, я по голосу сразу узнал. Ну, думаю, молодец! Еще и дамочкой запасся, потому как – не хлебом единым… – Но, увидев глаза Васильцева, осекся: – Все, все, Юрочка, молчу! Дело молодое!

Чтобы пресечь его болтовню, Юрий пробурчал:

– Мы-то все же тебе зачем?

– Да вот, подумал: коль уж Юрок тоже не дураком оказался, то двум недуракам, глядишь, двойная фортуна посветит. Может, вместе найдем, как из всей этой бодяги выкрутиться.

– Кот-то ваш где? – спросила Катя.

– Ах да, Прошенька! – засуетился тот. – Ему ж сейчас питаться самое время! Он у меня, дамочка, знаете ли!..

– Знаем – не шахтер-стахановец, – сказал Юрий довольно холодно. Он пока так и не знал, как относиться к этому шуту гороховому.

– Во-во! – не обращая внимания на его прохладный тон, подтвердил Борщов. – Он тут за два отсека отсюда сидит. Пока, видите, тихо сидит, он свое время знает. А минут через пять, если питания не дать – та́к разорется, хоть святых выноси! Там, наверху, даже глухой услышит… Ой-ой-ой! – запричитал, взглянув на часы, – не опоздать бы! Вы посидите тут, ребятишки, без меня, а я пойду Прохора уважу. Минут через пять вернусь – авось что-нибудь решим, – и с этими словами исчез в дыре.

Юрий хотел было что-то сказать, но Катя прижала палец к губам:

– Тсс! – прошептала она. – У них, у шулеров, знаешь какой слух! Боюсь, он и так слышал слишком многое, теперь будет настороже.

Васильцев посветил в соседний отсек.

– Да нет, – сказал он, – похоже, вправду утопал к своему Прохору. Ладно, будем осторожнее.

– Пока его нет, – тихо заговорила Катя, – хочу кое-что рассказать тебе об отце.

– Брось, все и так ясно – не причастен он к этим часам. Сейчас надо думать…

– Нет, я о другом, – перебила его Катя. – Я о том, почему мой отец под конец жизни был против Тайного Суда. Он был убежден, что Суд обязан что-то менять в обществе, а не заниматься просто мщением с полууголовным оттенком. Но там, на самом верху, его никто не поддержал. Для них Тайный Суд – это наподобие игры, щекочущей нервы, не более. Там заседают очень богатые и знатные люди, полагающие, что мир и так устроен практически идеально… ну, за исключением присутствия в нем кое-каких отпетых мерзавцев, никак не влияющих на судьбы человечества в целом, – этих, конечно, надо безжалостно истреблять. А стоило отцу лишь заговорить о мерзостях, творимых сверху – здесь, в Союзе, или в Германии, или где бы то ни было (а ведь у Суда имеются немалые возможности повлиять и на это), – как они там просто переставали его слышать. Сразу начинали приводить какие-то примеры из Французской революции или из других каких-нибудь времен, когда это не довело до добра.

– Да, – кивнул Юрий, – помню, Домбровский пел нечто подобное.

– Еще бы! – хмыкнула Катя. – Уж он-то знает, что надо петь! Потому ему и прощали до поры до времени кое-какие грешки, пока он совсем уж не потерял совесть. Но и теперь, если его заменят, то кем-нибудь подобным ему. Такие, как ты, нужны им только для того, чтобы придать всему видимость некоторого благообразия.

Ее слова сходились с тем, о чем и Юрий не раз подумывал в последнее время. Вот и профессора Суздалева ему не удалось спасти именно из-за этого.

– Ну а как бы ты поступила на их месте?

– Я?.. Ну, весь мир я бы, конечно, не переустроила, но что-то полезное по спасению хороших людей, надеюсь, смогла бы сделать. Однако никто мне не даст этого сделать – у них есть средства усмирять слишком строптивых. Я слышала, существует свой суд, внутренний, где никаких этих «камня», «веревки» и прочее, там люди просто исчезают без следа, и о них как-то вдруг перестают вспоминать… Та́к вот исчез мой отец – я тебе об этом ничего не рассказывала, как-нибудь в другой раз.

В этот момент Юрий как-то даже не подумал, что «другого раза» уже может и не быть и спросил:

– Ну а если… Если мы – вместе?

Катя не ответила, но так посмотрела на него, что он понял – она и сама, похоже, задумывалась над такой возможностью.

Юрий хотел что-то еще сказать, но Катя снова приложила

палец к губам:

– Он возвращается… Если бы еще наверняка знать, в какую игру он играет…

– Ну, в этом мы сейчас разберемся, – пообещал Юрий.

Теперь и он слышал, как бывший шулер осторожно продвигается по подземелью. Вскоре из дыры показалась его перебинтованная асимметричная голова.

Юрий дождался, пока он влезет в их камеру целиком, и спросил:

– А макушка после той сосульки не болит? – и с этими словами сдернул бинты с асимметричной головы.

Никаких следов ушиба на лысом борщовском черепе не наблюдалось.

– Ушлый, гад! Догадался! – прошипел Борщов.

Дальнейшего Юрий не ожидал. Бывший шулер вдруг сложился пополам и въехал ему головой в солнечное сплетение с такой силой, что мир в глазах на миг померк.

– Что, скушал, фраер? – совершенно по-блатному осклабился Борщов. – Учись!

– Значит, вы с Домбровским заодно? – через силу проговорил Юрий.

– А чего ж? Ну, до поры, конечно, – усмехнулся тот. – А там и с ним можно…

– Как с Викентием?

– Во-во, примерно. Тебе-то уже можно знать: покойники никому ничего не рассказывают. Щас ты у меня отмучаешься, потом и дамочке твоей придет черед. На, фраер, съешь еще борщецкого! – С этими словами он отвел ногу для удара.

Но тут произошло то, чего Борщов не ожидал. Катя подпрыгнула, развернулась в воздухе и нанесла ему ногой в висок такой удар, что тот рухнул как подкошенный.

Юрий поднялся.

– Добить гада! – проговорил он.

– Сначала допросить, – сказала Катя.

И тут бывший шулер заорал во всю глотку:

– Эй, ребятки! Выручайте, своих бьют!

Писклявая гвардия появилась почти мгновенно – видно, таков был их план: уйти громко, вернуться на цыпочках. Значит, похоже, слышали все, но это уже мало что меняло.

«Добить все-таки напоследок», – глядя на Борщова, подумал Юрий, но оттуда, сверху, один пропищал:

– Ты, хромой! Тронешь нашего – сразу пути-мути сделаем! – и Юрий, хотя и не знал значения этого загадочного «пути-мути», все-таки решил пока воздержаться.

Решетка загромыхала, открываясь, гномы опустили вниз лестницу.

– Вылазь, Борщов! – пискнул кто-то из гномов.

Тот юркнул к лестнице и поднялся наверх с завидной поспешностью.

– Теперь ты, баран, а после – ярочка!

– Чего это ради? – спросил Юрий. – Нам и тут хорошо.

– Ничего, сейчас плохо будет! – пообещал один из гвардейцев. – У нас тут брандспойт при себе, а водичка у нас, знаешь, ключевая, холодненькая, долго все равно не протянете.

Не желая напоследок еще и мокнуть, Юрий взялся за перекладину. Катя полезла следом за ним. Гвардия приняла их наверху всем скопом, заломили руки, начали вязать.

– Может, очкастому – все-таки пути-мути, а с девкой позабавиться? – предложил один писклявый.

– Развяжите ее, – процедил Юрий. – Если развяжете и не тронете, я часы золотые дам.

– А где часики-то?

Юрий показал.

– Часики хорошие, – закивал один из них, беря часы. – Ладушки, ничего мы с девкой твоей делать не станем, правда, Вонмиглас?

– А что ты с ней сделаешь? – тоненько хихикнул тот в ответ. – Тебе что, пути-мути сделать забыли, или у тебя снова отросло?

Теперь только Юрий понял, что означает это «пути-мути».

– Это у вас что… у всех?

– Порядок такой, – пожалуй, даже горделиво подтвердил Вонмиглас. – Чтобы гвардеец на девок не заглядывался, всем пути-мути. За часики, конечно, спасибо, а вот развязывать твою деваху не будем – видали, как она своими ноженциями дерется, нам лишних проблем не надо. Ну, пошли, гвардия!

Снова напевая песню, которая вполне сошла бы за боевую, не будь она такой писклявой, гномы подтолкнули Юрия алебардами.

Глава 25
Наверх!

Они снова очутились в тронном зале. После тьмы подземелья царящий здесь свет ослеплял, но все-таки Юрий сумел разглядеть Домбровского, стоявшего одесную от темнолицего императора. Борщов откололся от гвардейцев, тоже подошел к трону и стал по левую руку от свинорылого короля. Оба – и Домбровский, и Борщов – смотрели на Катю и Юрия с нескрываемой злобой и в то же время с презрением, явно предчуя, что наблюдают уже покойников.

– Ну что, partisanene[33], – сказал император, – вы, похоже, свою миссию выполнили.

Король добавил:

– Теперь, благодаря нашему доблестному Вонмигласу (а у него слух знаете какой!), мы знаем о вас все. Хотите в своем Тайном Суде vallankaappaus[34] устроить? Недельку раньше – мы бы вас сами приветили, а сейчас… – Он кивнул на Домбровского и Борщова. – Сейчас вместо вас другие орлы все, что надо, сделают, верно я говорю?

– Именно! – подтвердил Домбровский.

– А как же иначе! – кивнул Борщов.

– А всего-то нам и нужно от вашего Суда – так это денежки, – продолжал король, – а всякие там ваши szczytne cel[35] нас, право, не волнуют ничуть.

– Totalmente![36] – подтвердил император.

– Да, да, к черту это все, – лениво махнул рукой король, – таких мы навидались. Нам на нашу бедность денежки, денежки нужны, только они, копеечки, не обманут, не подведут, не продадут, как говорил, кажется, ваш бессмертный Гоголь.

– The immortal?[37] – заинтересовался император.

– Ну, это так, для красного словца, – успокоил его король. – В действительности он вполне покойник, и почил, кстати, копейки в кармане не имея. А денежки – рублики, тугрики, центики, фунтики – нам обеспечат вот эти вот благородные господа (снова взгляд на зардевшихся Борщова и Домбровского), верно я понимаю?

– Всенепременно! – заверил Домбровский.

– Уж будьте уверены, ваши величества! – пообещал Борщов.

– Карайте там ваших упырей, опирайтесь на таких вот лопухов (кивок в сторону Юрия), главное – сосите фунтики из вашего Лондона, только теперь половину, как условлено, – нам!

Qui est réglée?[38]

– Чё? – спросил Домбровский. Теперь было видно, что это, несмотря на свой благообразный вид, обычный запутавшийся уголовник.

– По рукам, спрашиваю? – пояснил король.

– А как же! Все по-честному, будьте уверены, ваши величества! – закивал Борщов. В глазах бывшего шулера, однако, притаилось: «Ага, держите шире карман!»

– Вот и ладненько! Назначим вас первыми советниками.

– Только прежде сделаем вам пути-мути, – добавил император.

– Ну, это ясное дело, – подтвердил король. – Это уж как положено: чтобы соблазнов лишних не было.

Перспектива «пути-мути» явно не слишком радовала бывших судей, однако смотрели они на подземных монархов без особого страха, и по этим их взглядам Юрий почувствовал, что они затевают что-то свое, и это, затеянное, вот-вот должно случиться.

– А в подтверждение нашего договора, – сказал король, протягивая им банку, – вы, господа, капустки, капустки пожуйте, очень полезно.

Ни Борщов, ни Домбровский, однако, к капустке прикасаться не стали.

– Только после вас, – проговорил Борщов.

– Да, да, после вас, ваши величества, – подхватил Домбровский, и по усмешке на его лице Юрий вдруг понял, что сейчас произойдет.

Он раскрыл было рот предупредить монархов, но те уже вовсю жевали свою капустку.

Не прошло и минуты, как свинорылый король пробормотал:

– Что-то мне, Фома, в животе нехорошо.

– Да и мне, Лука, что-то в печенке саднит, – простонал император.

Глаза их начали стекленеть, и через несколько секунд оба стали сползать со своих тронов.

– Молодцом! – шепнул Борщов Домбровскому. – Мышьячку сыпанул, я так понимаю?

– Нет, мышьяком бы их, может, и не проняло, – ответил Домбровский, не обращая внимания, что король с императором все еще корчатся в конвульсиях на полу, – больно здоровые, черти. Но у меня был покрепче продукт.

Говоря это, они уже взбирались на троны, на освободившиеся места, и при этом так смотрели друг на друга, что Юрию было ясно – дальнейшая судьба кого-то одного из них так же предопределена, как у затихших уже у подножия трона короля и

императора.

Взгромоздившись на место свинорылого короля, Домбровский произнес заученно, с дурным выговором:

– Le Roi est mort, vive le Roi!

Борщов тоже не остался в долгу, видно, долго готовился. Произнес с вовсе уж смехотворным прононсом:

– Le Empereur est mort, vive le Empereur![39]

Теперь самозваные монархи, по-видимому, решили, что настало самое время обратиться к подданным.

– Сирые и убогие! – по-актерски растроганным голосом произнес Домбровский. – Знаю, тяжко было вам под властью почивших деспотов! Но всему бывает конец. Радуйтесь своему счастью и благословляйте своего доброго короля Луку сто сорок четвертого!

– И добрейшего императора вашего Фому двести четырнадцатого! – не преминул вставить Борщов. – Жизнь ваша теперь будет разлюли-малина! Никаких вам больше «пути-мути» – при этих словах гвардия как-то взгрустнула, – никаких лишних поборов. Что отдадите – то и слава богу. А копеечку-другую мы и вам оставим, не сомневайтесь. В общем, виват!.. Или как бишь там по-вашенскому?..

Подданные, однако, смотрели с подозрением и не спешили их приветствовать.

Новоиспеченные монархи стали перешептываться, затем Борщов (или кто он теперь? Фома?) откашлялся и сказал:

– Это вы, наверно, дети мои, оттого, что мы капустку не жрем, как добропорядочным монархам полагается? Так вы не сумневайтесь, мы ее, капустку, страсть как обожаем. Тут только дрянцу всякую сверху скинуть надо… – Он отобрал сверху капустки на два пальца и стряхнул ее на пол.

Домбровский (Лука по-нынешнему) подозрительно взял банку у него из рук, скинул на пол капусты еще на два пальца, посмотрел банку на просвет, затем стряхнул еще чуток и наконец осторожно отправил в рот тоненький лоскуток. Некоторое время прислушивался к своему нутру и уже смелее взял еще один лоскуток.

Его примеру последовал и Борщов – взял из банки целую пригоршню капусты и начал смачно ее жевать, при этом поглядывая на Домбровского: кто-де из них смотрится более по-монаршьи? Домбровский вновь, уже смелее, зачерпнул из банки и взглянул на Борщова, вполне удовлетворенный: похоже, у него это получилось даже поцарственнее.

Народ, однако, по-прежнему молчал – не в одной капустке, видимо, было дело.

Жевание монархов прервал голос из толпы:

– Я только не пойму – а чего это вы тут расселись?

Юрий посмотрел в ту сторону. Голос принадлежал горбуну, который вез их сюда на машине.

– Во-во! – поддакнул ему второй, тот, что с глазом на плече. – Сидите тут, капустку лопаете. Что этих порешили, – он кивнул на трупы усопших монархов, – никто тут не против, всем старики поднадоели, но вы-то кто тут есть, ыш кубайдан мураки беш?

– Беш, беш! – гулом одобрила толпа.

– Беш! – пискляво согласилась гвардия.

Борщов и Домбровский крутили головами, но незнание здешнего языка ввергло обоих в растерянность.

– Беш, беш! – завопила толпа, кинулась к самозванцам и стащила их с трона.

– Вот так оно правильнее, – сказал тот, что с глазом на плече. Он влез на освободившийся трон императора, и… сразу стал похож на того, прежнего Фому: спина и руки его вытянулись, лицо потемнело.

– Намного правильнее! – согласился горбун, влезая на соседний трон, выемка в спинке которого пришлась в точности впору для его горба, а лицо бывшего водилы приобрело вполне свинообразное выражение.

Два новых монарха взяли банку, поочередно стали зачерпывать из нее капустку, и лишь тут толпа закричала на все голоса: «Виват! Виват! Беш! Ын кубайдан беш!»

– Не ушиблись, ваше величество? – злорадно спросил Юрий Домбровского.

Тот лишь зло зыркнул глазами. Говорить ничего не стал – понимал, что и его судьба висит теперь на волоске.

– Прохора жалко, – проныл Борщов. – Эй, ребята! Что бы там ни было, если кто в живых останется, хоть Прошку-то подберите. – Так это было сказано, что Юрию стало этого подлеца и шулера даже немного жаль.

– Ну а с этими что? – кивнув на них, спросил писклявый Вонмиглас новоиспеченных монархов. – Анабузык?

– А не сгодятся еще на что-нибудь? – усомнился горбатый король.

– А может… – задумался Вонмиглас, – может, пути-мути им сделать?

– И бабе ихней, что ль? – гоготнул кто-то из толпы.

– Баба и так кому-нибудь сойдет, – сказал другой. – Тебе, Поликарпушка, баба эта сгодится? – обратился он к какому-то оборванцу и по виду явно сифилитику, с провалившимся носом.

– А чего бы и нет! – обрадовался увечный Поликарпушка. –

Баба – она завсегда сойдет!

– Ладно! – прикрикнул на них горбун. – С бабой потом разбираться будете, а с этими как быть? Ребятки они ушлые, польза с них может быть.

– Польза-то польза, – возразил его напарник, и казалось, что говорит он не ртом, а глазом, наблюдающим из плеча. – Но многовато их, как бы втроем делов не наделали. Вот если б которого одного оставить…

– И кого отберешь?

– А пусть сами отбирают, – усмехнулся чему-то глазастый Фома.

– Как те, в прошлый раз? – Горбун Лука тоже усмехнулся. Видимо, «в прошлый раз» было по-настоящему весело. – Заодно, – добавил он, – посмотрим, кто из них метчей стреляет.

– Дуэль, дуэль! Ура, дуэль! – закудахтала какая-то кликуша, и толпа с восторгом подхватила этот крик.

Домбровский и Борщов, словно уже целясь, посмотрели друг на друга. Васильцева они явно не рассматривали как серьезного соперника.

Писклявый Вонмиглас разъяснил правила. Стреляют по очереди. Промахнулся, попал – не важно, дальше стреляет следующий, и так до тех пор, пока только один не останется в живых.

Катя, прижавшись к Юрию, зашептала ему на ухо:

– Оба они отменные стрелки. Давай лучше я – вместо тебя, я стреляю вполне неплохо.

Юрий покачал головой. Прятаться за Катю? Еще чего не хватало!

Он вспомнил, как в детстве поразил мишень семь раз из семи. Та удача могла и не повториться, однако сейчас сама судьба давала ему очень неплохой шанс на выигрыш. Стреляли-то и Борщов, и Домбровский, наверно, и вправду превосходно, а вот в математике явно ничего не смыслили. Именно такого рода дуэль приводилась в одном учебнике по теории вероятностей. Он улыбнулся Кате:

– Не бойся, все будет хорошо.

Их отвели в соседнюю квадратную, довольно светлую комнату, расставили по углам, дали в руки каждому по нагану. В четвертом углу стал Вонмиглас со своей алебардой.

– Если кто в меня стрельнет – с того живого шкуру спустят, – предупредил он, – так что не советую.

Все трое кивнули.

– Кто первый стреляет? – спросил Вонмиглас. – Жребий будем бросать?

– Не надо жребия, пусть очкастый стреляет, – пренебрежительно бросил Борщов.

Для не знающего теории вероятностей выбор был верный. Домбровский согласно кивнул.

Васильцев еще раз прокрутил в голове ту известную задачку. Если убить Борщова, то оставшийся Домбровский практически наверняка положит его. То же случится, если он невзначай убьет Борщова. Что ж, ребята, будет вам третий вариант!

Юрий долго целился в Домбровского. Мог бы и попасть, но тогда предстояло подставлять лоб под пулю Борщова. Поэтому он в самый последний момент заставил руку немного дрогнуть. Раздался выстрел, и пуля врезалась в стену.

– Ремиз! – воскликнул Борщов.

Он теперь злобно смотрел на Домбровского, не надеясь остаться в живых.

– Ну, готовься! – усмехнулся бывший председательствующий, и глаза его сузились.

– Хватит. Стреляй, – отозвался Борщов.

Домбровский выстрелил. Пуля попала Борщову прямо в лоб, и, не издав ни звука, он рухнул на пол.

Вот теперь промах был равен смерти. Юрий целился как можно тщательнее, а Домбровский смотрел на него с презрением.

Юрий вспомнил отца, истекающего кровью на лестнице, – там не обошлось без этого человека; вспомнил, как тот сделал его послушной игрушкой в своих руках; вспомнил страшную смерть Викентия; вспомнил, как и его самого, и Катю этот *вольный художник* отдал на растерзание подземным упырям. Это несправедливо, если он, Юрий, сейчас промахнется!

Еще он вспомнил свою детскую кличку – Стрелок. Ведь вовсе не умение, а она, справедливость, направляла тогда его руку. Поэтому и сейчас, доверившись не столько себе, сколько ей, этой самой справедливости, во имя которой он, собственно, и в их Суде-то согласился заседать, Юрий почти не глядя выстрелил.

Домбровский упал на пол, держась за простреленный живот.

– Попал, гад очкастый… – проговорил он. И больше уже не сказал ничего, хотя жизнь уходила из него еще несколько долгих секунд.

Вонмиглас повел его назад, в тронную залу. Навстречу им остальные гвардейцы выносили зашитых в саваны бывших короля и императора, но на это шествие уже мало кто обращал внимание.

Катя бросилась к Васильцеву, однако первым возле него очутился майор Чужак со словами:

– Молодец, кочегар-доцент! – Он попытался потрясти

Васильцеву руку, но тот отдернул кисть, и поэтому, подхватив Юрия под локти, майор стал трясти его целиком, приговаривая: – Вот это я понимаю! Это по-нашенски – обоих в расход. Кстати, я, кочегар, на тебя ставил, хоть ты и в очках!

Не сразу у Юрия хватило сил оторваться от могучего майора, а оторвавшись наконец, он с плеча заехал ему кулаком в зубы. Чужак сел на пол, хлопая глазами, но в этих самых глазах у него все равно горело обожание.

– Это тебе за отца, – проговорил Юрий.

– И к родителю вашему мы всегда с большим почтением, – забормотал майор, – это гнида Нюмка Буцис тогда попутал, так вон, его уже… Туда ему, падле, и дорога!

Тут наконец вступил длинный темнолицый Фома:

– У каждого своя дорога, – сказал он. – А как думаешь, какова твоя дорога, майор Чужак? – И, повернувшись к своему горбатому напарнику, проговорил: – Агубунак сабыр бутурлык.

– Беш, беш, – согласился тот.

Не понимавший их речи майор уже поднялся на ноги и теперь стоял перед ними навытяжку, руки по швам, и только потел со страху.

– Мы – завсегда! – наконец выпалил он.

Монархи переглянулись.

– Тут что-то было сказано? – спросил император.

– Сказано-то сказано, – отозвался король, – но что-то больно уж невнятное.

Майор понял, что надо пояснить.

– Я к тому, что мы – завсегда! – повторил он. – В том смысле, что – верой и правдой!

– Что – верой и правдой? – спросил горбун.

«Жилка, жилушка, ну!!!» – мысленно взмолился майор Чужак, вслух же произнес:

– Камушки – завсегда! Цацки от всяких контриков, рыжье! Завсегда с большой радостью!

– И от этой самой радости, – усмехнулся император, – ты добрых три четверти всего этого заныкиваешь себе?

– Это при том, что наш народ голодает, – добавил свинорылый король. – А у него вон три шифоньера от всякого добра ломятся.

– То ж Аглайке, дочурке единственной, в приданое, – попытался оправдаться майор, но монархи уже не слушали его.

– Лейтенант Огурцов! – крикнул император.

Секунды не прошло, как перед троном уже стоял навытяжку молодой, пахнущий одеколоном лейтенант госбезопасности.

– По вашему приказанию! – щелкнул он каблуками до блеска

начищенных сапог.

– Ну-ка, напомни-ка нам, лейтенант Огурцов, – попросил император, – чего и сколько ты давеча принес нам на нашу бедность?

– Точно так! – отрапортовал лейтенант. – Перстней от двух зиновьевцев – четыре штуки; золотишка от архиерейской вдовы – с полкило; зубов золотых, что с допросов, – с полкило тоже; ну и там по мелочам – серебришко, брошечки, запонки…

– И все за одну неделю?

– Точно так!

– А себе что оставил, лейтенант Огурцов? Ну-ка – как на духу!

Лейтенант потупил глаза. Потом, порывшись в кармане, достал небольшой золотой портсигар, показал:

– Вот… От бухаринца одного… Но ежели надо…

– Нет-нет, лишнего нам не надо, – отмахнулся император, – оставь себе. Задаром работать никто не заставляет.

– Главное дело – не греби, как этот… – Горбатый король бросил презрительный взгляд на Чужака, и тот съежился.

– Дочке, Аглайке… – пробормотал он, но слушать его никто не стал.

Обращаясь к лейтенанту, император изрек:

– Ты, Огурцов, далеко пойдешь.

– Рад стараться!

– Видим, видим, стараешься уже. Скоро, глядишь, и в майоры выбьешься, тем более что место майорское, кажется мне, скоро без хозяина останется.

Майора Чужака шатало, как тростинку на ветру. Трудно понять, как он нашел в себе силы выговорить:

– А я?..

– Берилык азыкум, – сказал король.

Майора затрясло еще сильнее.

– Азыкум анакербеш, – кивнул император.

На майора было страшно смотреть. Видно, он уже и к жилке своей заветной не обращался – разуверился, что на сей раз она вытянет.

– Беш анабузык! – грозно сказал король и на той же своей тарабарщине произнес длинную тираду, в которой Юрий тем не менее сумел выловить одно понятное слово.

Это слово было «*секирбашка*».

– Анабузык! Секирбашка! – подтвердил император и махнул куда-то рукой. – Секирбашка! Секирбашка! – не слушая его, загудела толпа.

– Ваше… – выдавил Чужак, становясь ниже ростом, ибо часть пола под ним начала опускаться.

– Секирбашка! Секирбашка! – закудахтали кликуши, столпившиеся у трона.

– …императорское!.. – взвыл Чужак. К этому моменту он уже по пояс опустился в подземелье.

Когда подбородок его поравнялся с полом, майор прокричал:

– Верой и правдой!

И с этими словами уехал вниз окончательно. Плита пола над ним задвинулась, и лишь откуда-то из глубин еще некоторое время слышались его вопли:

– Черт попутал!.. Но – верой же и правдой! И троцкистов мы – завсегда, без поблажек! Верой и правдой, ей-богу!.. Не тронь! Не тронь, ирод! Верой и правдой, только верой и правдой! А-а-а!.. – И через секунду все стихло.

Теперь взоры монархов были устремлены на Катю и Юрия. Похоже, сейчас должна была решиться и их судьба. После некоторых переговоров на своем тарабарском наречии, император наконец удостоил их своего царственного взгляда из дырки на плече и произнес по-русски:

– Теперь – что касается вас, молодые люди…

У Юрия на миг сжалось сердце.

Однако вместо «секирбашки» последовало совершенно иное:

– Никаких, собственно, претензий у нас к вам нет.

– Беш, – подтвердил король.

– Собственно, с вашего Суда пользы для нас было – что с козла молока. Нет, ну кое-что ваш бородатый, конечно, отстегнул, но это для нас капля в море. Нас вон и лейтенант Огурцов, надеюсь, в бедности не оставит.

– Никак нет! – щелкнул каблуками лейтенант.

– А с вас, молодые люди, вовсе проку для нас, похоже, никакого. Справедливость ваша для нас – анаширкабеш, так что живите, играйтесь в свои благородные игры. Ну а пригодитесь нам или наделаете каких глупостей – мы уж вас как-нибудь отыщем. Шурум беш?

– Шурум! – подтвердил король. И добавил: – Еще и как отыщем!

– Оставаться у нас не предлагаю, – добавил император, – да и вряд ли вы согласитесь. Поэтому – отправляйтесь-ка вы восвояси. Думаю, – усмехнулся он, – вы найдете, чем друг с дружкой заняться на первых порах. Эй, Вонмиглас!

Перед тронами возник начальник гвардии.

– Пусть отвезут, куда они захотят. И без глупостей!

Вонмиглас рукой поманил к себе какого-то совсем юного горбуна (таких здесь, как видно, было с избытком):

– Слышал?

– Будет сделано! – заверил тот.

Через несколько минут Юрий и Катя сидели в той самой машине с закрытыми фанерой окнами, которая их привезла. На приставное сиденье перед ними уселся молодой человек с повязкой на глазах и табличкой на шее: «Ремонтируем швейные машинки всех марок».

По дороге горбун и слепец вели между собой разговор.

– Новые папашки, пожалуй, получше старых будут, – предположил горбатый.

– Обещались капусткой по два раза в неделю потчевать, – подтвердил слепец. В этот миг куртка у него распахнулась, и с живота на Юрия глянул вполне зрячий глаз. – Только, – без особой скорби вздохнул нищий, – и эти папашки не молодые уже.

– Оно так, – согласился горбун. – Хотя, может, и к лучшему, – и на физиономии его в этот миг промелькнуло что-то свинорылое, из чего Юрий заключил, что, похоже, весьма скоро там, в подземелье, снова прозвучит: «Le Roi est mort, vive le Roi! Le Empereur est mort, vive le Empereur!»

Вдруг Катя закричала:

– Стой!

Машина стала как вкопанная.

– Что еще? – недовольно спросил горбатый.

– Кошка орет, – прислушалась Катя.

– Ну и пусть себе орет, – буркнул брюхоглазый, – нам-то что?

Теперь и Юрий услышал надрывный кошачий вопль.

– Это Прохор, кот Борщова, – догадался он. – Надо бы забрать.

Катя кивнула.

– Кис-кис! – поманила она.

Через пару минут ухоженный белоснежный кот влетел в машину через дырку в фанере. Мигом пристроившись у Юрия на коленях, он снова завел свою недовольную песню.

– Ишь как жрать хочет животина, – осклабился горбатый.

– Да, это вам не шахтер-стахановец, – машинально отозвался Юрий. – Только, брат, потерпеть тебе придется, нет у нас ничего.

– У кого ни шиша, а у кого и имеется, – торжествующе сказал слепец с глазом на животе.

Он достал из кармана бутерброд с большим шматом колбасы, подразнил им кота, отчего вопли животного приобрели поистине трагический масштаб.

– Дал бы ему, – попросила Катя.

– Ага, буду я всякой твари задаром продукт скармливать! Сам с утра не емши.

– А если не задаром? Если я у тебя куплю?

– Смотря за почем.

– Вот. – Она достала из волос золотую заколку с крупным алмазом. – Продашь?

Нищий внимательно разглядел заколку, держа ее у живота, после чего неодобрительно поцокал языком:

– Ни хрена себе! Это за простую докторскую колбаску-то? Ради какой-то животины, растуды ее!

– Ну так как? – спросила Катя.

– Держи, пусть подавится.

Он отдал бутерброд. Неизвестно, какой продукт полагался Прохору сейчас в соответствии с его аристократическим рационом, но его ор сразу сменился умиротворенным урчанием.

– Из-за животины – такую цацку отдать! – с удивлением покачал головой горбун. – Да, ребятки, долго вы так в этой жизни не протянете.

И Катя, и Юрий заколки этой ничуть не жалели: жизнь, в которую они сейчас въезжали, была такой, что долго протянуть в ней вообще было весьма проблематично.

Из подземелья машина выскользнула глубокой ночью, неподалеку от большого, ярко освещенного дома напротив Кремля. Как раз в этот момент четверо собратьев майора Чужака выводили из подъезда командарма первого ранга, которого вся страна знала в лицо, и какую-то женщину, одетую в меха. И командарм, и женщина еще пытались держаться с достоинством, но тут один из конвоя крепко ударил командарма в спину рукояткой нагана и прошипел:

– Руки за спину!

– Шагай, шагай, шпиён португальский, – добавил другой. – Голову ниже. Смотри под ноги!

Какие-то двое притаились у фонаря.

– Ни хрена себе! – проговорил один. – И этот, оказывается!

– Морда шпиёнская, – отозвался второй, – всегда было видно. Ничё, скоро товарищ Берия всех переловит, тогда, может, и жизнь будет.

Если только что, когда Юрий вдохнул свежий воздух, ему казалось, что они с Катей чудом выбрались из мира, *которого не может быть*, то теперь он ясно ощутил, что и здешнего мира быть не могло, не должно было быть. Просто он перескочил из одного страшного сна в другой, не менее поганый. Сколько существовало еще таких миров, которых не должно было быть, ему предстояло увидеть в этой злой яви, так похожей на дурные сны?

– Куда везти? – спросил горбун.

Юрию было все равно, но Катя сказала:

– Везите на Тверскую.

– В квартиру миссис Сазерленд? – удивился Юрий. – Боюсь, там нас уже поджидают.

– Не боись, очкастый, – успокоил его брюхоглазый, – пока не тронут. Папашки велели лейтенанту Огурцову, чтобы до поры не трогали. Ну а там, дальше…

Что будет «там, дальше», Юрия сейчас не особенно волновало. Он знал, что все равно жить по-старому уже не получится, а вот дня два, которые они проведут вместе с Катей в просторной квартире, с душем, с чистым бельем, – хотя это, возможно, будет в последний раз – настоящий подарок судьбы, упускать который глупо.

Начиналась новая жизнь, и перед этой новой жизнью им еще так обо многом надо было поговорить! Невероятно много предстоит сказать друг другу! Он даже начал что-то такое говорить, сам пока еще не очень понимая смысл своих слов, но Катя остановила его.

– Спи, милый, – ласково улыбнулась она, – тебе сегодня здорово досталось. – С этими словами девушка поцеловала Юрия, да он, собственно, уже спал, и лишь это только что прозвучавшее «милый», еще держало какую-то частицу его в этом мире.

«Милый!.. Милый!..»

Кот мурлыкал все тише, тоже засыпая, и приятно согревал колени своим горячим тельцем.

Когда, однако, они вдвоем вошли в просторную Катину квартиру и закрыли за собой дверь, вдруг послышался высокий голос – то ли женщины, то ли мальчишки:

– Не включайте свет!

Юрий подумал устало: «Вот и еще один сон!»

Глава 26
Сов. секретно (продолжение)

Нарком Берия и так, и сяк крутил в руках сов. секретную записку, и некоторые строки из нее все больше цепляли душу всяческими сомнениями.

Написана она была особо секретным сотрудником, капитаном госбезопасности, настоящего имени которого не знал даже сам народный комиссар, изувеченным (и ох как неприятно изувеченным!) для пущей убедительности своего прикрытия и внедренным в подземную вражескую сеть под собачьей какой-то кличкой Вонмиглас.

То есть вначале-то все было яснее ясного: спекся майор Чужак. Верный, конечно, был человек – ну да мало ли! Служба такая. Нарком заглянул в подготовленное представление майора Чужака к ордену Ленина (посмертно), потом, подумав, сменил орден Ленина на орден Красного Знамени, потом – на почетную грамоту, потом, еще поразмыслив, вовсе порвал представление и бросил в мусорную корзину. Был Чужак – и нету, и ну его! И нечего тут сопли мусолить. Там (Вонмиглас сообщал) новый верный человек образовался, лейтенант Огурцов, надо бы его, повысив в звании, на Чужаково место определить – служить, по всему, будет не хуже, видна чекистская закалка. Здесь все ясно, все правильно.

И двоих из этого гребаного Тайного Суда замочили – тоже дело хорошее. И с Призраком все разрешилось. Оказывается, один из этих замоченных Призраком и назывался. В этом смысле жизнь явно облегчалась.

А вот что касается этого кочегара-доцента и крали его, английской шпионки миссис Сазерленд, – тут были сплошные заморочки. Казалось бы: две пули в затылок – и все дела. И нечего им больше коптить небо социалистической Родины.

Нет же! Вонмиглас пишет (и Огурцов его в том поддерживает), что надо за каким-то хреном оставить тех двоих на белом свете, таково, мол, желание этих, на фиг, подземных паханов, о которых народный комиссар уже не раз слыхивал. Мало ль что в жизни выйдет не так, подсидит кто (вдруг кто уже губу раскатал сесть на его наркомовское место), или Кобе (не дай-то бог!) что-то новое на ум взбредет, – глядишь, тогда и эти паханы с их подземельем на что-нибудь пригодятся, так что идти против их воли пока, пожалуй, не след.

Но те двое, доцент-кочегар и его краля-шпионка, народному

комиссару шибко не нравились: не отчетливые какие-то, без царя в голове, вон, кота какого-то с собой прихватили, на хрена им, спрашивается, кот, без него, что ли, забот мало? В общем, чего от них можно ждать, сам черт не знает.

Как быть?

А вот как быть!

Выйдут же они когда-нибудь из этой шпионской хазы на Тверской – а там уж… Вон в какие времена живем: любая шпана воткнет сзади шило в сердце, и все дела! Дорогие цацки у этой крали, говорят. Сейчас и не за такое прикалывают! Ну а злодеев потом найти не проблема, сами во всем признаются. А он, нарком, тут при чем? Да ни при чем он вовсе! Чай, в телохранители не нанимался. И он взял трубку:

– Саркисов. Двух сержантов ко мне. Каких-нибудь поплоше. И таких, чтоб мордами на урок походили. – Уж с мордами-то, надо полагать, проблем не будет. – Обоих потом – на списание.

* * *

Да, морды были те, что надо, загляденье! Саркисов свое дело знает. У одного под глазом фингал здоровенный красуется, у второго нос набок, отчего все время шмыгает, как простуженный.

Нарком почти ласково спросил:

– Значит, это у нас и есть сержант Хренков и сержант Колуев?

– Так точно, товарищ народный комиссар!

– Точно так, товарищ народный…

– Ладно, ладно, – глядя на этих недоносков, улыбнулся нарком. – Ну а увечья где, герои, получили?

– Да там капитан один позавчера расходился в ресторане. Капитан Блинов.

– Здоровый, черт! Насилу сладили!

– Ну, что сладили – молодцы, с этим Блиновым мы разберемся еще. А сейчас дело у меня для вас будет деликатное. Вот адресок: выучить наизусть, а записку уничтожить. Под видом сантехников пойдете туда и будете, не сходя с места, ждать в подъезде сколько потребуется, хоть день, хоть неделю. И чтобы ни у кого никаких подозрений!

– Так ить ежели сантехники столько времени в подъезде сидят, – решился вставить тот, который с фингалом, – их же все приметят. Наверняка куда надо сообщат.

Гм, а не совсем дурак!

– А можно мы лучше алкоголиками будем? Дозвольте, – просморкавшись, предложил второй. – В моем вон подъезде

алкоголики себе хазу устроили, сутками там ханку жрут.

Тоже соображает, хоть с виду дурак дураком.

– Дозволяю, – кивнул народный комиссар. – Тем более что рожи у вас сейчас вполне подходящие. Только глядите там у меня, сами не нажритесь: дело государственной важности.

Оба вытянулись, готовые внимать, но народный комиссар отмахнулся:

– А с деталями вас ознакомит капитан Саркисов.

Глава 27
Сын палача

– Так и будем разговаривать? – бросил Юрий в темноту.

– Сначала все шторы задерните, – отозвался тот.

Юрий на ощупь задернул все шторы, что были в квартире, потом включил свет и увидел совсем еще юнца, лет шестнадцати, не больше. Одежда его была перепачкана сажей.

– Как ты сюда проник? – поинтересовалась Катя.

– Через камин. По трубе, – мотнул головой мальчишка. – Никто не видел. Не бойтесь, больше никто в эту трубу не пролезет, она узкая.

Юрий пригляделся к пареньку. Тот был тонок и гибок, словно ящерка; пожалуй, и вправду мало кому еще удалось бы пролезть в эту трубу.

– Как тебя зовут? – улыбнулась Катя.

– Викентий, – ответил тот почему-то с вызовом.

– Редкое имя, – прищурилась девушка. – Знали мы одного человека по имени Викентий.

– Это мой отец, – кивнул паренек.

– У Викентия были дети? – удивился Юрий. – Он ничего такого не говорил.

– Он и мне велел называться сиротой… Но он меня научил всему, что умел сам. Я даже, честное слово, умею то, чего он не умел.

Юрий посмотрел на него внимательнее. Викентий-младший был довольно щупл, но в лице у него действительно имелись общие черты с покойным палачом.

– Отца убили, – хмуро сказал паренек.

– Мы знаем, – вздохнула Катя.

– И убийц твоего отца больше нет, – добавил Юрий.

– Их убили?

Юрий кивнул.

– Когда?

– Сегодня.

– И кто это сделал?

– Я. Так что мстить уже никому не надо, можешь жить спокойно.

– Я не для того сюда пришел, чтобы спокойно жить, – очень по-взрослому ответил сын палача. – Теперь я по праву должен занять в Суде место отца.

Юрий удивился:

– Хочешь быть палачом? Не боязно?

Парень покачал головой:

– Не боязно… Отец с детства меня готовил. Вот увидите!..

Воцарилась тишина. Юрий и Катя переглянулись и, кажется, подумали об одном и том же.

– Боюсь, ничего мы такого не увидим, – наконец проговорил Юрий. – Дело в том, что никакого Тайного Суда больше нет.

Некоторое время парень стоял как ушибленный. Потом проговорил зло:

– Вы врете! Так не бывает.

– Чего не бывает?

– Не бывает так, чтобы не было Тайного Суда. Он был всегда!

– Был, – кивнул Юрий. – А вот теперь – нет.

Викентий-младший никак не мог принять ошарашивающую новость.

– Но почему?! – воскликнул он.

В разговор вмешалась Катя:

– Потому, что зачастую судьями становились те, кто мало отличался от преступников. Например, убийцы твоего отца.

– Но не все же такие! – упорствовал паренек.

– Не все, – согласился Юрий. – Но человек, верящий, что правота лишь на его стороне, что он вправе решать, жить кому-то или умереть, – такой человек, если он вдруг ошибется… а людям, согласись, все-таки свойственно ошибаться… такой человек становится чудовищно опасен. Ну, наподобие тех…

– …которые заседают в «тройке»? – закончил за него юнец.

– Да, наподобие тех. Они ведь тоже свято верят в свою правоту. Кстати, у них тоже есть свои палачи. Ты ведь, надеюсь, не желаешь?..

– К ним, к этим гадам?! – воскликнул Викентий. – Я что, похож?..

– Ты похож на хорошего мальчишку, – успокаивающе поднял руки Юрий, – как и большинство мальчишек. Некоторые из них потом, достигнув взрослого возраста, так и остаются хорошими, порядочными людьми. Но горе тем, кто однажды ощутил власть над другими; чаще всего они и сами не замечают, что превратились в чудовищ.

– Я не чудовище, – набычился паренек.

– Пока – безусловно, нет. Но у тебя пока еще не было этой власти. А потом, глядишь…

Викентий перебил его:

– Вы просто трусы! Трусливые мещане, которым бы только наслаждаться своим уютным мирком!

– Ты ошибаешься, – спокойно ответил Юрий. – Впрочем,

можешь думать о нас что хочешь, если тебе так удобнее. Во всяком случае, сейчас нам с тобой не по пути.

– Да, – решительно кивнул тот, – с трусами мне не по пути! – По-шутовски раскланялся: – Простите, порядочные люди, что потревожил. Можете наслаждаться спокойным житьем-бытьем. – С этими словами он шагнул к каминному проему и исчез, будто не было.

– Не натворил бы бед, – вздохнула Катя.

Юрий тоже вздохнул:

– Очень боюсь, что мы все-таки еще услышим о нем…

Кот Прохор уже начинал попискивать, напоминая о себе. Скулеж этого обжоры вскоре должен был перерасти в надрывный ор.

– А вот о коте мы не подумали, – Юрий потер лоб. – Все-таки придется выходить, что-то ему покупать…

– Дня два продержимся, – заверила его Катя.

С этими словами она провела его на кухню и показала чудо из чудес, о котором Юрий только слыхал, но не видал воочию. Чудо называлось «холодильник».

– Знала бы – позаботилась, – с досадой поморщилась Катя. – Боюсь, здесь только на Прохора и хватит.

Она открыла холодильник. На полке одиноко лежал кусок печеночной колбасы – полкило, не больше.

– Кис-кис, – позвала она и бросила коту небольшой кусочек. Видно, колбаса была не его любимого сорта, но голод не тетка, и с некоторым сомнением кот-привереда все-таки сожрал то, что было дано.

– Да, дня на два ему хватит, – оценив внушительные размеры котяры, согласился Юрий. – Ну а мы уж – как-нибудь. Как думаешь, обойдемся?

– Мы только друг без друга теперь ни минуты не обойдемся, – шепнула Катя, крепко, нежно обняла его и уткнулась лицом в его небритую щеку.

Сколько бы ему, Юрию, не оставалось жить на этом свете, те два дня, проведенные в Катиной квартире на Тверской, все равно вспоминал бы как самые счастливые в своей жизни. Было голодно (все отдавалось лишь Прохору), холодно (квартира отапливалась лишь каминами, а зажигать их было никак нельзя), но тепла, которое они своими телами передавали друг другу, им хватало сторицей.

Они были счастливы и не допускали мысли, что в счастье этом будет хоть один миг перерыва.

Увы, не бывает ничего вечного. Через два дня у Прохора

закончилась колбаса. Пока кот лишь мяукал, но стенал все чаще и громче, и наконец стало ясно, что до его истошного ора остаются считаные часы.

– Хочешь не хочешь – придется выходить, – вздохнул Юрий.

– Может, лучше я? – предложила Катя. – У меня есть театральный грим, загримируюсь под какую-нибудь старушенцию, никто не узнает.

Юрий был тверд:

– Пойду я. А вот бороденку мне какую-нибудь, если найдется, приклей, не помешает.

Катя справилась с работой гримера искусно и быстро. Теперь на Юрия смотрел из зеркала повидавший жизнь старик лет семидесяти.

– Сойдет, – кивнул он.

Однако, перед тем как открыть дверь, Катя глянула в дверной глазок и прошептала:

– Черт! Там какие-то двое…

Юрий тоже посмотрел.

– Да это алкаши какие-то, – успокоил он ее, – им до нас нет дела.

– И все же… – Катя задумалась. – У меня одна мыслишка есть. Тут соседняя квартира пустует, мы туда легко перелезем через балкон.

– И что это даст?

– Увидишь! – В глазах у Кати появился озорной блеск. Она достала из сумочки небольшой тюбик. – Суперклей, – пояснила она, – схватывает мгновенно и намертво.

С этими словами она взяла стоявший здесь же, в прихожей, велосипед и хорошенько смазала клеем раму.

– Сейчас будет весело, – усмехнулась она, крутя дверной замок.

Глава 28
Сов. секретно (окончание). Галчонок

Два сержанта переговаривались на лестнице:

– Ты куда, Хренков, наган сунул?

– Сюда, за ремень.

– То-то я и гляжу. Кто ж спереди сует? У тебя же через куртку рукоятка на брюхе видна. Ежели под ремень, так назад надо. Вот, как у меня… Ить твою! Да не тут, не у окна перекладывай! Вон, в темный угол отойди, там и переложь!.. Вот так… И – сюда… И вообще – на шиша тебе наган, когда шилом работать велено?

– Так, на всякий… А у тебя наган зачем?

– Ладно, может, и пригодится. Вобла у тебя? Готовь маскировку.

– Это что, прямо вот так вот на подоконнике разделывать?

– Давай прямо. Мы ж с тобой кто? Алкаши!.. А я пивко щас открою.

– Валяй, Вася, трубы горят.

– Какой я тебе Вася, какие еще трубы?! Ты что, тудыть твою, набрался перед заданием?!

– В рот не брал. Это ж я – для конспирации.

– А-а… Вобла, однако, ничего, смотрю, свежая… Ну-ка… Да, во рту тает…

– И пивко хорошее, сегодняшнее.

– Давай сюда! Ишь, присосался! Так через час без ни шиша останемся.

– Еще ж четыре бутылки.

– А сколько еще стоять, ты знаешь? Может, до самого вечера. И налижешься – какая тогда точность стрельбы?

– Ништяк, Вася! Я, когда за стрельбы грамоту получил, – сколько я, по-твоему, перед тем принял?

– Ну…

– Гну! Как раз четыре «Жигулевского». У меня от него, от пива, меткость как раз обостряется – видать, особое свойство такое организма.

– Гляди-ка ты! Может, и у меня тоже? Ну-ка, вторую открывай…

– Тсс!

– Чё?..

– Через плечо! Вон дверь, кажись, открывается.

– Пускай себе открывается. Это какая квартира?

– Пятьдесят восьмая.

– А нам какая нужна, помнишь хоть?

– Пятьдесят девятая.

– То-то. А для пятьдесят восьмой мы для маскировки кто? Алкаши. Давай-ка открывай, в самый раз будет.

Катя и Юрий стояли в прихожей пятьдесят восьмой квартиры и по очереди смотрели в дверной глазок. Двое пьянчужек разделывали воблу на подоконнике. Что делать? Ждать? Но они могут и до вечера сосать свое пиво.

Да никакие они и не пьянчужки, хоть и лихо тянут пиво из горла, наконец сообразил Юрий: вон, у обоих под спецовками рукоятки наганов торчат сзади из-под ремней.

Катя, переодетая в мальчугана, подмигнула Юрию и, придерживая велосипед, открыла дверь.

– Дяденьки, помогите, пожалуйста, велик спустить, – вежливо попросил мальчуган, выкатывавший велосипед из пятьдесят восьмой квартиры.

– Сейчас вот все бросим и будем с твоим лисапедом возюкаться… – буркнул один из алкашей.

– Дяденьки, ну тяжело очень… – ныл малец. – Только через этот пролет, тут последняя ступенька крутая. Вам же одна секунда, дяденьки!

– Ладно, чего там… – снизошел второй алкаш. – Давай, Вася, поможем пацану.

Оба нехотя подошли и взялись за раму велосипеда.

– Ты бы хоть от масла раму протер.

– А это и не масло, дяденьки, – озорно отозвался мальчонка. С этими словами он отпустил руль и повернулся в сторону приоткрытой двери: – Все в порядке, пошли.

У сержанта Хренкова и сержанта Колуева челюсти разом отвисли. Из пятьдесят восьмой квартиры, посмеиваясь, вышел не кто иной, как знакомый им по фотографиям кочегар-доцент Васильцев, только с седой бородой. В руках он держал сумку и здоровенного котищу. А они…

Черт возьми, да что ж это такое!..

– Стреляй! – прошипел сержант Хренков, совсем забывший, что велено – шилом.

Ну а если и стрелять, то чем стрелять, чем?! Ногой, что ли?! Руки-то, руки, как цементом, прихвачены к этой раме, разве только с ладонями вместе ее от рук оторвать!

Васильцев и пацан этот спускались не спеша.

– Давай за ними! – скомандовал сержант Хренков и поволок велосипед вместе с прилипшим к нему сержантом Колуевым вниз

по лестнице.

Крутившиеся педали пребольно колотили сержанта Хренкова по коленкам. Недолго, правда. Потому что в одну секунду сержанты оступились и пересчитали все ступеньки на лестничном пролете. Хренков крепко стукнулся лбом о батарею и уже не понимал ушибленной головой, то ли это велосипедные шины, все еще крутясь, с шипением трутся о стену, то ли сержант Колуев что-то шипит, выплевывая выбитые зубы.

* * *

– Куда теперь? – спросил Юрий, когда они вышли из подъезда. – Если НКВД начало охоту, они не остановятся… В Москве оставаться нельзя, обложат, как волков, рано или поздно все равно выследят. Хоть на время надо отсюда дать дёру.

– И как ты это собираешься делать?

– Ну, не знаю… На поезде…

– На всех вокзалах уже по полсотни шпиков, можешь не сомневаться.

– Тогда – машину угнать.

– Если они не совсем дураки, то и все выезды из Москвы перекрыты. И все причалы, будь уверен.

– Да, дело швах, – подвел итог Юрий. – А у тебя есть какие-нибудь мысли?

– Не бог весть что, но все-таки есть одна идейка. Не знаю, проскочит или нет, но попробовать надо, все равно нет другого выхода. Даром, что ли, у меня полная сумка документов?

* * *

Народный комиссар был зол выше всякой меры. Это ж надо! Провели как пацанов! Но когда увидел перед собой этих лопухов, сержантов Хренкова и Колуева, в их нынешнем виде – зубы выбиты, одежда изорвана, ладони – сплошное месиво (их, говорят, полчаса отдирали от этого велосипеда), – все же не мог не улыбнуться: да, будет что вспомнить! И даже отдав распоряжение отправить обоих в расход, все еще продолжал слегка улыбаться.

Впрочем, расслабляться было нельзя. Он сдернул трубку телефона:

– Вокзалы?

– Везде наши, – был ответ.

– Пристани?

– Мышь не проскочит.

– Магистрали?

– Все перекрыты, товарищ народный комиссар.

Он положил трубку. Нет, не должны выскользнуть!.. Если бы речь шла о ком другом; но эти!..

Нарком стал расхаживать по кабинетуиз угла в угол. Есть ли еще для них какая-нибудь щелочка? Если только крыльев у них нет…

Стоп! Крылья!

Конечно, хрен кого из советских людей так вот запросто впустят в самолет, но здесь-то случай совершенно особенный. Он снова снял трубку:

– Самолета никто не угонял?

– Никак нет!

– Утроить охрану аэропорта. К каждому самолету – по взводу автоматчиков!

– Есть!

– А рейсовых сколько летает?

– Сегодня только один «дуглас».

– Пассажиров много?

– Всего два человека, иностранцы. Но какие! О-го-го!

– И какие же?

– Герцог Йоркский с герцогенком.

Да, это не то… Ну а все-таки…

– Как выглядят? Полное описание!

– Герцог с бородой, все лапы в перстнях, лопочет не по-нашему. Герцогенок – совсем малец… Да, еще кот у них!

Кот?! Вот и попались!

Нет, а каковы! Из-за кота жизнями рисковать! Все же что-то в них есть совсем непонятное, говнистое что-то.

– Задержать рейс! – гаркнул в трубку народный комиссар.

– Есть задержать рейс! Под каким видом?

– Скажете, что ждете особый груз.

– А груз будет?

– Будет вам груз!

А уж какой груз – об этом пока только он один знал. Такой будет груз, что…

Не додумав, он снова схватил трубку:

– Капитана Хватова ко мне!

* * *

– Капитан Хватов, по вашему приказанию!

Хорош! Здоров! Плечищи какие! А уж что умеет выделывать! Можно сказать, академик по терроризму. И по Испании, и по Мексике, и много еще где о нем просто легенды ходят. Такого жалко терять, надо, чтобы уцелел как-то, пригодится.

– Не спрашиваю, капитан Хватов, умеешь ли ты обращаться с динамитом, глупый вопрос; я вот что хочу знать: умеешь ли ты водить самолет?

– Обучали.

– Это хорошо, что ты такой, всему обученный. Ну а с парашютом прыгать умеешь?

– Дело нехитрое.

– Тогда садись и слушай внимательно, какое будет тебе задание…

* * *

Самолет уже было завел пропеллеры, Юрий и Катя облегченно вздохнули, но секунду спустя гул стал стихать. Юрий на ломаном русском спросил у пилота, в чем дело. Оказалось, ждут какой-то особый груз, кроме того, почему-то и его, пилота, решили заменить на другого.

Эта замена произошла почти тут же, и на место прежнего пилота уселся другой, высоченного роста детина (что было несколько странно: Юрий знал, что слишком высоких в авиацию не берут) – косая сажень в плечах. Вслед за ним в пилотскую кабину втащили небольшой деревянный ящик, и дверь захлопнулась.

До отлета оставалось несколько минут, когда в пассажирский отсек ворвался еще один запыхавшийся гражданин. Снизу ему подали два объемистых мешка. Гражданин втащил их и уселся позади Кати и Васильцева.

Вдруг гражданин произнес слова, от которых у Юрия упало сердце:

– Юрий Андреевич, и вы, миссис Сазерленд…

Это конец, подумал Васильцев.

Однако вслед за тем услышал:

– Не оборачивайтесь! Я здесь, чтобы вам помочь, спасти ваши жизни… Да не оборачивайтесь вы, Екатерина, я же сказал! И пистолетик свой уберите, меня это несколько нервирует.

– Кто вы? – спросила Катя.

– Считайте, ваш ангел-хранитель. У нас мало времени, поэтому не перебивайте. Вас вычислили и желают убить. В

самолете взрывчатка, а пилот – опытный диверсант. Запланировано, что он выпрыгнет с парашютом, а мина с часовым механизмом взорвется через десять минут. Вот я вам и принес подарок. – Он похлопал по одному из мешков. – С парашютом прыгать умеете?

– Только с вышки в Парке культуры, – тихо ответил Юрий.

– А вы, миссис?

– Приходилось много раз, – кивнула Катя. – Меня даже обучали делать затяжные прыжки.

– Вот и отлично, значит, справитесь. Подстрахуйте Юрия Андреевича. Во время полета вы увидите, что пилот выпрыгивает, и это будет для вас сигналом. Но не выпрыгивайте сразу вслед за ним, подождите минут пять. Иначе он увидит, что вы спаслись, а надо, чтобы все считали вас погибшими. Вы все поняли?

– Поняли, – хором отозвались Катя и Юрий.

– Превосходно! В таком случае желаю удачи, – кивнул «ангел-хранитель». – Постарайтесь уцелеть. Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

– Как вас зовут? – спросила Катя.

На это «ангел» усмехнулся:

– Вам обязательно требуется имя? Что ж, когда-то меня звали Митенькой. Несколько простовато для ангела, но тут уж ничего не поделаешь.

Пассажирскую дверь уже закрывали, и тут вдруг «ангел Митенька» завопил жалостливо:

– Постойте, граждане! Нет, нет, боюсь самолетов! Не полечу! – С этими словами он буквально вывалился из пассажирского отсека.

Вслед за тем дверь закрылась, и пилот-диверсант завел мотор.

– Ты сколько раз с той вышки прыгал? – спросила Катя.

– Один раз.

– Да, маловато.

– Страшно было, – признался Юрий, – с тех пор зарекся, что больше – никогда… Но не зря сказано: не зарекайся…

Самолет оторвался от земли. И тут с котом Прохором стало происходить что-то странное – он размяукался, а потом стал издавать какие-то странные хрипы.

– Тоже, как наш ангел Митя, самолетов боится, – посочувствовала ему Катя.

– Да нет. – Юрий вспомнил слова Борщова. – У него аллергия на динамит.

– Брось, такого не бывает.

– Ну, мало ли… – Юрий пожал плечами. – В любом случае

будет жаль, если погибнет.

– Не погибнет! – Катя взяла кота и засунула за пазуху, приговаривая: – Хороший котик. Не бойся, мы твои ангелы-хранители. У всех должны быть ангелы-хранители, даже у котиков…

Прохор, словно понял ее слова, сразу успокоился и притих. Юрий и Катя тоже притихли в ожидании, прислушиваясь к тому, что происходит в пилотской кабине…

…Это случилось минут через сорок полета. Они увидели через иллюминатор, как распахнулась дверь пилотской кабины и оттуда выпрыгнул пилот.

– Давай! – сказала Катя.

Они распаковали оба мешка и нацепили на себя парашюты.

– Ого! – обрадовалась она. – Тут и по запасному парашюту, и ножи парашютиста, все есть! Значит, так, ты прыгаешь первым, я – за тобой. Не бойся, если что – я тебя подстрахую. Помнишь хотя бы, где у парашюта кольцо?

Он кивнул, хотя от волнения уже и сомневался, что действительно помнит.

– Тогда держи руку на нем.

Кольцо оказалось на месте, и Юрий ухватился за него. Катя тем временем уже открывала дверь пассажирского отсека.

– Если что, есть еще запасной парашют, – напомнила она. – Только сначала надо обрезать стропы первого. Нож парашютиста держи наготове.

Юрий засунул нож за ремень.

– Ну, с Богом! – решительно тряхнула головой Катя. – Давай!

Он подошел к распахнутой двери и глянул вниз. Сквозь сумерки были видны лишь сиреневые облака, и его на миг охватила жуть.

– Вниз не смотри, – услышал он. – Прыгай!

Он выпрыгнул и тут же дернул кольцо, как делал это в Парке культуры.

Но тут был не парк. Он дернул кольцо слишком поспешно. Парашют, распахиваясь, скользнул по крылу самолета, от чего сразу смялся, стропы перепутались, и парашют вместо купола превратился в какую-то сосульку. Юрия закрутило, как волчок.

«Спокойно! – он стиснул зубы. – У тебя есть еще один парашют… Обрезать стропы…»

Юрий хотел выхватить нож, но его не было – выпал! От страха и волнения он этого даже не заметил. «Вот она, смерть…» – подумал Юрий, камнем падая вниз.

И вдруг увидел Катю. Раскинув руки и паря в небе, как птица,

она с нераскрытым парашютом летела в его сторону. Крикнула, перекрывая отчаянные вопли кота за пазухой:

– Хватай меня! Ну!

Он вцепился в нее обеими руками.

Катя быстро отрезала стропы его парашюта и сама дернула кольцо запасного.

Купол раскрылся. «Неужели спасены?!»

Некоторое время, прижавшись друг к другу, так и летели вместе. Кот, хотя Юрий его сильно придавил, перестал вопить: был не против слияния людских душ. Вместе, в обнимку, пролетели сквозь облака. Было незабываемое чувство – страха и восторга одновременно…

* * *

Щуплый паренек бродил по обшарпанным московским улочкам и думал только о том, как обманулся, рассчитывая на этих двух мозгляков. Нет, в этом мире надо действовать самому, в одиночку. Не все на такое способны, но ведь он – не все, он – Викентий, сын своего неустрашимого отца! И если где какая несправедливость – уж он-то будет знать, как себя повести!

На углу очередного дома горько плакала какая-то старушка.

– В чем дело, бабуся? – спросил Викентий-младший.

– Да вот, кошелек отняли, ироды, архаровцы…

– Где они?

– Вон, милок, улицу переходят.

Действительно, двое крепких мужиков переходили улицу метрах в двухстах от них. В следующую минуту они должны были свернуть за угол.

– Стой здесь, бабуся, – скомандовал Викентий, – жди меня. – С этими словами он устремился за указанными бандитами.

Парень настиг их уже за углом.

– Сами вернете кошелек бабке или вам помочь?

Те с любопытством оглядели этого мозгляка, смеющего тут, на их улице, командовать. Один из них подкинул кошелек на ладони и, хохотнув, проговорил:

– Оно лучше, конечно, ежели поможешь.

– А может, сразу ему по фуфлу? – предложил другой.

– Можно и так, – согласился первый, убирая кошелек в карман.

Вразвалочку они подошли вплотную к Викентию.

Все произошло настолько быстро, что если бы кто-то наблюдал за этой сценой, то ничего бы и не понял. Пара ударов

ребром ладони по двум толстым шеям, как учил отец, – и двое уже лежали на земле не шевелясь. Викентий проверил у каждого пульс и удостоверился, что они не зашевелятся уже никогда. Да, неплохую науку он успел пройти к своим шестнадцати годам!

Вытащив кошелек, Викентий вернулся к старушке:

– На, бабушка, держи. И ходи тут осторожней, а то мало ли что.

– Господь тебя храни! – услышал он вослед, ибо сам, не задерживаясь возле старушки, уже шел своей дорогой.

Шел и думал: да, так, только так! Бывает, что в этом поганом мире достаточно и одного судьи. Если сам этот судья еще и палач, то рано или поздно наступит настоящая справедливость. И такой судья, он же палач, уже имеется: это он, Викентий Второй, сын своего отца! Что бы там ни болтал тот очкастый доцент, уж он-то, Викентий, знает, что такое справедливость, и не даст миру соскользнуть с верного пути!

Да, сегодня только начало, но жизнь у него долгая, и все еще впереди!

Так и надо действовать, как нынче!

…А что, звучит неплохо: Викентий Второй. Еще услышат о нем!

* * *

…Что-то громыхнуло вдали, в небе взметнулось пламя. Самолет распался на две части, словно его перерубили гигантским топором, и обе половинки теперь, кувыркаясь, неслись к земле.

…Но что это там, внизу? Что за холмик на такой высоте? Земля еще далеко…

Да ведь это же купол парашюта! Диверсант! Каким-то воздушным потоком их, похоже, поднесло к нему!..

У диверсанта горел мощный фонарь, от которого конусом шел свет. В огромном круге этого света уже виднелась пока еще далекая земля.

– Та-ак… – проговорила Катя. – У нас еще, оказывается, дела… Отпусти-ка!

Юрий разжал объятия, и Катя с распростертыми руками, как птица, полетела вниз.

Подлетев сверху к куполу, она несколько раз выстрелила сквозь него из пистолета. Потом по этому куполу соскользнула вниз.

Видимо, она перерезала стропы, потому что Юрий увидел,

как диверсант, отделившись от парашюта, камнем полетел к земле, а его парашют сморщился, заполоскался, как тряпка, и упорхнул куда-то.

Только теперь Катя раскрыла свой парашют. И конус света падал теперь от нее – значит, успела выхватить фонарь.

Круг света на земле все уменьшался. Земля была теперь совсем близко.

Катя приземлилась первой и теперь фонарем указывала Юрию, куда ему приземляться.

Господи, вот сейчас!..

– Не сюда! – крикнула Катя. – Дергай левый строп!

«Почему?» Но строп он дернул.

Чуть отлетев в сторону, наконец ударился ногами о землю.

Катя подбежала к нему и проговорила:

– Слава богу! – При этом она почему-то светила фонарем куда-то в сторону. – Слава богу, ты не раздавил его!

– Кого? – не понял Юрий.

– Галчонка! Наверно, вывалился из гнезда. Я боялась, ты раздавишь его. Но – слава богу!

Юрий вгляделся и увидел, как небольшая птаха, еще не умеющая летать, неловко ускакала от света куда-то в сторону кустов.

И он сам тоже с облегчением проговорил:

– Слава богу…

Кот, уже выпущенный, терся о ногу Юрия, и тот сказал ему:

– Будем жить, котик.

– Будем жить, – вслед за ним повторила Катя.

А Юрий заорал теперь уже куда-то в пространство:

– Бу-у-у-дем жи-и-ить!..

notes

Примечания

1

Звание «майор государственной безопасности» в ту пору приравнивалось к общевойсковому званию «комбриг» (впоследствии – генерал-майор) (*здесь и далее примеч. автора*).

2

«Тайный Суд. Секретные документы» (нем.).

З

Скупщик драгоценностей (*блат. жарг.*).

4

Лаврентий Павлович Берия в 1938 г. был назначен первым заместителем Н. Ежова с целью потом сменить его на этом посту.

5

Петерс Ян Христофорович — один из создателей разведки ВЧК. Расстрелян в 1938 г.

6

Название румынской тайной полиции, существовавшей с 1921 по 1944 г.

7

Артузов (Феличи) Артур Христианович – один из руководителей советской разведки. Расстрелян в 1937 г.

8

Карахан (Караханян) Лев Михайлович – курировал советскую разведку по линии Народного комиссариата иностранных дел. Расстрелян в 1937 г.

9

Псевдоним советкого разведчика Рихарда Зорге.

10

Зиновьев (Радомыслъский) Григорий Евсеевич – долгое время руководил Коминтерном. Расстрелян в 1936 г.

11

Предать гласности (*фр.*).

12

Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов умер в 1919 году после того, как по окончании митинга в Орле его избили тамошние рабочие. Когда позже вскрыли сейф в его рабочем кабинете, там обнаружили большое количество иностранной валюты, золотых слитков и ювелирных украшений. По поводу назначения этого сейфа выдвигались разные версии, как правило, не слишком убедительные, но у Борщова, как видно, имелась на то своя собственная точка зрения.

13

Звание капитана госбезопасности в ту пору соответствовало общевойсковому званию «полковник».

Сукиного сына (*груз.*).

15

Партийная кличка И.В. Сталина во время его деятельности на Кавказе.

16

Мать его (*груз.*).

17

Джованни Медичи (1360–1429) – основатель династии Медичи.

18

Об обстоятельствах смерти наркома Н.И. Ежова существуют самые противоречивые сведения. Так, Р. Конквест в своем исследовании «Большой террор» пишет, что по одной из версий, не самой достоверной, Ежова нашли висящим на суку дерева во дворе психиатрической больницы тюремного типа, причем на шее висела табличка с надписью, сделанной не его рукой: «Я дерьмо». Впрочем, те времена породили столько легенд, что какая-то из них может оказаться и правдой.

19

Согласно одной из непроверенных легенд, эти слова принадлежали И.В. Сталину в бытность его тифлисским семинаристом.

20

Да свершится правосудие! (*лат.*)

21

К праотцам! (*лат.*)

22

В 1939 году в своей квартире в Брюсовском переулке была зверски убита актриса Зинаида Райх, вдова В.Э. Мейерхольда. Перед смертью она подверглась зверским пыткам: на теле было обнаружено 17 ножевых ран. Из дома исчезли все драгоценности, поиски преступников не велись. Не исключено, что майор Чужак имеет в виду именно этот случай.

23

Великолепно! (*итал.*)

24

Отлично! (*фр.*)

25

Какие тесные отношения! (*укр.*)

26

Король умер, да здравствует король! (*фр.*)

27

«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить» (*нем.*).

28

ОСО – особое совещание (оно же «тройка»), выносившее приговоры, приводившиеся в исполнение немедленно.

29

Бокий Глеб Иванович – комиссар государственной безопасности 3-го ранга, крайне увлекавшийся идеями мистицизма, рассчитывая поставить их на службу Советской республике. Расстрелян в 1937 г.

30

Деканозов (Деконзишвили) Владимир Георгиевич – один из замов Берия по НКВД. В описываемые годы работал послом СССР в Германии. Расстрелян в 1953 г. по так называемому «делу Берия».

31

Эй, гвардия! (*фр.*)

32

Оуэн Роберт (1771–1858) – английский утопист, реально основавший социалистическую общину. Однако его колония, созданная в США, оказалась совершенно нежизнеспособной и в конце концов развалилась.

Партизаны (*нем.*).

Переворот (*финск.*).

Возвышенные цели (*польск.*).

Совершенно! (*порт.*)

Бессмертный? (*англ.*)

Договорились? (*фр.*)

39

Император умер, да здравствует император! (*фр.*)